

С. БОРИСОВ

ФРУНЗЕ

Annotation

В настоящем издании представлен биографический роман о Михаиле Васильевиче Фрунзе, одном из наиболее блестящих военачальников Красной Армии во время Гражданской войны.

- [Семен Борисович Борисов](#)
 -
 - [1. ДЕТСТВО](#)
 - [II. МОЛОДОСТЬ БОЛЬШЕВИКА](#)
 - [III. В ГОДЫ РЕАКЦИИ](#)
 - [IV. ПОСЛЕ ПРИГОВОРА](#)
 - [V. ПОД ЗНАМЕНЕМ ОКТЯБРЯ](#)
 - [VI. НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ](#)
 - [VII. КОНТРУДАР ПО КОЛЧАКУ](#)
 - [VIII. ОСВОБОЖДЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ](#)
 - [IX. ПОБЕДА НАД ВРАНГЕЛЕМ](#)
 - [X. ГОДЫ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ](#)
 - [XI. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)

- [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
-

Семен Борисович Борисов

ФРУНЗЕ

„...Нет ничего выше, как звание члена партии, основателем и руководителем которой является тов. Ленин. Не всякому дано быть членом такой партии. Не всякому дано выдержать невзгоды и бури, связанные с членством в такой партии. Сыны рабочего класса, сыны нужды и борьбы, сыны невероятных лишений и героических усилий — вот кто, прежде всего, должны быть членами такой партии...”

СТАЛИН

1. ДЕТСТВО

В конце 70-х годов прошлого столетия военный фельдшер Василий Михайлович Фрунзе отбыл положенный срок службы в туркестанских войсках. Нужно было уходить в отставку и устраивать жизнь заново. Был он по национальности молдаванин, но с родным селом в Тираспольском

уезде Херсонской губернии порвал давно, да ничего у него там и не было. Решив, что с таким трудом добытые медицинские знания могут пригодиться и здесь, в Семиречье, Василий Михайлович Фрунзе обосновался в маленьком городке Пишпек (ныне Фрунзе, столица Киргизской ССР), получив там в 1879 году участок для постройки дома.

О Пишпек того времени один из старожилов рассказывал: «Жили в этом месте сперва русские казаки, из тех, что покоряли Туркестан, строили белые домики из глины, садили акацию. Так выросли три ровные улицы на пустыре. Киргизы кочевали вблизи, но заходили редко. Был, однако, выстроен для кочевников гостиный двор и даже был кочевой трактир: две кибитки развозили по кочевьям чай и водку в обмен на шерсть и баранов».

Бывший кишлак Пишпек превращался в город — резиденцию колонизаторов: военных, торговцев, чиновников. Город построен, как полк на параде. Пирамидальные тополя посажены строгими шпалерами. Пересекающиеся под прямым углом улицы идут с севера на юг и с востока на запад.

Местное население с неприязнью смотрело на русских пришельцев. Но Василий Михайлович Фрунзе быстро сдружился с киргизами и завоевал их доверие.

Поселившись в Пишпек, Василий Михайлович вскоре женился на проживавшей там переселенке из Воронежской губернии, Мавре Ефимовне, урожденной Бочкаревой или Капитановой. Последнее прозвище ей дали односельчане потому, что дед ее матери из солдат дослужился до чина капитана.

Мавра Ефимовна была энергичной, развитой женщиной. Еще девочкой в крестьянской семье она научилась грамоте и пристрастилась к чтению. Позже она познакомилась с лучшими произведениями русской литературы. Свою неизменную любовь к книге она привила и детям.

Михаил Васильевич Фрунзе родился 21 января (ст. стиля) 1885 года; он был в семье вторым сыном. После Михаила родились еще три дочери.

Дети были гордостью Василия Михайловича. Он работал не выпрямляя спины, стремясь дать им какое-либо образование. В Пишпеке не было средней школы, и, чтобы дать возможность детям учиться, семья переехала в конце 90-х годов в город Верный (ныне Алма-Ата). Вскоре -после переезда отец тяжело заболел. Единственным кормильцем семьи стал старший сын Константин. Мальчик давал уроки детям чиновников и купцов. Жалкие рубли, которые он получал за ежевечернюю беготню (днем он учился в гимназии), являлись основным источником существования всей семьи. И как ни изворачивалась Мавра Ефимовна, жить приходилось впроголодь. Бывали дни, когда не на что было купить сальную свечу, и дети готовили уроки при свете тусклой коптилки.

Василий Михайлович Фрунзе.

Василий Михайлович почти не вставал с постели. Чувствуя предательские остановки сердца, он думал об одном: смерть подступает... что будет с семьей? В конце февраля 1897 года Василий Михайлович Фрунзе, не додумав до конца свою жуткую думу, умер.

В «Памятной книжке Семиреченской области» за 1901 год напечатаны

воспоминания сослуживца В. М. Фрунзе. Вот что там написано об этом скромном и честном труженнике:

Он был «человек всегда отзывчивый к нуждам ближних и всегда во всякое время шел на помощь и помогал, как умел и как мог, словом и делом; он оставил по себе добрую память среди крестьян и киргиз. По своему природному уму и знаниям он стоял выше многих из окружающих его и занимавших более высокое, чем он, общественное и служебное положение. Благодаря своему трудолюбию и занятию хозяйством он достиг было некоторой обеспеченности, так что он мог дать детям своим, для которых он жил и трудился, образование в гимназии. Но времена и люди меняются... Прежние друзья и приятели, раньше заискивавшие в нем, а теперь дослужившиеся всякими правдами и неправдами до титулярного и даже надворного советника, отвернулись...

Разбитый нравственно и материально разоренный, переживая страшные душевные мучения, он умер...»

Мавра Ефимовна Фрунзе.

Михаил учился в первом классе верненской гимназии. Мальчик выделялся живостью характера и одаренностью, учителя скоро обратили на него внимание В кондуите Фрунзе рядом с записями: «Не был на спевке вечером в церкви — выговор в классе», «Подрался во время перемены — оставлен на один час» и т. п., находим и такие заметки: «Одобрение от

Педагогического Совета за отличные успехи и поведение», «Переведен без экзамена с наградой I степени...»

В конце учебного года, когда дети уже считали дни, остающиеся до летних каникул, Фрунзе вызвали в кабинет директора.

— Вот что, Фрунзе, — хмуро обратился к нему директор, — ваша мать не внесла плату за учение. Вы должны оставить гимназию.

Мальчик покраснел от смущения и, поклонившись, молча вышел из кабинета директора.

Он услышал вдогонку совет:

— Скажите матери, быть может, она достанет деньги.

Фрунзе знал, что денег у матери нет. Он с болью в сердце рассказал ей о разговоре с директором.

Мавра Ефимовна решила не сдаваться. Она пишет директору гимназии прошение. Скупой документ, слова которого пропитаны горечью нищеты, рассказывает о безрадостном положении семьи.

Мавра Ефимовна писала:

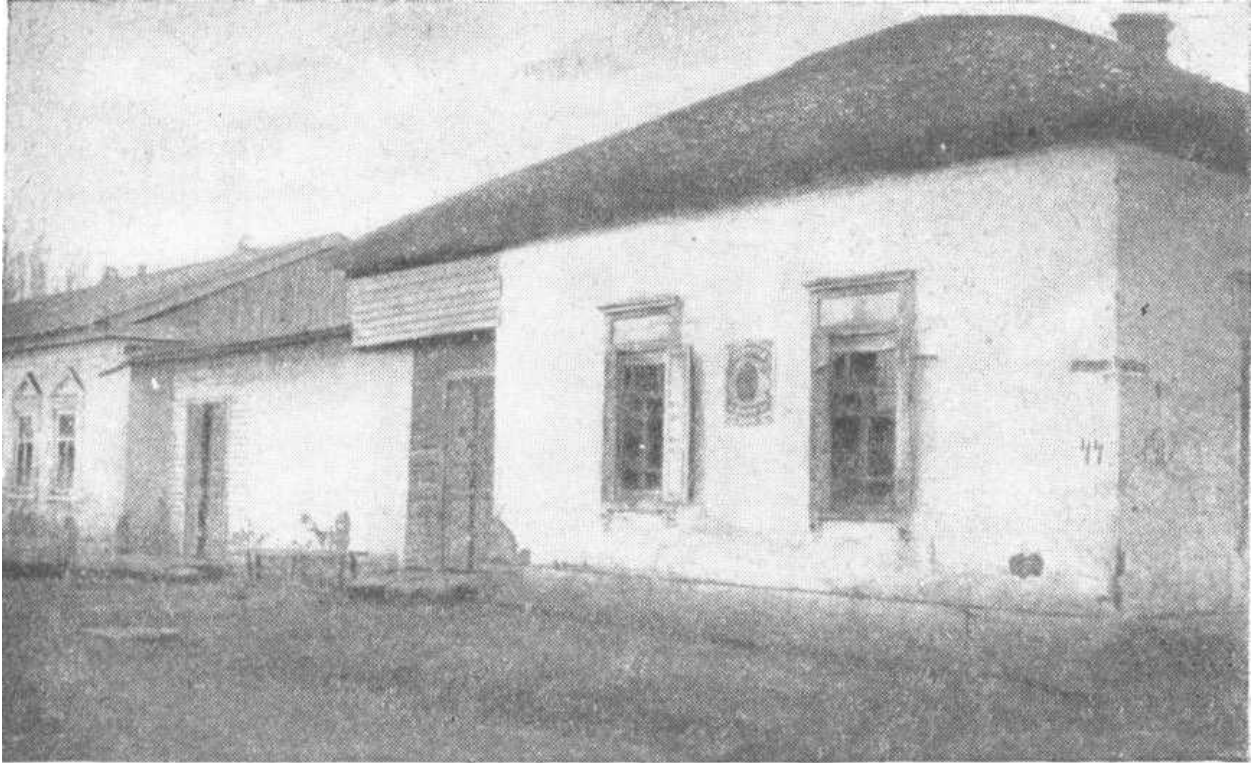
«На содержание моего семейства, состоящего из пяти малолетних детей, требуются средства, между тем я ни имущественного, ни денежного состояния не имею, пенсии не получаю... Муж мой умер... Хотя и возбудила ходатайство о выдаче мне пособия из казны, но на скорое получение надежды не имею... Прервать обучение детей безусловно не хотелось бы, так как все они учатся хорошо и подают надежду на успешное окончание курса, в чем для меня заключается вопрос обеспечения дальнейшего существования.

Находясь вследствие вышеизложенного в бедственном положении, решаюсь... просить, не признаете ли возможным помочь мне выдачею пособия из какого-либо источника по вашему усмотрению.

Мая 2 дня 1897 года.

М. Фрунзе».

Пособие было выдано: 30 рублей единовременно — по 6 рублей на душу. Михаила, как отличного ученика, при условии, что он и в дальнейшем будет отлично учиться, освободили от платы за учение.

Дом, в котором родился М. В. Фрунзе, в г. Пишпеке, на углу Судейской и Васильевской улиц.

Любознательный и живой мальчик много читал, увлекался шахматами, непрочь был и пошалить. Его сестра, Клавдия Васильевна, рассказывает случай из раннего детства: «Нас собрали в гости и, как водится, нарядили в лучшие платья, и, пока взрослые мешкались, Миша посадил меня в арык, сам залез и стал поливать меня из жестянки. После этой ванны наша внешность приобрела совсем не гостевой вид, и нас оставили дома».

Михаил любил собак, лошадей и особенно охоту. Эту страсть он воспринял от отца — охотника и любителя оружия. Мальчик был физически крепок, постоянно занимался гимнастикой и обливался холодной водой, закаляя свой организм. С большим терпением вырезал из дерева ружья, сабли, и когда «оружия» на-копилось много, он в бане устроил «арсенал».

Как-то один из знакомых спросил братьев:

— Вот окончите гимназию — кем вы потом желаете стать?

— Доктором, — заявил Константин.

— А ты, Миша?

— Генералом...

С детских лет Михаил любил военные игры. В душе каждого мальчика

живет воин. Кто в детстве не бросался бесстрашно в атаку на враждебные и коварные шеренги крапивы и репейника, сокрушая их деревянной саблей, пренебрегая ожогами, которые поверженный враг наносил незащищенным икрам? Редуты из песка, закоулки в саду, превращенные детской фантазией в пещеры, крепости. Игры, когда забывалось время обеда и исчезало чувство страха перед матерью за изодранные или измазанные штаны. В этих играх Фрунзе был изобретателен, ловок, силен и умел стоически переносить поражения: шишки на голове, синяки и ссадины он всегда тщательно скрывал от домашних.

Во время каникул Миша любил совершать с сестренками прогулки по окрестностям города. Каменистые дороги, заросшие колючим джерганаксом полянки, величественная панорама Тяньшаньских гор на горизонте манили вдаль, в неизведанные страны...

Прогулки в горы возбудили в Михаиле любовь к природе.

Будучи учеником старших классов, Фрунзе составлял большие гербарии. Один из таких гербариев был признан настолько ценным, что его даже отправили в какое-то научное учреждение в Петербург.

Много времени Михаил уделял чтению. Особенно любил он военную историю.

Героическое прошлое русского народа поражало воображение мальчика. Рождались мечты о подвигах, о доблести. Окружающая жизнь была тускла, однообразна, тем ярче возникали величественные картины прошлого: битвы Александра Невского, ледяное поле Чудского озера, народные дружины Минина и Пожарского, Полтава, Измаил, Альпы, Бородино... Но в рассказах военных историков не видна была повседневная жизнь героического народа, несущего бремя рабства, гнет самодержавия, помещиков и фабрикантов. Тут Фрунзе помогала художественная литература, где он находил обнаженную правду о социальном неравенстве, да и все окружающее говорило ему о безрадостной жизни трудящихся масс, об угнетении когда-то свободных народностей.

Из полководцев прошлого Михаила привлекал образ Тимура, быть может потому, что в том краю, где жил Фрунзе, проходили войска великого завоевателя. Через перевалы Ала-Тау, зубчатой стеной возвышающиеся на восток и на юг от Верного, «Железный хромец» вел свои полки. Рассказывают, что гора Санташ в Иссык-Кульской котловине создана солдатами Тимура. Чтобы узнать численность своей армии, Тимур приказал каждому воину положить камень, и поставленные счетчики насчитали миллион брошенных камней. Образовавшуюся гору назвали Санташ — миллион камней. Армия Тимура олицетворяла для Фрунзе силу

и бесстрашие азиатских народов. По литературе пытался он восстановить не только битвы, которые вел Тимур, но построение войск и боевые порядки.

Учитель Свирчевский, подметивший склонность мальчика к военной истории, сказал ему:

— Предсказываю тебе, Миша, будешь ты Суворовым.

Фрунзе рассмеялся:

— А может быть, Тимуром...^[1]

Михаил Васильевич Фрунзе в возрасте 4½ лет с сестрой Клавдией.

В гимназии Михаил был общим любимцем. Отзывчивый, готовый всегда помочь товарищу, он был зачинателем всевозможных кружков по

изучению астрономии, географии, причем в каждое свое увлечение вкладывал много энергии и упорства. Так, увлекаясь географией, он прочитал весь многотомный труд Реклю «Земля и люди».

Город Верный в то время был захолустным азиатским городком. Местная городская верхушка — чиновники, купцы, учителя гимназии — проводила досуг в пьянстве, за картами и никакого стремления к жизни более культурной не обнаруживала. Неудивительно, что живой и пытливый мальчик Фрунзе вызывал у некоторых своих преподавателей подозрение. Особенно не любил его законоучитель Янковский, изводивший учеников зубрежкой катехизиса. Фрунзе стал доносить по своим якобы наивным вопросам о происхождении мира.

Янковский не решался, конечно, вступать с Фрунзе в соблазнительные для окружающих дискуссии и под всяким предлогом старался удалить его из класса.

Были среди преподавателей гимназии и передовые люди. Добрую память оставил преподаватель русской литературы М. А. Стратилатов. Рискуя служебным положением, он старался объяснить явления общественной жизни по произведениям классиков, читал статьи из социал-демократических журналов.

Интерес к социальным проблемам поддерживали среди учеников старших классов студенты, приезжавшие летом на каникулы из Москвы и Петербурга. Благодаря студенту Затейщикову, бывшему тогда социал-демократом, Фрунзе ознакомился с нелегальными брошюрами, прочитал некоторые произведения Маркса, Плеханова, Ленина.

М. В. Фрунзе в 1904 г.

Среди усиленных занятий серьезной литературой, много и упорно работая над собой, Фрунзе находил время давать уроки. Слава о нем, как о лучшем репетиторе, жила в Верном долгие годы.

В кругу молодежи Михаил был первым запевалой и неутомимым танцором. Ни один вечер не обходился без его активного участия. С Фрунзе всегда было весело. Он охотно поддерживал всякие увлекательные игры и затеи, но однажды решил посмеяться над товарищами и отучить их от увлечения спиритизмом, входившим тогда в моду среди учащихся. Его пригласили на спиритический сеанс, на котором, по приказу «духа», столик должен был вертеться и давать ответы из «потустороннего» мира. Когда потушили свет, столик действительно обнаружил несвойственные ему признаки — двигался, стучал. Все присутствовавшие были возбуждены и взволнованы, но каково было их смущение и разочарование, когда узнали, что все это подстроил Михаил...

«Мы не были пай-мальчиками, — рассказывает один из товарищей Фрунзе по гимназии, — но никак не походили на хулиганствующих подростков. Помню, на нас убийственное впечатление производила площадная ругань, развязность в манерах, испорченность и легкое отношение к женщинам».

Цельность и прямота натуры Фрунзе, жажда знаний, близость к природе, теплое, участливое отношение к человеку действовали оздоравливающе на остальных товарищей.

Начало 900-х годов ознаменовалось под'емом революционного движения в России. Героическая освободительная борьба рабочих оказывала влияние и на учащуюся молодежь — студентов и учеников старших классов средней школы.

Отзвуки общественного возбуждения дошли и до Верного, но почти не всколыхнули сонную тишину обывательской жизни. Гимназисты старших классов стали собираться в «кружки для самообразования». Фрунзе принял в них горячее участие.

Он не скрывал от матери, что посещает кружки, где занимаются и политическими вопросами. Мавра Ефимовна знала, что начальство смотрит на это косо, но сына не отговаривала.

В последние годы учения Фрунзе приходилось задумываться о будущем: ему не хотелось ограничиться гимназическим образованием. Еще не оформившиеся стремления послужить своему народу бродили в голове Фрунзе. Что мог дать ему аттестат зрелости? В лучшем случае место

мелкого чиновника в каком-нибудь захолустье Семиречья, да и на такую службу выходцу из бедной семьи без протекции трудно было рассчитывать. Фрунзе решил пробиваться к знаниям, в Петербург, который из верненской глуши казался сверкающим маяком культуры, творческой жизни.

В гимназическом архиве сохранилась копия аттестата зрелости об окончании гимназии М. В. Фрунзе, где говорится:

«...Во внимание к постоянно отличному поведению, прилежанию и отличным успехам в науках, в Особенности же историко-филологических, Педагогический Совет постановил наградить его золотой медалью и выдать ему аттестат...»

Аттестат зрелости... Перед молодым Фрунзе лежала дорога в жизнь, полная смутных надежд, борьбы, лишений.

В 1904 году М. В. Фрунзе приехал в Петербург.

После тихих улиц Верного его поражали величественные фасады дворцов, сверкающие электричеством витрины, нарядная толпа, вереницы экипажей и карет с гербами.

Тотчас по приезде Фрунзе отправился на окраину города — в Лесной. Там, по ту сторону Невы, за Сампсоньевским проспектом, по дороге в Сосновку, тянулись унылые корпуса заводов и тесно жавшиеся друг к другу домишки, заселенные рабочим людом.

Этот Петербург — рабочих кварталов и заводских корпусов — принял Фрунзе в свое лоно.

Михаил Васильевич начал слушать лекции в Политехническом институте. Петербург жил тогда в предчувствии революционной грозы. Классовая борьба, нараставшая в рабочих окраинах, проникала и в стены института. Чаше происходили бурные сходки и многолюдные забастовки, сопровождавшиеся арестами и высылками студентов.

С первых же дней Фрунзе оказался вовлеченным в революционный водоворот. Прямота и решительность характера не позволили ему оставаться пассивным в стремительно развивающихся событиях. Он должен был примкнуть к одному из лагерей, на которые разделялось студенчество. Ему впервые пришлось столкнуться с определенно выраженными группировками, с политическими программами, планами борьбы. Трезвый ум помог ему найти пути, которые ближе и вернее выводили его на поле борьбы.

Студенты Политехнического института происходили преимущественно из демократических слоев. Политическую работу вели три партии: большевики, меньшевики и частично эсеры. Под какими

лозунгами выступали тогда большевики и меньшевики, с исчерпывающей ясностью сказано в «Кратком курсе истории ВКП(б)»:

«Большевики держали курс на развертывание революции, на свержение царизма путем вооруженного восстания, на гегемонию рабочего класса, на изоляцию кадетской буржуазии, на союз с крестьянством, на создание временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян, на доведение революции до победного конца. Меньшевики, наоборот, держали курс на свертывание революции»^[2].

Фрунзе без колебаний пошел к большевикам.

В первые месяцы своей студенческой жизни он писал домой часто, Подробно рассказывал о студенческих делах, посылал книги, газеты. В письмах к гимназическим товарищам Михаил рассказывал, как организовать кружки, какую литературу читать.

Потом письма домой стали приходиться реже и, наконец, прекратились. До Верного доходили смутные слухи о студенческих волнениях, о расправах с молодежью. Мать была в тревоге.

Михаил перестал писать не потому, что в вихре событий забыл о матери. Он целиком отдался пропагандистской и организационной работе. Во время одной большой революционной демонстрации в конце 1904 года его арестовали за оказанное полиции сопротивление.

Тогда же он был легко ранен. Это был первый арест. Вскоре после ареста Фрунзе, как «неблагонадежного», выслали из Петербурга.

В эти дни он написал матери письмо; оно походило на страстную прокламацию, обличавшую самодержавие. Конец письма звучал трагически.

Фрунзе писал:

«Жребий брошен. Рубикон перейден...»

II. МОЛОДОСТЬ БОЛЬШЕВИКА

Шуя...

Маленький городок Владимирской губернии жил напряженной, тревожной жизнью. Мелкая буржуазия, чиновники и обыватели были напуганы отзвуками первых раскатов революционной грозы. Они боялись выступления рабочих. В Шуе было много фабрик, общее число рабочих превышало 10 тысяч человек.

Никто, конечно, не обратил внимания на неизвестного двадцатилетнего юношу, поселившегося в начале 1905 года в одном из домиков на 2-й Нагорной улице. Да никто, кроме небольшой группы большевиков, и не знал, что этот дом — явочная квартира, а приезжий — М. В. Фрунзе, присланный большевистской партией для революционной работы.

Среди рабочих появился новый агитатор. С его приездом оживилась партийная работа в Шуе: стали чаще собираться рабочие кружки, устраивались массовки, доклады. Душой всех этих мероприятий был «Трифоныч»^[3].

Оживление в рабочих кругах не могло пройти незамеченным. Шпики и переодетые полицейские шныряли среди рабочих. Они искали Трифоныча, но Трифоныч исчез бесследно: Фрунзе переименовал свою кличку на «Арсения».

Начались обыски, аресты.

Какой-то провокатор сообщил исправнику Лаврову, что в доме рабочего Минаева, на 2-й Нагорной улице, живут революционно настроенные рабочие. Полиция установила за этим домом постоянную слежку.

Однажды вечером Арсений пришел взволнованный. Он с трудом избавился от следовавшего за ним по пятам шпика.

— Что с тобою? — спросила хозяйка.

— Не знаю, где мне сегодня ночевать, — ответил Арсений.

Минаевские жильцы уже спали. Около стола, на полу, примостились дети.

— Ложись вместе с моими ребятами, — предложила хозяйка.

Арсений, не задумываясь, полез под стол. Жизнь подпольщика приучает к неприхотливости. Все погрузилось в сон.

Ночью раздался стук в дверь.

— Кто там? — испуганно спросила хозяйка.

— Открывай, полиция!

В квартиру ввалились полицейские. Тускло горевшая керосиновая лампочка освещала бедную рабочую комнату. Блюстители порядка торопились: за ночь нужно было обойти много «подозрительных» квартир. Им показалось мало вероятным, чтобы приезжий из Петербурга студент искал себе пристанище в этом невзрачном приюте бедности. Разбудив всех спящих, они не удосужились заглянуть под стол.

Но через несколько дней полиция повторила свой налет и сразу же обратила внимание на Арсения.

— Что за человек? По каким делам приехал в Шую?

Арсений отвечал вяло, как будто вопросы не занимали его. Он заявил, что приехал в гости к родственнику.

— Паспорт?

Арсений показал свой нелегальный паспорт. Полицейский повертел в руках документ.

Паспорт «форменный», и печати, какие полагаются.

Полиция опять ушла ни с чем.

Арсению было поручено организовать рабочую боевую дружину. Партийная организация прислала ему оружие — 12 винчестеров, 10 браунингов и несколько револьверов других систем. Фрунзе переменял конспиративную квартиру и принялся за работу.

Иваново-вознесенская большевистская организация приступила к подготовке всеобщей политической забастовки. Арсений был вызван из Шуи для участия в этой работе.

Иваново-Вознесенск^[4] — большой фабричный город. Он возник из маленького села Иваново — бывшей крепостной вотчины князей Шуйских, Черкасских, графов Шереметьевых. Развитая текстильная промышленность придала ему славу «русского Манчестера». Когда М. В. Фрунзе приехал в это «ситцевое царство», там было более 60 тысяч рабочих. Под гнетом жестокой эксплуатации жили рабочие; при десяти-двенадцатичасовом рабочем дне ткачи зарабатывали по 15—20 рублей в месяц. Промышленная жизнь города была ключом. По мостовым от фабрик к складам и к станции железной дороги непрерывным потоком двигались подводы с товарами. На окраинах десятки фабричных труб застилали небо дымом. Около фабрик вкривь и вкось шли улицы и переулки, застроенные лачугами, потемневшими от фабричной копоти. В 1895 году, в день 1 мая, здесь

возникла рабочая организация — «Иваново-Вознесенский рабочий союз», и вскоре же была создана большевистская организация, входившая в состав Северного комитета РСДРП.

Большевистская организация в Иваново-Вознесенске завоевала большое доверие и популярность среди рабочих. Она вникала во все их интересы, для нее не существовало мелочей, раз это касалось жизни масс, и поэтому большевики хорошо знали, что думают и чувствуют рабочие.

Фрунзе скоро убедился в силе и влиянии большевистской организации.

В один из весенних дней 1905 года, по призыву большевиков, около 45 тысяч рабочих прекратили работу, 27 крупных фабрик и несколько мелких заводов одновременно остановились. Промышленная жизнь города замерла.

Среди рабочих распространились большевистские прокламации такого содержания: «Товарищи, наши хозяева сбавляют нам полчаса, вводят одиннадцатичасовой рабочий день. Хозяева входят с нами в панибратские сношения, приходят к нам в курилку, дают папиросы, об'являют о своей «милости» рабочим. Что это такое? Впрямь ли такая забота напала на хозяев о нас? Знайте, товарищи, что это волки приходят к нам в овечьей шкуре, чтобы легче обмануть нас, легче захватить добычу...»

Улицы заполнились рабочими. На площади из ящиков была устроена трибуна.

Ораторы призывали поддержать предъявленные фабрикантам требования, содержавшие тридцать шесть пунктов: сокращение рабочего дня, повышение расценок, отмена разорительной системы штрафов, ограничение произвола мастеров и т. д.

Пока эти требования не будут удовлетворены, не приступать к работе, — таково было мнение всех рабочих.

Полиция держалась в отдалении. Она впервые видела такую грозную силу — организованную массу рабочих.

Митинг прошел спокойно.

Сознание силы своего класса воодушевило рабочих. На следующий день Фрунзе участвовал в огромном митинге на берегу реки Талки. Там собралось около 35 тысяч рабочих поговорить о своих нуждах. В этот день, 26 мая, на Талке был создан Совет уполномоченных. Это был первый Совет рабочих депутатов — прообраз Петербургского и Московского советов в 1905 и 1917 годах.

Выборное собрание происходило под открытым небом. Президиум расположился на опрокинутой лодке.

В Совет рабочих депутатов вошли представители всех фабрик и

заводов в количестве 150 человек. Было избрано значительное число женщин, составлявших большинство среди иваново-вознесенского пролетариата; наравне с мужчинами они вовлекались в политическую жизнь. Совет взял на себя представительство и защиту всех нужд рабочих, руководство забастовкой и ведение переговоров с городским самоуправлением, властями, а также с владельцами лавок о получении кредита для рабочих на время забастовки.

Для охраны фабрик от штрейкбрехеров Совет организовал свою рабочую милицию, создал стачечную кассу и потребовал от властей закрытия винных лавок.

Капиталисты растерялись. Сохранилось любопытное письмо фабриканта Бурылина к своему родственнику:

«То, что произошло за три дня, не поддается описанию. Невиданная картина событий, рабочие — как звери. Я лишен кучера, сам кипячу чай, с фабрики последнего сторожа сняли, сам охраняю фабрику. Начальство растерялось. У наших нет единого мнения.

Мое честное убеждение — надо поскорей итти на небольшие уступки рабочим требованиям. Нам угрожают колоссальные убытки. Две партии непромытого вареного товара преют в котлах. В красильне — мокрые ролики. Мне известно из достоверных источников, что руководители забастовки — люди приезжие, с образованием. Руководят хлестко. Чувствуется в городе двоевластие. Рабочие не хотят договариваться на своих фабриках, выставляют общие требования».

Фабриканты и купцы спешили уехать из Иваново-Вознесенска. Городская дума прекратила свою работу.

Популярность Совета переросла пределы Иваново-Вознесенска; в Совет являлись делегации рабочих из окружающих фабричных районов. Они просили взять на себя защиту их интересов. Партийную организацию просили присылать своих агитаторов.

Для Фрунзе настали горячие дни.

Большевики руководили забастовкой, работой Совета, обеспечивали материальную помощь бастующим и т. п.

Чувствовался большой недостаток в людях, способных вести пропагандистскую и организационную работу. Совет после обсуждения текущих дел превращался в партийную школу; изучали марксизм, задачи рабочего движения, — и здесь на долю Фрунзе выпала большая работа. Эта своеобразная партийно-советская школа успела подготовить до двухсот агитаторов и организаторов, которые были брошены в ближайшие районы.

Увидев, что Совет не только руководит забастовкой, но и готовит

новые кадры революционеров, капиталисты обратились к властям с требованием ликвидировать «социалистический университет на реке Талке».

3 июня на берегу Талки Происходило очередное собрание рабочих. Власти, подпоив астраханскую казачью сотню и полицию, послали их на расправу. Пьяная банда палачей напала на безоружных рабочих, пустив в ход шашки, винтовки. Тех, кто избежал расправы на месте, схватили, подвергли истязаниям, бросили в тюрьму.

Возмущенные таким зверством, рабочие ответили террором. Запылали дома и дачи фабрикантов и купцов.

Иваново-Вознесенск был об'явлен на осадном положении.

На очередном собрании рабочие обсуждали протест против произвола полиции, отстаивая свое право собираться на Талке.

Один из ораторов предложил такой проект:

«Ваше превосходительство! Мы, ивановские рабочие, просим вас дать нам возможность собираться на Талке до окончания стачки...»

Но большинство рабочих было недовольно таким обращением. Стоило ли начинать забастовку, которая показала врагу сплоченность рабочих масс, и завершить все унижительной просьбой?

— Мы не милостыню просим!

Кто-то выступил с проектом нового обращения:

«Господину начальнику губернии. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов от имени 40 тысяч рабочих заявляет: если вы не разрешите нам заниматься мирно на Талке, то Совет снимет с себя всякую ответственность за беспорядки, могущие быть в такой неясной обстановке».

Рабочие зашумели:

— Крепче надо!

— Не просить, а требовать!

К председательскому месту пробрался молодой человек в студенческой фуражке. Рабочие, знавшие его, помогли ему проложить дорогу в тесной толпе.

— Дайте дорогу Арсению!..

— Пусть Арсений скажет!..

Приветливо пожимая на ходу руки товарищам, Фрунзе занял ораторское место.

— Товарищи, у меня тоже есть проект обращения к губернатору.

— Читай!

Арсений вытащил из кармана тужурки четвертушку бумаги, разгладил

ее и пытливо посмотрел на рабочих. Твердо отчеканивая каждое слово, он прочитал:

— «Протест на приказ начальника губернии.

Совет рабочих депутатов города Иваново-Вознесенска протестует против вашего запрещения сбора рабочих на Талке. Вы потворствуете фабрикантам в стачечной борьбе, оказывая им всякую помощь, чтобы сломить решимость рабочих. До сих пор ни одно законное требование не удовлетворено. Рабочие голодают вот уже месяц. Вы расстреляли рабочих на реке Талке, залили ее берега кровью. Но знайте, кровь рабочих, слезы женщин и детей перенесутся на улицы города, и там все будет поставлено на карту борьбы.

Мы заявляем, что от своих требований не отступим.

Вот воля рабочих города Иваново-Вознесенска. Ждем немедленного ответа по телеграфу.

Совет рабочих депутатов».

Арсений кончил, передал бумажку председателю и спросил притихших рабочих:

— Ну как, товарищи?

Толпа сразу зашумела:

— Правильно!

— Требовать, а не кланчить, как нищие...

Когда шум несколько утих, выступил пожилой ткач.

— Нешто так можно, — с недоумением развел он руками. — Слишком резко составлено. Не разрешит...

Но большинство поддержало Арсения, и протест был отправлен.

Энергичное выступление Совета, за которым стояли десятки тысяч рабочих, заставило власть пойти на уступки: собрания на Талке были разрешены. 23 июня после собрания рабочие двинулись в город. Когда начался митинг, полиция окружила площадь, однако напасть на рабочих не решилась.

После выступления Фрунзе были выработаны требования к фабрикантам.

Совет рабочих депутатов отправил к владельцам фабрик делегацию. Фабриканты отказались принять требования рабочих. Тогда Совет объявил, что снимает с себя ответственность за последствия.

Доведенные нищетой и голодом до отчаяния, рабочие начали громить мучные и бакалейные лавки. Фабриканты пошли на уступки. Стачка закончилась 14 июля.

Большевистская партийная организация в воззвании к рабочим писала:

«Пусть всякий себя спросит, что было до забастовки и что теперь? Не раскрыла ли глаза забастовка? Не сплотила ли она нас, показав, какую силу мы представляем, если мы действуем дружно?»

Царское правительство, крайне обеспокоенное всем происходящим, разрабатывало план разгрома рабочего движения. Пытаясь предупредить повторение иваново-вознесенских событий в соседних промышленных районах, власти направили в Шую крупные воинские силы.

Большевистская партийная организация Иваново-Вознесенска, внимательно следившая за борьбой шуйских рабочих, для руководства и связи с ними послала Фрунзе.

В дни всеобщей стачки Фрунзе казался вездесущим. Из Иванова — в Шую, из Шуи — в Кохму и т. д. Перебирался он, как придется, — поездом, пешком.

Пешком приходилось путешествовать не только из конспиративных соображений. Случалось, что на проезд не было денег.

«Я был свидетелем сцены, — рассказывает один подпольщик, — как покойный «отец», казначей комитета, выдавая Трифонычу (Фрунзе) деньги на железнодорожный билет в Шую, куда тот ехал для проведения массовки, требовал с него три копейки сдачи, а когда у Трифоныча сдачи не оказалось, то «отец» не поленился сходить в лавочку, чтобы разменять пятиалтынный, и вручил ровно сорок две копейки...»

Несколько человек из шуйских большевиков, зная о предстоящем приезде Фрунзе, устроили на окраине собрание.

Поезд из Иванова давно пришел.

— Пешком, по шпалам, наверное, дует Арсений...

Ждали час, другой. Наконец, вдали показалась пошатывающаяся фигура Арсения.

«Он тихо подошел, — рассказывает подпольщик Кузнецов, — улыбнулся и повалился на землю. На его лице была видна большая усталость. Он прошел 35 верст по полотну железной дороги от Иванова до Шуи. Отдохнув пять минут, он был уже на ногах. Лицо его озарилось доброй, хорошей улыбкой, и он стал говорить...»

Призывая шуйских рабочих к поддержке иваново-вознесенцев, Фрунзе, по воспоминаниям Кузнецова, сказал немного:

— Товарищи! Ивановская стачка показывает, какие гигантские силы борьбы таятся в рабочем классе. Нужна товарищеская поддержка бастующих. Надо организовать денежный сбор. Нужно пойти на фабрики и

рассказать рабочим об ивановской стачке, рассказать, за что они борются, — за интересы всего рабочего класса. Попытаемся зажечь рабочих Шуи тем же революционным огнем. Вызовем рабочие массы на демонстрацию. Пусть эта демонстрация будет немногочлюдна, пусть нам не удастся дойти до центра города. Это не важно! Важно, что взовьется и здесь красное знамя, здесь, в рабочих кварталах. Ни минуты бездействия! Устроим на фабриках летучки, пойдем к рабочему с живым словом! Все на помощь ивановским братьям!..

И когда после агитации большевиков началась демонстрация, в первом ряду шел Арсений.

Фрунзе не любил многословия. Но это не значит, что он был человеком замкнутым. Даже внешностью своей он располагал к себе. Его слова всегда были правдивы. Он не позировал, не подлаживался к собеседнику. Работал Фрунзе легко и радостно, и своей радостью заражал других.

Деятельность подпольщика сложна и ответственна. Проводится, например, беседа с небольшой группой рабочих или крестьян. И кажется, что беседа возникает случайно. На самом деле, для успеха ее требуется большая подготовка, вдумчивость и такт.

Говорить Михаил Васильевич умел зажигательно, находил самые простые слова, но каждое слово казалось слушателю отражением его собственных дум. Фрунзе постиг дар живого слова потому, что не только знал тяжелые условия жизни рабочих, но глубоко проник в их внутренний мир, сроднился с ним, слил свои думы и чувства с мыслями и стремлениями рабочего. Обучая дружинников, Фрунзе помнил, что это не солдаты, которым достаточно показать несколько приемов. Он стремился, чтобы каждый член боевой дружины был не только бойцом, но и агитатором, хотел поднять своих товарищей до собственного уровня. Но если ему встречался человек, обладающий большим жизненным опытом, пусть даже менее образованный, Фрунзе со вниманием, и радостью принимал всякий дельный совет. И, быть может, поэтому рабочие видели в нем больше друга, товарища, нежели учителя.

Третий съезд партии большевиков, собравшийся в мае 1905 года в Лондоне, четко сформулировал задачи партии:

«Принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым...»

Настала тревожная осень 1905 года.

Империалистическая русско-японская война, затеянная царским

правительством в погоне за новыми колониями и барышами, закончилась для самодержавия позорным миром. Поражение царских войск показало гнилость царизма широким массам народа. Большевистская партия считала вооруженное восстание для свержения самодержавия ближайшей задачей революции.

В ноябре вернулся в Россию Ленин и непосредственно руководил подготовкой вооруженного восстания пролетариата. Статьи Ленина в большевистской газете «Новая жизнь» являлись для членов партии практическим руководством в работе. большевика несли ленинские слова в массы.

Во всех промышленных центрах страны начались организованные выступления рабочего класса. Усиливалось и крестьянское движение. Во многих местах политические стачки и демонстрации переходили в баррикадные бои. Так было в Москве, Иваново-Вознесенске, так было и в Шуе.

Осенью 1905 года Фрунзе руководил в Шуе выступлениями текстильщиков. Одна за другой из подпольной типографии появляются прокламации, написанные Фрунзе. Эти прокламации, простым и ясным языком излагающие думы, надежды и ближайшие требования пролетариата, проникают на заводы, в цехи, в рабочие квартиры.

Возбуждение среди рабочих росло, и шуйская полиция обратилась к губернатору с просьбой прислать донских казаков. Подкрепление прибыло незамедлительно. Гарцуя на застоявшихся конях, по городским улицам прошли казачьи сотни.

— Ну, казаки теперь покажут, где раки зимуют,— говорили взволнованные рабочие.

— И казаки — люди, — успокаивал Фрунзе.

На партийном собрании он внес предложение:

— Установить связь с казаками и начать среди них революционную пропаганду.

Все понимали, что здесь нужна большая осторожность. Малейший опрометчивый шаг мог повлечь за собою провал.

Но Фрунзе уже давно присматривался к молодым рабочим-пропагандистам, посещавшим его кружок. Один из них показался ему наиболее подходящим. Фрунзе несколько раз побеседовал с ним, а затем, снабдив прокламациями, кратко сказал:

— Действуй!

Рабочий познакомился с вахмистром отряда Воротынцевым. После разговоров на общие темы перешли на политические. Вахмистр с

сожалением заявил:

— Политика — дело темное... Я в ней никак не разберусь...

Побеседовав, агитатор подарил ему несколько брошюр.

Через несколько дней произошла новая встреча с вахмистром.

— Ну как, читали книжки? — спросил агитатор.

— Читал. Все в них правильно. Только жизнь не устроишь так, как там написано.

— Все можно, если взяться дружно... А другим казакам давал читать?

— Давал. Читали.

— Много у вас в отряде казаков, которые рассуждают так, как ты?

— Найдется человек пять-шесть.

По совету Фрунзе, все шесть казаков вместе с вахмистром были приглашены на беседу. Агитатор рассказал им о том, как живут рабочие и чего они добиваются.

Беседа прошла оживленно, и, окрыленный успехом, агитатор предложил устроить более обширное собрание.

Фрунзе задумался:

— Нужно быть осторожным. Тут может быть злейшая провокация...

На этот раз Фрунзе решил сам провести собрание.

Место сходки было выбрано на еврейском кладбище, на далекой окраине Шуи.

В тихий осенний вечер 1905 года, когда на небе медленно гасли краски заката, на могильных плитах расселось больше двух десятков казаков. Перед ними, опираясь на мраморный памятник, стоял молодой студент. С шумом носились галочки стаи, заставляя оратора повышать голос.

Фрунзе говорил долго.

Казаки были явно увлечены ясной, разумной речью, затрагивавшей их за живое. Все наперебой задавали вопросы.

Внезапно Фрунзе спросил:

— Как вы будете себя вести, если вас пошлют разгонять рабочих?

Казаки повскакали с могильных плит.

— Поехать-то придется, но пороть рабочих не будем!

Под конец казаки обратились к Фрунзе с просьбой написать от их имени письмо есаулу с предложением изменить свое бесчеловечное отношение к подчиненным.

Это необычайное собрание позволило Фрунзе установить постоянную связь с расквартированными в Шуе донскими казаками. Были посланы пропагандисты также в караульную и конвойную команды. Когда связи укрепились, Фрунзе разработал план захвата арсенала с оружием.

Неожиданно казачьи сотни были спешно выведены из Шуи, а большинство солдат из караульной и конвойной команд заменены новыми. Какой-то провокатор выдал начальству план нападения на арсенал.

Полиция решила добраться до главного организатора «смуты». Она хватала рабочих без разбора. В ответ на полицейский террор боевая дружина стала снимать полицейских с постов, разоружать городских и стражников.

Шуя. Сарай, в котором скрывался М. В. Фрунзе.

Подготовив организованное выступление рабочих в Шуе, Фрунзе по заданию партии выехал в Иваново-Вознесенск, где готовилась крупная

демонстрация, Фрунзе предвидел, что борьба предстоит кровавая. Одному из своих товарищей он сказал:

— Я работаю над планами баррикадных уличных боев...

Он показал план улиц Иваново-Вознесенска. На план были нанесены река, мосты, расположение баррикад, наблюдательный пункт на возвышенности и место, где должен находиться революционный штаб.

По призыву партии большевиков рабочие Иваново-Вознесенска вышли на демонстрацию.

По всей главной Ивановской улице двигался живой человеческий поток. Над ним алел кумач знамен, колеблемых осенним ветром. Шли мужчины и женщины, бородатые рабочие и юноши. В переулках стояли полицейские — озлобленные, готовые к расправе. Но песня демонстративно звучала, как вызов:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног.
Нам не нужно золотого кумира,
Ненавистен нам царский чертог.

Колонна направилась к окраине. Показалась тюремная ограда. Кирпичные, неоштукатуренные корпуса тюрьмы с маленькими окнами за решетками внезапно очнулись от своего мрачного оцепенения. В переплетах решеток показались руки, кое-где замелькали красные платочки. Послышались крики:

— Да здравствует революция!

— Долой самодержавие!

Демонстранты остановились на площади перед тюремными воротами. Была послана делегация к тюремному начальству.

— Мы требуем освобождения политических заключенных.

Из камер доносился грозный шум. Тюремщики рас терялись. Они знали, что у рабочих есть оружие и что в случае сопротивления стража будет смята... Загремели железные засовы. Несколько десятков политических заключенных вышли на свободу.

Радостные, возбужденные одержанной победой, демонстранты повернули к Талке.

На берегу начался митинг.

Далеко разносился громкий голос Фрунзе:

— Товарищи! Половина России охвачена пламенем восстания. Сейчас

всюду идет борьба не на жизнь, а на смерть. Решается вся наша последующая судьба. Победит рабочий класс в этой борьбе, добьется он демократической республики — для него будет обеспечена возможность свободной борьбы за счастье и светлое будущее; если же он окажется не на высоте своей задачи, если позволит обойти и обмануть себя своим врагам, то в будущем ему предстоит та же каторжная жизнь, что и сейчас...

В это время со стороны города показалась вторая колонна. Она приближалась в зловещем молчании. Тускло поблескивали церковные хоругви.

— Черная сотня! — раздались крики среди рабочих.

В первых рядах черносотенцев — купцов, домовладельцев, чиновников, дворников — несли портрет царя. Внезапно из задних рядов выскочили конные казаки и полицейские. В руках черносотенцев тотчас же оказались колья и ножи. Засвистали, рассекая рабочие спины, нагайки, раздались выстрелы, слышались вопли женщин... Рабочие сопротивлялись, стаскивали казаков с лошадей, сбивали с ног полицейских, выхватывали у нападавших дубины, но силы были неравны. Демонстранты бросились в лес; на поле осталось много изувеченных и убитых товарищей.

Для борьбы с террором рабочие решили создать более многочисленную боевую дружину. Фрунзе отбирал на фабриках наиболее закаленных рабочих и проводил с ними военные занятия в лесу.

О разгроме рабочей демонстрации решено было выпустить прокламацию. Дело было поручено Фрунзе. Подпольная типография помещалась в подвале дома ярого черносотенца, одного из организаторов побоища на Талке. Несмотря на то, что ищейки окружали Фрунзе все тесней и опасность быть схваченным угрожала ему ежеминутно, он явился в типографию лично.

Отдавая наборщику текст, он сказал:

— Надо напечатать две тысячи листовок. Я дам тебе в помощь своих ребят...

Начали печатать.

Ночью домовладелец услышал подозрительный стук в подвале. Он разбудил жену. Та с испугу подняла шум. Хозяин дома бросился в полицию.

Узнав о переполохе, Фрунзе разыскал крестьян, скую подводу и немедленно погрузил все типографское оборудование. Когда полиция явилась с обыском, завернутые в одеяла и мешки шрифт, прокламации и разобранный станок были уже далеко за городом, по дороге в Шую.

Разделавшись благополучно с типографией, Фрунзе направился в лес на конспиративное партийное собрание.

Около фабрики Битовых неожиданно из засады выскочил казачий раз'езд.

— Стой! Руки вверх!

Казачи окружили Фрунзе, обшарили карманы и нашли револьвер. Как звери, набросились они на свою жертву.

— Студент! Революционер!

М. В. Фрунзе в 1906 г.

Несколькими ударами Фрунзе был сбит с ног. На шею ему набросили аркан, привязанный к седлу, и лошадь поскакала... Петля грозила задушить Фрунзе. Он схватил руками веревку и бросился бежать за лошастью, чтобы не быть удушенным. Осыпаясь ударами нагаек, Фрунзе совершал свой мучительный бег... Силы оставили его.

Поравнявшись с палисадником, казаки остановили лошадей.

— Лезь на забор!

Предполагая, что палачи натешились над ним и теперь хотят посадить его на лошадь, Фрунзе полез с петлей на шее на решетчатый палисадник. Но, когда он встал на поперечную жердь, казак со всей силой стегнул лошадь. Она рванула. Ноги Фрунзе застряли в решетке, но он успел ухватиться рукой за аркан. Лошадь еще раз рванула, забор затрепал, что-то хрустнуло в колене, и Фрунзе без сознания рухнул на землю... След от этого падения остался на всю жизнь. При усиленной ходьбе коленная чашечка соскальзывала, и ее приходилось вправлять.

Фрунзе пришел в сознание в тюрьме. Он лежал на каменном мокром полу в темной, зловонной камере. Все тело ныло, в ушах стоял непрерывный болезненный звон, на губах запеклась кровь. Фрунзе хотел повернуться, но режущая боль в колене не давала сдвинуться с места.

Время ползло медленно. Сырой холод пронизывал все тело. Сознание времени угасало, проваливаясь в черную ледяную пустоту.

Раздался ляг засовов. Дверь открылась, и скудный свет керосинового фонаря бросил слабый луч в каменный мешок. Фрунзе увидел лужи крови на полу, зеленую плесень на стенах и деревянную парашу к углу. Кто-то наклонился над ним, звеня ключами.

Запахло махоркой и дегтем от сапог.

— Жив.

Фрунзе слабо простонал в Ответ.

В камеру вошел еще кто-то.

— Не подход...

Началось новое избиение. Фрунзе потерял сознание, не чувствуя, как били его осатанелые тюремщики...

Через несколько дней, когда Фрунзе перевели из корпуса в камеру, он написал прокурору протест от имени группы арестованных:

«Мы, нижеподписавшиеся, были задержаны нарядом полиции и казаков и приведены на чембурах в Ямскую арестантскую, где и подверглись избиению со стороны казаков и находящейся стражи арестного дома: нас били перед входной дверью в коридор, в коридоре, в камере,

причем били кулаками (всех), нагайками (всех), поленом...»

Поленом били Фрунзе. Дикими побоями палачи хотели сломить мужество молодого большевика. Но они просчитались. Ни жалоб, ни просьб о пощаде они не услышали.

На допросах Фрунзе упорно молчал. У следователя не было каких-либо уличающих его фактов, чтобы возбудить дело по обвинению в организации «беспорядков». Между тем в либеральную печать проникли сведения о жестокой расправе с политическими арестованными. Поэтому власти вынуждены были ограничиться высылкой Фрунзе под надзор полиции в Казань.

Фрунзе прибыл в Казань в сопровождении двух конвойных. Просмотрев бумаги, полицмейстер заявил:

— Вы уже второй раз высылаетесь... Неприлично себя ведете, молодой человек...

Фрунзе усмехнулся.

Полицмейстер пристально посмотрел на него и строго сказал:

— Вести себя тихо. Являться в положенные дни на отметку в полицию... Затем дайте подписку, что самовольно не уедете из Казани.

Фрунзе подали бланк с напечатанным обязательством о невыезде, и он с легким сердцем подписал его.

Выйдя из полицейского управления, Фрунзе отправился на явочную квартиру. Казанские большевики хорошо приняли его и снабдили агитационной литературой.

— Когда уходит поезд из Казани? — спросил Фрунзе.

— Часа через два... А вы разве не переночуете у нас?

— С удовольствием, но меня ждут в Шуе...

Фрунзе вернулся в Шую на сутки раньше конвоя, который отвозил его в Казань.

Когда до Шуи донеслись вести, что московский пролетариат под руководством большевиков начал восстание, Фрунзе поспешил в Москву. Борьба была уже на исходе. Царские войска оттесняли рабочие дружины к Пресне. Фрунзе вступил в боевую дружину, которая на Тверской улице выдерживала натиск войск. Ряды дружинников косил пулемет. Фрунзе с несколькими дружинниками пробрался в тыл врага и захватил пулемет. Под прикрытием пулеметного огня боевая дружина в порядке отошла к Пресне.

В январе 1906 года развернулась кампания по выборам в Государственную думу, и Михаил Васильевич с головой ушел в партийную работу. По заданию партийной организации он написал статью «Дума и народ», в которой излагал взгляд большевиков на Думу. Когда статья

обсуждалась на партийном собрании, кто-то спросил:

— А где же мы ее напечатаем?

Этот вопрос заставил всех задуматься. Но Фрунзе быстро нашел выход. По его предложению собрание постановило:

«Сделать вооруженный налет на типографию Лимонова и произвести там печатание».

Выполнение этого партийного задания было возложено на Фрунзе и рабочего Гусева.

Это было 17 января 1906 года.

Над Шуйей сгущались зимние сумерки. На улицах зажглись редкие фонари. Фрунзе и Гусев расставили по улице, где находилась типография Лимонова, патрули и с пятнадцатью дружинниками вооруженные явились в типографию.

— Мы, товарищи, пришли с мирной целью, — обратился Михаил Васильевич к рабочим. — Мы просим посодействовать нам в выполнении одной важной задачи.

Пока Фрунзе объяснял, какую помощь могут оказать печатники партийной организации, несколько дружинников вошли в контору, где находился владелец.

— Руки вверх! Вы арестованы! Не пугайтесь, мы пришли только напечатать прокламации.

Один из дружинников сел у телефона.

Рабочие уже начали набирать статью. Гусев бегал от реала к реалу и кричал:

— Ребята, шевелитесь, дуй по-революционному!

Статья была отпечатана. Перед уходом Фрунзе зашел к владельцу типографии.

— Через пятнадцать минут, но не раньше, после нашего ухода можете звонить в полицию.

Полиция произвела тщательный обыск в типографии, но ничего подозрительного не нашла. Рабочие на вопрос, знают ли они налетчиков, ответили, что никогда их и в глаза не видели. Один наборщик, решив поиздеваться над полицейскими, заявил:

— Самый главный из них был в белой шапке.

Полиция бросилась по городу ловить и арестовывать всех, кто носил белые шапки.

На другой день жандармское управление меланхолично доносило губернатору:

«Совершено дерзкое нападение на частную типографию Лимонова

вооруженными злоумышленниками. Напечатано две тысячи противоправительственных воззваний. Злоумышленники скрылись в неизвестном направлении. Листовки не отобраны. Есть арестованные».

Фрунзе с увлечением вел кропотливую, но благодарную работу по укреплению партийной организации. Он был пропагандистом и организатором кружков на предприятиях.

По инициативе Михаила Васильевича в Иваново-Вознесенске создается пропагандистский кружок повышенного типа. В Шуе Фрунзе организовал кружок рабочих-агитаторов, в который привлек тридцать лучших большевиков-рабочих. Через рабочего Гусева Фрунзе установил связь с казармой и вел агитацию среди солдат.

Велика была тяга рабочих в большевистскую партию. «Занятые большую часть дня тяжелой работой,— рассказывает Михаил Васильевич, — живя и питаясь самым невозможным образом, они (рабочие) находили достаточно сил для посещения нелегальных митингов, лекций, пропагандистских кружков, организационных заседаний. И все это происходило в обстановке постоянной опасности быть схваченными, избитыми и даже убитыми. Собирались в дождь и в снег, в лесу, в сараях, в овинах и пр.».

В этих кружках получила политическую закалку стойкая группа пропагандистов: Афанасьев, Уткин, Шестагин, Матюшин, Гусев и другие. Рабочих-пропагандистов, подготовленных в кружках, Фрунзе направлял в деревню. В результате в Шуйском и Юрьевецком уездах возникают крестьянские организации большевиков.

Фрунзе был революционером ленинско-сталинского типа. Для него было ясно, что победа революции возможна только в союзе с крестьянством. Эсеры, считавшие себя «монополистами» по работе среди крестьян, всячески пытались ослабить влияние большевиков в деревне.

Эсеровская организация в Шуе вызвала большевиков на диспут на тему «Социализация земли». Заранее предвкушая поражение большевиков, эсеры тщательно готовились к выступлениям. Докладчиком был выдвинут Александр, считавшийся знатоком аграрного вопроса. Шуйские большевики забеспокоились, особенно когда Александр явился с огромной связкой книг и тетрадей, которые он в порядке разложил на столе. Доклад длился долго. Александр приводил множество цитат, особенно из немецкой книги Давида «Социализм и сельское хозяйство»^[5]. Эта книга недавно вышла в Германии, и мало кто ее знал.

Александр кончил.

— Кто желает взять слово? — спросил председатель.

— Я, — ответил Фрунзе.

И, цитируя на память большие абзацы книги Давида, Фрунзе стал уличать докладчика в подтасовках, приводил примеры из других трудов по аграрному вопросу и разбил все доводы противника.

Вооруженный ленинским пониманием роли революционного крестьянства, как союзника пролетариата, Фрунзе сумел доказать, что решение аграрного вопроса возможно только при свержении царизма и установлении революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

— Только тогда, — говорил Фрунзе, — возможно решить вопрос о конфискации помещичьей земли и распределении ее среди крестьян. Не в противопоставлении задач крестьян и пролетариата, как проповедают эсеры, а в союзе революционного крестьянства и рабочего класса, как призывают большевики, будет решен аграрный вопрос...

Фрунзе жил в Шуе нелегально, и поэтому ему все время приходилось скрываться от полиции. Рабочие оберегали своего руководителя, зорко следили за тем, чтобы их любимец Арсений не попал в руки врагов. Ежеминутно надо было ждать ареста, засады, предательского нападения охранников. Последним было дано задание — «при случае» без всякого шума убить Фрунзе.

Чаще всего Фрунзе находил приют на окраине города, в поселке Маремьяновке. Несколько в стороне от других построек, окруженный деревьями, там стоял домик, населенный рабочими. Благодаря своей изолированности он был очень удобен. Из окна виднелась дорога, ведущая в город. В дуплах старых деревьев в саду хранилось оружие, а подполье представляло собою тайник для хранения литературы.

Какому-то охраннику удалось проследить Фрунзе, когда он направлялся на митинг. Фрунзе заметил шпика и долго кружил, чтобы сбить его с толку. Но тот не отставал. Тогда Фрунзе решил завлечь его в глухое место.

Подошли к кладбищу. Фрунзе притаился за кустом. Шпик шел по тропинке, бросая пытливые взгляды на кусты. Фрунзе вынул из кармана револьвер и выстрелил, но промахнулся.

Шпик оторопело отскочил в сторону и пустился бежать к городу. Фрунзе внимательно осмотрелся — кругом было пустынно, фигура шпики скрылась.

Досадуя, что на этот раз он оказался плохим стрелком, Михаил

Васильевич отправился на митинг.

Отзывчивый, всегда веселый, неутомимый и самоотверженный, Фрунзе заражал всех верой в конечное торжество великих идей, за которые боролись большевики. Бледное лицо, открытый лоб, темнорусые волнистые волосы, откинутые назад, и серые, светящиеся добротой глаза—таков облик Фрунзе, который запомнили друзья. Другим становился Фрунзе в часы напряженной борьбы. Грозно сверкали глаза, строгая морщина на лбу говорила о решимости.

Михаил Васильевич был крепко спаян с рабочим классом. Он вошел в рабочую семью как свой человек, разделяя с ней все жизненные невзгоды. Рабочие любили и оберегали его.

— Наш Миша... — с нежностью называли его старые рабочие.

Рискуя потерять работу, попасть в тюрьму, рабочие всячески помогали ему, а в опасные минуты готовы были пролить свою кровь, защищая большевика Фрунзе.

Рабочие знали, что у Фрунзе нет другой цели в жизни, как борьба за дело рабочего класса, и что от этой цели он никогда не отступит.

— Арсений не выдаст, — говорили рабочие.

И когда в марте 1906 года, по решению высших партийных органов, в Стокгольме был созван IV (объединительный) съезд Российской социал-демократической рабочей партии, иваново-вознесенская организация послала в числе своих делегатов товарища Фрунзе. Это избрание свидетельствовало о том доверии, которым пользовался Фрунзе.

На IV съезде РСДРП было сорок девять делегатов-большевиков и шестьдесят семь меньшевиков. Съезд обсуждал животрепещущие вопросы революционной борьбы: об аграрной программе, вооруженном восстании, вопросы текущего момента и др.

Велики и непримиримы были разногласия между большевиками и меньшевиками.

В. И. Ленин дал такую оценку меньшевистской тактике на объединенном съезде:

«...правое крыло не верит в полную победу настоящей, т. е. буржуазно-демократической, революции в России, боится этой победы, не выставляет перед народом решительно и определенно лозунга этой победы. Оно всегда сбивается на ту в корне ошибочную и опошляющую марксистскую мысль, будто буржуазную революцию может «делать» самостоятельно только буржуазия или что буржуазную революцию надлежит вести только буржуазии. Роль пролетариата, как передового борца за полную и

решительную победу буржуазной революции, неясна правому крылу с.-д.»^[6].

Фрунзе с напряженным вниманием слушал Ленина, его беспощадную критику меньшевистской тактики. В прениях о текущем моменте выступил оратор, которого Фрунзе видел впервые. Выступавший с поразительной четкостью и ясностью излагал позицию большевиков.

— Кто это? — шопотом спросил Фрунзе у соседа.

— Сталин.

На этом с'езде началась дружба будущих великих пролетарских полководцев — Фрунзе и Ворошилова.

У Ворошилова, который был старше Фрунзе на четыре года, имелся уже большой опыт революционной борьбы. И жизненный опыт у Ворошилова был немалый. Он работал на заводе и на своей спине ощутил всю тяжесть капиталистической эксплуатации, а в 1899 году выступал как руководитель забастовки. Во время прогулок по тихим и чинным улицам Стокгольма Фрунзе и Ворошилов вели задушевные беседы об условиях жизни ткачей, шахтеров, металлистов. По соображениям конспирации Ворошилов из Климента превратился во Владимира и на с'езд прибыл под фамилией Вадимов. Перед от'ездом в Стокгольм К. Е. Ворошилов встретился с В. И. Лениным. С особенной теплотой и любовью рассказывал Ворошилов о своей первой встрече и беседе с Владимиром Ильичем Лениным. Фрунзе понимал и всецело разделял эти чувства восхищения и преданности вождю партии.

Все больше привязывался Фрунзе к этому веселому, крепко сколоченному луганскому слесарю, который олицетворял собою самое героическое и революционное в рабочем классе. За месяц совместной жизни молодые друзья хорошо узнали друг друга. Общность борьбы и принадлежность к единой великой большевистской семье спаяли их дружбу на долгие годы.

После с'езда возвращались они на свою родину без надежды на скорую встречу. Ворошилов ехал в Донбасс, на шахты и заводы, Фрунзе — во Владимирскую губернию, к ткачам.

По дороге Ворошилов должен был еще захватить с собою из Финляндии транспорт оружия, а Фрунзе — литературу из Петербурга.

III. В ГОДЫ РЕАКЦИИ

Фрунзе вернулся в Шую.

Партийные товарищи, заботясь о безопасности Фрунзе, предложили ему перебраться в Иваново-Вознесенск.

— Город большой, меньше будешь заметен.

— Не беспокойтесь. Я сросся с Шуей и здесь еще много поработаю.

— А если мы тебе прикажем?

Фрунзе ответил, что выполнит любой приказ партии.

Но партийный комитет не стал настаивать, и Михаил Васильевич продолжал свою работу в Шуе.

Наступили горячие дни по организации профессионального союза. У рабочих не было ни клуба, ни какого-либо подходящего помещения для собраний. На один вечер арендовали зал в гостинице «Лондон». Когда рабочие заполнили помещение, явились полицейские во главе с исправником Лавровым — следить за «порядком».

Настроение стало тревожным. Многие из рабочих знали, что с докладом должен выступить Фрунзе, которого полиция разыскивала.

Председательствовавший, открыв собрание, объявил:

— По организационному вопросу слово для доклада предоставляется представителю из Москвы товарищу Санину. Тема доклада: «Профессиональное движение».

И за столом докладчика появился... Фрунзе.

Рабочие многозначительно переглянулись. Вот так «Санин»... Но больше всего была озадачена полиция. Она даже растерялась от столь дерзкой выходки.

Однако едва Фрунзе начал свой доклад, как его перебил исправник Лавров, который, «во исполнение начертанного ему свыше приказания», говорить «Санину» запретил и потребовал от него документы. Аудитория встревоженно загудела. Полицейские пугливо озирались... Их было с десяток против нескольких сотен решительно настроенных рабочих. Исправник перетрусил.

Фрунзе продолжал доклад. Он длился полтора часа. Бодростью и верой в силы пролетариата звучал голос Фрунзе.

Начало профессиональной организации было заложено.

После доклада Фрунзе, окруженный плотной стеной рабочих,

благополучно покинул собрание.

После русско-японской войны хлебные торговцы, пользуясь хозяйственной разрухой, взвинтили цены на хлеб. Наиболее ощутительно это сказывалось в потребляющих районах, к которым принадлежала Владимирская губерния. Городское самоуправление, состоявшее из купцов и промышленников, ничего не делало для того, чтобы урегулировать хлебную торговлю и хлебопечение. Жалобы и протесты рабочих оставались без последствий. Тогда за дело взялись большевики.

В городе началась «хлебная кампания» — борьба за снижение цен на хлеб и упорядочение хлебной торговли. Комитет партии большевиков призвал рабочих к забастовке, организацию которой поручил Фрунзе. Это обеспечило успех забастовки.

Тысячи рабочих собрались на городской площади. Первым выступил Фрунзе.

Подъехали казаки. Они попытались разогнать митинг, но рабочие не расходились, и Фрунзе продолжал свою речь.

В стороне остановились казачий вахмистр и исправник Лавров. Увидев так близко неуловимого Арсения, вахмистр обратился к исправнику:

— Разрешите я его сниму. С одного выстрела уложу.

Стоявший рядом рабочий слышал эти слова. Он протиснулся к трибуне и предупредил Фрунзе.

Михаил Васильевич обернулся к вахмистру и гневно крикнул:

— Стреляйте, негодяи! Вы можете убить меня, но не убьете революционного духа рабочих!

Митинг сорвать не удалось. Была избрана комиссия для ведения переговоров с городской думой и торговцами.

Хлебная кампания прошла успешно; на хлеб были установлены твердые цены. При нищенском заработке рабочих снижение хлебных цен, даже на полкопейки на фунт, играло некоторую роль в бюджете рабочей семьи, но главное — массы все более и более убеждались в том, что большевики — единственная партия, защищающая интересы рабочего класса.

Приближалась весна 1907 года. Шла подготовка к первомайской демонстрации. Фрунзе все чаще менял свои конспиративные квартиры. В ночь на 24 марта

он нашел пристанище в домике рабочего Соколова на Малой Ивановской улице.

На рассвете раздался стук в дверь. Фрунзе разбудил соседа Малышева.

— Поди узнай, в чем дело.

Малышев вышел в сени.

— Кто стучит?

— Отпирай, полиция...

Фрунзе накинул на себя пальто и выпрыгнул в окно. Дальше оставалось только перебраться через забор и уйти задом через огороды. Фрунзе приблизился к забору, но оттуда сверкнули штыки винтовок: в огороде была засада из стражников и городских. Фрунзе выхватил из карманов оба револьвера. Он решил как можно дороже продать свою жизнь.

— Арсений, не стреляй, они моих детей убьют, — долетел до него жалобный шопот жены Соколова.

Фрунзе посмотрел на винтовки полицейских, на встревоженную мать и бросил револьверы в снег.

...Утром пристав допрашивал арестованного Фрунзе:

— Кто вы?

— Ни на какие вопросы отвечать не буду.

— Ваше имя?

— Арсений...

Но пристав и без того знал кличку Фрунзе.

Наутро весть об аресте Фрунзе разнеслась по городу. Десятитысячная масса рабочих, бросив работу, направилась к тюрьме.

— Арсения! Освободите нам Арсения! — слышались крики.

Тюрьму охранял полицейский отряд.

— Если подойдете близко, откроем огонь! — раздалось грозное предупреждение.

В то же время исправник Лавров срочно телеграфировал губернатору:

«Шуе арестован окружной агитатор Арсений. Все фабрики встали, требуя освобождения. Ожидаю столкновений. Необходимо немедленное подкрепление в составе не менее двух рот».

Решимость рабочих все росла. Не обращая внимания на угрозы полицейских, они приближались к тюрьме.

Кровавое столкновение казалось неизбежным. Караул взял винтовки на руку, щелкнули затворы...

— Предупреждаю последний раз! — прокричал офицер.

В этот момент рабочим передали призыв Фрунзе:

— Не подходите к тюремным стенам! Избегайте напрасных жертв.

Призыв Арсения предотвратил кровавое столкновение. Однако возбуждение среди рабочих не улеглось.

Губернатор телеграфировал министру:

«Шуе — форменный бунт. Дал распоряжение военному начальству послать не менее роты, эскадрон драгун и сотню казаков».

На следующий день, 25 марта, под конвоем из двух рот пехоты и казачьей сотни Фрунзе повели на вокзал.

Тысячная толпа немедленно двинулась по улицам к станции железной дороги. С трудом сдерживая напор людей, пытавшихся через конвой пробиться к Фрунзе, полицейские хрипло кричали:

— Осади назад!

Казачи угрожающе помахивали нагайками.

В ответ раздавались возгласы:

— Кровопийцы!

— Обмойте свои окровавленные руки!

— Отдайте нам Арсения!

Шуя. Дом Соколова, где был арестован М. В. Фрунзе.

Подошли к вокзалу. Солдаты окружили станцию плотной стеной штыков. Многие рабочие все же проникли через станционный сад, поближе к вагону с решеткой. Остальные выстроились вдоль железнодорожного пути.

Паровоз загудел. Поезд тронулся. Из тысячи грудей вырвалось последнее приветствие:

— Прощай, товарищ Арсений!

Фрунзе привезли во Владимирскую тюрьму.

Вскоре он был вызван на допрос к прокурору.

Стараясь казаться равнодушным, прокурор задавал обычные формальные вопросы: имя, звание, вероисповедание.

Фрунзе назвал себя Борисом Константиновичем Тачапским — документом на это имя снабдил его товарищ по гимназии.

Прокурор пытливо посмотрел на Фрунзе:

— Это ваше настоящее имя?

Михаил Васильевич ответил утвердительно. Прокурор продолжал свою игру в безразличие, исподтишка наблюдая за подследственным. Он не спешил, медленно цедил фразы, перелистывая лежавшее перед ним «дело». Шелестела бумага, и в этом шелесте было что-то усыпляющее. Наконец, прокурор прервал молчание:

— Господин Тачапский, так, кажется?

— Не кажется, а действительно так.

— Вы обвиняетесь в том, — строго объявил прокурор, — что состоите в Российской социал-демократической рабочей партии, которая поставила целью ниспровергнуть существующий в России строй путем вооруженного восстания.

Выжидающе посмотрел на Фрунзе и спросил вкрадчиво:

— Верно ли это?

Чуть заметная усмешка тронула уголки губ Фрунзе. Прокурор нетерпеливо накручивал на палец шнурок от пенсне. Наконец, Фрунзе ответил:

— Верно. И если хотите, я вам еще добавлю.

— Да, да...

— Наша цель — борьба за социализм.

Прокурор откинулся на спинку стула.

— Большевик?

— Большевик.

Переводя взгляд от бумаг на Фрунзе, прокурор стал быстро задавать вопросы:

— При аресте вы оказали вооруженное сопротивление?

— Оказал. К сожалению, обстоятельства не позволили дать хороший отпор.

— Какие обстоятельства?

— Это не важно...

— Вы возглавляли Шуйскую и Ивановскую боевые дружины?

— Да.

Самое главное — получить подтверждение для обвинения, по которому можно применить статью о смертной казни. И, словно мимоходом, прокурор спросил:

— А вы не стреляли в урядника Перлова?

— Нет.

— Скажите, кто ваши товарищи по работе?

Фрунзе в упор посмотрел на чиновника, и тот понял, что вопрос достаточно глупый: допрашиваемый не принадлежал к тем, которые в стремлении спастись топят других. Записав отрицательный ответ, он продолжал:

— А в нападении на типографию Лимонова участвовали?

— Нет.

Прокурор разгладил подшитую к делу прокламацию.

— Вот эта листовка была взята у вас при обыске, и она напечатана шрифтом из типографии Лимонова, как вы это объясните?

— Очень просто: лимоновский шрифт ничем не примечателен — такого шрифта на рынке сколько угодно.

— Вы участвовали в ивановской майской стачке?

— Да.

— А на Талке 21 октября?

— Был.

— А какова была ваша роль в этой стачке?

— Очень скромная — научиться у рабочих, как вести классовую борьбу с капиталистами.

— Ну и что же? Научились чему-нибудь?

— Иваново-вознесенская стачка, длившаяся три месяца, показала мне силу рабочего класса, размер этой силы, о которой вы не имеете никакого представления. Я убедился, что эту силу нельзя заставить терпеть гнет при помощи штыков и винтовок.

Михаил Васильевич не отрицал того, что полиции было уже известно от провокаторов. Он не хотел усложнять следствие и привлекать к делу новых лиц. Всю тяжесть вины он брал на себя.

Пока шло следствие, Фрунзе спешил использовать свой вынужденный досуг. С первых же дней заключения он начал читать, учиться.

Шуйские пролетарии еще раз сделали попытку освободить Фрунзе. Но какой-то провокатор предупредил об этом охранку.

Владимирский губернатор срочно уведомил начальника тюрьмы: «Шуйская боевая дружина, по постановлению революционного комитета и союза фабричных рабочих из Иваново-Вознесенска, Кохмы и Шуи, собирается к определенному времени прибыть в г. Владимир и нападением на исправительное арестное отделение освободить Арсения».

Томительно тянулись дни тюремного заключения. Следствие подвигалось медленно. Прокурор не хотел выпускать из рук свою жертву.

Наконец, нужная статья—103-я — найдена. По согласованию с военным министром, командующим войсками и другими инстанциями, дело Фрунзе, Павла Гусева и нескольких других обвиняемых передано на рассмотрение военно-окружного суда. Фрунзе будут судить по законам военного времени. Ему угрожает смертная казнь.

Настал день суда — 26 января 1909 года.

На скамье подсудимых Фрунзе и остальные обвиняемые, окруженные конвоем. Дело слушалось при закрытых дверях.

Председательствовал генерал-майор Милков — грубый, тупой солдафон, который не хотел считаться даже с принятым порядком ведения процесса.

После недолгого судоговорения был об'явлен приговор:

«...По лишении всех прав состояния, подвергнуть смертной казни через повешение...»

Из суда Фрунзе отвели в тюрьму. Была морозная ночь. Усеянное звездами небо, огромная луна и серебристый снег на крышах. Фрунзе с удовольствием вдыхал бодрящий холодный воздух. Поскрипывал снег под тяжелыми шагами конвойных, от которых даже на воздухе шел кислый казарменный запах...

«Это еще не конец», думал Фрунзе.

Он обладал упрямой верой в жизнь.

Снова тюрьма — темная, мрачная. Маленькие окна на кирпичной стене напоминают соты. И улей кажется мертвым.

С глухим звоном открылись тюремные ворота. Под тускло освещенными сводами прошли в контору. Надзиратель обшарил карманы, ощупал все платье. Заспанный помощник начальника тюрьмы взял у старшего конвойного пакет.

— К смертной казни... Лишен всех прав.

Тюремщик сделал постное лицо.

— Может быть, помилуют... Государя императора надо просить, покаяться надо, молодой человек...

— Спасибо за совет, — криво усмехнулся Фрунзе.

Фрунзе отвели в камеру. Возбужденный судом, ночной прогулкой, он долго не мог уснуть, ворочался на жестком соломенном тюфяке. Раздражали крадущиеся шаги надзирателя за дверью, подсматривание в волчок. Наконец, к Фрунзе пришел сон, глубокий и долгий. Проснулся он свежий, бодрый... Ему хотелось деятельности, движений, но пришлось ограничиться хождением от двери до окна — пять шагов вперед, пять назад. Принесли кружку кипятку и ломоть хлеба.

Днем вызвали в тюремную контору. Судейский чиновник вынул из портфеля бумагу и, не глядя на нее, объявил:

— Его превосходительство господин председатель суда на приговор наложил следующую резолюцию: «Поводов к подаче протеста не имеется», — о чем осужденному и объявляется...

Из конторы Фрунзе повели в подвал.

— Сымай вольную одежду! — приказал надзиратель, бросив кучу серого тряпья и какие-то опорки — тюремные коты. Фрунзе надел грубое, из мешковины, белье, тяжелый арестантский халат и ермолку.

— С обновкой! — мрачно пошутил надзиратель. — Теперь идем в кузницу — браслетки получать.

Кузница была рядом. Свирепого вида, черный одноглазый арестант держал щипцами в маленькой жаровне заклепки. Около чурбана с небольшой наковальней лежали железные, свившиеся, как змеи, кандалы. Фрунзе поставил ногу на чурбан. Железное холодное кольцо обхватило ногу поверх щиколотки, и кузнец ловким ударом заклепал одно, затем другое кольцо.

— Носить тебе и не сносить их...

— А как я теперь раздеваться буду? — с недоумением спросил Фрунзе.

— Научат. Через кольцо сперва одну штанину, по* том другую. А зачем тебе тревожиться? Ты смертник?

— Да.

— Ну, так тебя скоро удавят...

Придерживая рукой кандалы, мешавшие ходьбе, чувствуя давнюю боль в колене, Фрунзе пошел за надзирателем в камеру смертников.

IV. ПОСЛЕ ПРИГОВОРА

Камера смертников...

Осужденные сидят молча, настороженно вслушиваясь в каждый шорох. Лишь по ночам слышны глухие подавленные стоны.

Фрунзе спокоен. Его ум не терпел праздности. Каждая минута скупо отпущенной жизни должна быть заполнена деятельностью. Угроза виселицы не могла сломить его могучую волю к борьбе.

С разрешения начальства Фрунзе получил учебник и по утрам, с первыми проблесками дня, садился за изучение английского языка.

М. В. Фрунзе после смертного приговора. (Снимок тюремного врача.)

Сохранилась фотография Фрунзе, сделанная по его просьбе. На

поблекшей карточке — открытое, благородное лицо, устремленные вдаль светящиеся умом глаза и спокойно сложенные на коленях руки. Эта фотография ничем не выдает человека, над которым уже занесен меч палача.

Сестра Михаила Васильевича, Клавдия Васильевна, добилась разрешения на свидание и явилась в тюрьму. Она стремилась поддержать брата, найти какие-нибудь слова утешения в эти страшные дни ожидания смерти. Клавдию Васильевну ввели в большой полутемный тюремный зал, разгороженный двойной железной решеткой. Раздался кандалный звон, и сестра увидела приближающуюся из-за решетки фигуру в арестантском халате. Она узнала улыбающегося брата. Все такой же...

— Миша!

Нервы не выдержали, и Клавдия Васильевна залилась слезами.

— Клавдия, милая, успокойся, это же неизбежно в борьбе...

Брат всячески старался утешить сестру, облегчить ее страдания. Клавдия Васильевна усилием воли подавила слезы. «Что ж это, — подумала она, — вместо того, чтобы я его утешала, он меня успокаивает».

Минуты свидания пробежали быстро.

Фрунзе разговаривал, улыбаясь, иногда даже смеялся, и сестре минутами казалось, что смертный приговор — это кошмарный сон...

На прощание Михаил Васильевич твердым голосом сказал;

— Телеграфируйте маме, чтобы она не обращалась к царю с просьбой о помиловании.

— Прощай, Миша!

— Прощай, не забудь только телеграфировать маме...

Стража увела Фрунзе. Замер вдали кандалный звон, загремел дверной засов, и все стихло.

Не видя ничего от слез, Клавдия Васильевна побрела к выходу, унося с собой дорогой облик улыбающегося брата.

Дни ожидания казни были невыразимо тяжелыми. Фрунзе рассказывал:

«Это трагические были часы. В это время на глазах у всех уводили вешать. От спокойных товарищей услышишь слово: «Прощай, жизнь! Свобода, прощай!» Дальше звон цепей и кандалов делается все тише и тише. Потом заскрипят железные двери тюрьмы, и все стихнет. Сидят ребята и гадают: «Чья же очередь завтра ночью? Вот уже пятого увели!» Слез было немного. Деревянное лицо смертника, стеклянные глаза, слабая поступь — вот и все».

Фрунзе не принадлежал к тем людям, которые способны замкнуться в

себе, не замечать вокруг человеческих страданий. Он всегда умел находить слова нужные, непреложные, действовавшие на других с такой силой потому, что за ними чувствовалась убежденность, глубокая искренность. Но в эти дни и он иногда чувствовал свою беспомощность. Чем может он утешить товарища, перед которым витает ужасный призрак виселицы.

Вступив в партию большевиков и отдав себя целиком борьбе за торжество ее идеалов, Фрунзе никогда не сомневался в конечной победе. Не каждому участнику борьбы дано вкусить плоды победы. Борьба требовала жертв. Фрунзе был свален врагом, но борьба продолжается, и победа рабочего класса несомненна. Очень жаль, конечно, что он не будет участником праздника победы. Сознание собственного поражения не могло поколебать мужества Фрунзе. Но окружавшие его товарищи — по камере смертников — не обладали такой закалкой. Эти настроения окружающих, а частью и свои собственные, вылились у Фрунзе в стихотворении, быть может единственным, написанном им.

Северный ветер в окно завывает,
Зданье тюрьмы все дрожит,
В муках отчаянья узник рыдает.
Вот ему грезится образ любимый,—
Тихо склонилась с улыбкою милой,
Мягко коснулась рукою чела:

«Спи, моя детка, спи, мой любимый,—
Слышит он голос родной,—
Скоро конец всем мученьям, родимый*
Скоро уж, скоро ты будешь со мной».

Северный ветер все свирепеет,
Хочет он крышу сорвать.
Мертвого лик на подушке белеет —
Больше не будет страдать.

Суд, стремясь во что бы то ни стало отправить Фрунзе на виселицу, допустил ряд грубых ошибок: не дал защитнику Фрунзе своевременно ознакомиться с делом, не известил его о слушании дела, отказал в вызове свидетелей.

Кроме того, судебная расправа вызвала возмущение не только среди

рабочих, но и среди интеллигенции, у которой Фрунзе пользовался популярностью.

Защита подала кассационную жалобу в главный военный суд.

Фрунзе об этом не знал.

Прошло более месяца. Все так же по утрам раздавался страшный крик: «Прощайте, товарищи!», все так же печально замирал звон кандалов в коридоре.

На воле чувствовалось дыхание весны. Сквозь тюремную решетку проникали лучи солнца, доносилось щебетание птиц. Люди метались по камере и, усталые, впадали в полузабытье.

Фрунзе сидел за книгами. Уложив поудобнее кандалы, он читал и делал выписки.

Достигнув значительных успехов в изучении английского языка, Фрунзе стал штудировать «Политическую экономию в связи с финансами» Ходского, «Введение в изучение права и нравственности» Петражицкого.

Соседи по камере с изумлением смотрели на него.

— Никак он палачам хочет прочесть лекцию о праве и нравственности?

Через два с половиной месяца ожидания казни дверь камеры распахнулась, и надзиратель крикнул:

— Фрунзе, в контору!

Так обычно вызывали смертников, для которых уже был построен эшафот.

Фрунзе подумал: «Ожидание кончилось. Теперь смерть».

Выходя из камеры, он крикнул:

— Прощайте, товарищи! Меня ведут повесить...

Тюрьма загудела:

— Палачи! Убийцы!

— Прощай, дорогой товарищ!

Фрунзе привели в тюремную канцелярию. Там он увидел защитника.

— Михаил Васильевич, спешу вас порадовать — приговор отменен.

Фрунзе недоверчиво посмотрел на защитника.

— Зачем вы меня успокаиваете, обманываете... Я не мальчик, да и не хочу этого.

Когда пришел тюремный кузнец и расковал кандалы, Фрунзе удивленно спросил:

— Значит, я могу еще жить?

Судебная процедура была нарушена настолько грубо, что высшим судебным инстанциям пришлось отменить приговор. Главный военный суд

был так зол на председателя суда, не сумевшего по всем «правилам» сразу же послать Фрунзе на виселицу, что закатил ему выговор: «Председательствовавшему по настоящему делу военному судье — генерал-майору Милкову за допущенные нарушения об'явить выговор».

Над Фрунзе назначили новый суд.

Царское правительство делало все, чтобы на этот раз его жертва не вырвалась. Военный прокурор генерал-майор Домбровский подал главному военному прокурору рапорт, в котором, между прочим, писал:

«Признавая необходимым... лично поддержать обвинение по делу Михаила Фрунзе... прошу ваше высокопревосходительство разрешить мне выехать в гор. Владимир, где будет открыт временный военный суд для рассмотрения сего дела».

Фрунзе, конечно, заранее знал исход нового суда. Накануне процесса он вызвал защитника и решительно заявил:

— Беру с вас слово, что ни вы, ни мои родственники не подадите прошения царю о помиловании.

Защитник ласково потрепал Фрунзе по плечу:

— Милый юноша, ну на кой чорт вам нужно все это? Отрекитесь-ка от своих пролетариев, скажите, что по молодости лет увлеклись научной стороной социализма, и я даю гарантию, что вас помилуют.

Фрунзе вскочил.

— Я не нуждаюсь в вашей помощи! — побледнев от гнева, произнес он. — И, несколько успокоившись, добавил:

— Я люблю только удачные шутки...

Партийная организация прислала Фрунзе указание не бойкотировать суда, но энергично себя защищать...

Суд начался 22 сентября 1910 года.

На скамье подсудимых сидели Фрунзе, Гусев и несколько других участников первого процесса. Главное обвинение против Фрунзе, за которое грозила смертная казнь, — покушение на убийство урядника Перлова.

Партийная организация и родные Фрунзе стремились во что бы то ни стало опровергнуть пункт обвинения о покушении на урядника. В дни, предшествовавшие покушению, Фрунзе ездил в Москву. Нужно было доказать, что Фрунзе находился в Москве в самый день покушения, хотя на самом деле он вместе с Гусевым действительно пытался уничтожить назойливого шпиона.

Нашли в Москве врача Иванова, в больнице которого был Фрунзе во время приезда в Москву. Иванова убедили дать суду показания, что Фрунзе

именно в этот день был у него в больнице.

Начался допрос свидетелей. Настал вечер. В судебном зале еще не успели зажечь свет.

Вызвали врача Иванова.

— Вы утверждаете, что подсудимый Фрунзе находился в этот день у вас?

Иванов убежденно ответил:

— Да, я ему оказал помощь.

— А вы хорошо знаете лично подсудимого Фрунзе?

Иванов на мгновение смутился: он никогда не видел Фрунзе. Но тут нашелся защитник:

— Фрунзе, встаньте, свидетелю темно, не видно.

Михаил Васильевич встал.

— Да, это точно Фрунзе, который был у меня,— ответил тотчас же врач.

У прокурора в руке хрустнул переломленный карандаш.

Урядник Перлов настаивал в своем показании, что в него стрелял именно Фрунзе. Защите и подсудимым удалось сбить с толку этого тупого и невежественного служаку.

Между защитой и обвинением шла напряженная борьба за голову Фрунзе. Суд во что бы то ни стало хотел отправить Фрунзе на виселицу. Судьи хорошо понимали, что перед ними стойкий и закаленный большевик...

Михаил Васильевич держался спокойно. И, когда вынесли второй приговор — к смертной казни через повешение, — ни один мускул не дрогнул на его лице. Он смело смотрел в глаза своим судьям-палачам.

Когда Фрунзе привели в тюрьму, встретившиеся в коридоре товарищи спросили его:

— Какой приговор?

— Статья до конца, — пошутил Фрунзе.

Его поместили в одиночную камеру в нижнем этаже. И снова мучительно медленно потянулись часы, дни...

Фрунзе потом рассказывал:

«Осталось уже немного времени. Утром, часов около шести, как всегда это делалось в тюрьме, меня должны были повесить. Надежды на отмену приговора не было почти никакой. Бежать невозможно. И не медля, так как время приближалось к роковому концу, я решил хотя под конец уйти из рук палачей. По крайней мере, повесить им себя не дам, сам повешусь, пускай найдут труп... И стал готовить из простыни веревку.

К моему удовольствию, гвоздь оказался в углу печки, как раз то, что нужно. Но когда я уже занялся приготовлением веревки, загремел замок».

Но это пришел не палач, а вестник жизни — адвокат с сообщением об отмене приговора.

Новый смертный приговор вызвал возмущение в либеральной печати. Под давлением общественного негодования царское правительство заменило смертную казнь каторгой.

Впереди — десять лет каторжных работ.

После суда закованный в кандалы Фрунзе содержался во Владимирской тюрьме. Из одиночной камеры он был переведен в общую. Среди заключенных были не только большевики, но и эсеры, и анархисты, и все же Фрунзе вскоре стал признанным всеми авторитетом. Он организовал кружки по изучению политической экономии, читал лекции по истории революционного движения, по вопросам партийного строительства и тактики, он приступил к изданию рукописного журнала. Все это приходилось делать втайне от администрации, по ночам; днем заключенные были заняты на работе.

Фрунзе с увлечением занимался столярным делом. Но чаще всего приходилось сколачивать гробы. В тюрьме долго не засиживались: невыносимый режим и отвратительная пища делали свое дело.

Но вот заболел и Михаил Васильевич. У него было воспаление легких. Начался туберкулезный процесс. Тюремные стены грозили Фрунзе гибелью. Возникла мысль о побеге. Весной 1911 года вместе с пятью матросами, осужденными за участие в восстании во флоте, Фрунзе начал вести подкоп из тюремных мастерских, где работали каторжане. Воля! От этой мысли даже дух захватывало. Подкоп подходил к концу. Заготовили пилки, чтобы распилить кандалы. По ночам шептались о предстоящем побеге. Но бежать не удалось. Их выдал один негодяй, уголовник. Фрунзе и его друзья по готовившемуся побегу были жестоко избиты и брошены в карцер. Михаила Васильевича, кроме того, заковали в ручные кандалы.

Политические заключенные стали получать вести о начавшемся новом под'еме революционного движения.

Встревоженные слуги реакции вымещали злобу на своих пленниках — политических заключенных. Отменили ничтожные льготы для политических, отобрали книги, бумагу... В тюрьмах усилились репрессии, начались избиения. Первая попытка избиения политических в тюрьме встретила организованный Михаилом Васильевичем отпор. По предложению Фрунзе, политические заключенные об'явили всеобщую голодовку.

Хлеб, миски с супом полетели в коридор. Все требовали прокурора.

Голодовка длилась несколько дней, но прокурор не явился. Когда в камеру зашел арестант, занимавшийся уборкой, Михаил Васильевич сказал ему:

— Возьми, друг, эти шахматные фигуры и брось их в отхожее. Как бы не было соблазна их с'есть...

Шахматные фигуры были сделаны из хлеба.

Наконец, голодающие добились приезда прокурора, и на некоторое время произвол тюремщиков несколько уменьшился. Но злоба против Фрунзе у них была особенная.

— погоди, свернем и тебе шею, будешь шелковым.

— Ну, пока я жив, я с вами еще поборюсь...

— Утихомирим!

По малейшему поводу Фрунзе отправляли в карцер— холодная, без света, каменная яма в подвале. Здоровье Михаила Васильевича все ухудшалось. Тюремщики решили взять его измором.

В 1912 году, летом, Фрунзе перевели в Николаевскую каторжную тюрьму.

Начальник тюрьмы Колченко, закоренелый палач и истязатель, осмотрев новую партию своих пленников, спросил:

— Кто тут Фрунзе?

— Вот я тебя вылечу... У меня — тише воды! Чуть что — розги, карцер; попрубуешь — и не обрадуешься.

Голодные, измученные каторжане, гремя кандалами, уныло разбрелись по камерам. Все те же постылые стены, озверелые надзиратели.

Один из них, провожая Фрунзе в камеру, по дороге несколько раз ткнул его ключом в бок. Михаил Васильевич с презрением посмотрел на своего врага.

Надзиратель ударил Фрунзе ножами шашки по спине и злобно прошипел:

— Ты себе не думай! У нас, брат, не уйдешь. Ты только подумаешь, а нам уже известно. Всыпем пол-сотни горячих пониже спины, а потом сгноим в карцере... Политик!

Опять потянулась серая, однообразная жизнь в каторжной тюрьме.

Фрунзе поддерживал бодрость в своих товарищах. Он быстро и легко завоевал их симпатии. В своих воспоминаниях один из соседей Фрунзе по камере рассказывает:

«Михаил Васильевич быстро стал пользоваться уважением и любовью товарищей... Михаил Васильевич отдавал все, что получал из дому, и не

интересовался, как и на что расходовались эти деньги... Слишком общественный он был человек. Для него были все равны: и эллин, и иудей, рабочий, крестьянин, даже уголовный, лишь бы он был с мозгами и не несло от него мертвечиной. Удивительная способность сразу понимать человека, его интересы и стремления, простой, толковый язык, всегда дельный совет — все это создало ему огромную популярность, и каждый встречавшийся с ним считал его своим...»

В одном из писем к друзьям Михаил Васильевич сообщал из тюрьмы:

«На мне возят воду. Чувствую себя очень слабым. Пришлите письмо с нарочным. Хочется узнать о действительной жизни. Но не теряю бодрости духа. Судя по лицу даже тюремной стражи, вижу, что на воле повеяло новыми веяниями, по солнцу вижу перемену жизни. Надо переносить все до конца».

По случайным вестям, по редко попадавшим газетам Фрунзе, как образованный марксист, предвидел неизбежность столкновения империалистических государств. Ведя политическую работу среди заключенных, он говорил им:

— Готовьтесь, товарищи, набирайте знания, скоро все пригодится.

Началась империалистическая война. Каторга проявила к войне интерес чрезвычайный. Бывшие в те годы на каторге рассказывают: «Из тюремной библиотеки были разобраны буквально все географические атласы; во всех камерах политических висели большие карты военных действий с нанесенными посредством флажков границами фронтов. А сколько споров происходило из-за этих флажков! Если, например, в телеграммах сообщалось, что русские войска отступили к Люблину, «пораженцы» понимали это, что Люблин взят, а «патриоты» утверждали противное. При наступлении же русских возникало обратное толкование».

Фрунзе разбирался в значении тех или иных военных операций. В этом ему помогали знания, почерпнутые еще в юности из книг по военной истории. Стоя у карты, Михаил Васильевич об'яснял, где будут наступать немцы и почему, какой именно пункт должны защищать французы и т. д. Предсказания Фрунзе сбывались, к вящему изумлению товарищей.

В конце 1914 года Фрунзе был освобожден из каторжной тюрьмы и сослан на вечное поселение в Сибирь — в Верховенский уезд, Иркутской губернии.

Товарищи по заключению собрали Фрунзе на дорогу сухари, кто-то отдал даже пару белья. Последнюю ночь не спали: провели в разговорах.

Надзиратель, открывая дверь камеры, хмуро сказал:

— Выходи, вырвался живой — твое счастье...

Почти нет большевика-подпольщика, в послужном списке которого не значилось бы «находился в ссылке». Ленин, Сталин, Молотов, Ворошилов, Дзержинский, Киров, Свердлов, Орджоникидзе — все эти строители большевистской партии прошли через ссылку. Но и в глухих селах Севера и Сибири не прекращали они своей революционной работы.

Поселенный в селе Манзурка, в двадцати верстах от Иркутска, Фрунзе становится активным членом колонии политических ссыльных. Дискуссии, теоретическая разработка вопросов большевизма и яростная борьба с меньшевиками всецело поглощают его.

Из ссылки Михаил Васильевич пишет друзьям:

«...Россия из этой войны никак не может уйти не побитой. Обратите внимание на заграничные письма Ленина. Готовится большевистская конференция, места ее я еще не знаю. Получил свежие газеты из Женевы».

На каторге, в тюрьме, в ссылке Фрунзе, наряду с чтением литературы по самым разнообразным вопросам и изучением иностранных языков (английского, немецкого и французского), систематически изучал военную историю, тактику, стратегию.

— Вооруженное восстание неизбежно, — говорил Фрунзе, — и на другой день после захвата власти встанет вопрос о борьбе с контрреволюцией. Вооруженному восставшему народу нужны будут свои военные руководители.

Раздобыв с большим трудом литературу по военным вопросам, Фрунзе организовал кружок по изучению военного искусства. Он помнил указания Ленина,

что большевики должны изучать военное дело для предстоящей борьбы за коммунизм.

Один из ссыльных как-то сказал Фрунзе:

— Можно подумать, что вы готовились поступить в Академию генерального штаба...

— Подготовка у меня самая подходящая — был чем-то вроде командира боевой дружины, — смеясь, ответил Фрунзе.

— И два раза веревку на шею в знак отличия получили...

Михаил Васильевич был скромен. Он никогда не рассказывал о том, как много пришлось ему перестрадать в борьбе с самодержавием. Когда об этом напоминали другие, он переводил разговор на новую тему.

— Рассказывают, что Энгельса в шутку называли генералом. Надо сказать, что в военных вопросах он разбирался лучше многих наших генералов... Меринг дал прекрасный анализ прусской военной системы. Ленин в 1905 году уже указывал, что партия должна выделить отдельных

товарищей для военной работы— руководить боевыми операциями и вооружением отрядов... Я познакомился в Стокгольме на съезде партии с одним товарищем — луганским слесарем, который ухитрился из Финляндии в Донецкий бассейн перевозить транспорты оружия для вооружения рабочих дружин...

Успех кружка по изучению военного искусства был огромный. Благодаря ему многие из политических приобщились к военным знаниям. Но на эту своеобразную «академию генерального штаба» обратили внимание власти. Им померещилось, что Фрунзе готовит ссыльных для вооруженного восстания против местных властей... Кружок был разогнан. Фрунзе арестовали и по этапу отправили в Иркутскую тюрьму.

Партия ссыльных подходит к Манзурке.

Во время остановки на этапной ночлежке Фрунзе и других политических ссыльных поместили за дощатую перегородку. В большой общей комнате находились крестьяне-переселенцы.

Полицейский пристав обратился к ним с речью:

— Кто народ мутит? Из-за кого в нашей стране смута, беспорядки, жить плохо? Все из-за этих проклятых политиков...

Пристав указал на дощатую перегородку:

— Вот эти политики хотят продать Россию немцам... Шею им за это свернуть надо!

Малосознательные, озлобленные мытарствами переселения, готовые сорвать свою злость на ком угодно, крестьяне подхватили призыв пристава. Послышались угрожающие крики по адресу политических:

— Бей их!..

Фрунзе вышиб плечом дверь и смело появился среди возбужденных крестьян;

— Кто хочет бить, начинайте!..

Шум стих. Наступило неловкое молчание.

Тогда Фрунзе обратился к переселенцам. Он рассказал им, кто такие социалисты и за что они борются.

Крестьяне слушали молча. Когда Фрунзе кончил, его горячо поблагодарили:

— Спасибо!.. Нам такие слова не доводилось слушать. Правду-то от всех скрывают...

В 1916 году, летом, проживавшая в Москве сестра Фрунзе, Клавдия Васильевна, получила от матери письмо. Мать сообщала: «Разыщи в Москве Моравицкую и узнай о Мише...» Последний адрес Моравицкой сохранялся с 1905 года, но за это время она переменяла несколько квартир.

М. В. Фрунзе в ссылке в Баяндее, Иркутской губ.» лето 1915 г.

— Где Миша, что о нем слышно? — задала вопрос Клавдия Васильевна, разыскав, наконец, Моравицкую.

— Михаил в Петрограде, на-днях приедет в Москву...

— Как?! Он же в Манзурке, в ссылке...

— Бежал... Приходите через два дня к Додоновым, в Николо-Песковском на Арбате.

Клавдия Васильевна явилась в указанное время и увидела брата. Михаил Васильевич каким-то химическим составом смывал с паспорта чернила.

— Готовлю себе документ.

Сестра взяла паспорт^[7] и пришла в ужас: грязный, мятый, с плохо отмытым текстом.

— Как только ты его пред'явишь, тебя арестуют...

— Пока не получу другой...

На следующий день условились поехать гулять в Сокольники.

— Как тебе удалось бежать? — спрашивала Клавдия Васильевна.

— Сговорились с товарищем и, улучив время, перемахнули через тюремную ограду. Бежали в тайгу. В тайге бродили с месяц, питались главным образом ягодами, отощали, оборвались. Товарищ мой совсем приуныл: не хотел двигаться, просил оставить его и идти одному... Я ему сказал, что об этом не может быть и речи. Все же мы выбрались к Чите. Но в город войти в таком виде, какой мы приобрели в тайге, было невозможно, сразу обратили бы на себя внимание. Через некоторое время увидели длинный обоз, направлявшийся к городу. Мы среди обозников незаметно пробрались в города Там, связавшись с партийным комитетом, приобрели нормальный вид и паспорта.

М. В. Фрунзе среди ссыльных в Верхоленском уезде.

С паспортом на имя Василенко Фрунзе вместе с товарищами организует в Чите журнал «Восточное обозрение». Но охранка раскрывает, кто такой Василенко. Во-время заметив опасность, Фрунзе, с паспортом уже на имя Михайлова, уезжает в Петроград...

— Каковы твои дальнейшие планы? — спросила сестра.

— Куда прикажет партия. Хочу на фронт, в армию, там для нас много работы...

— Но если узнают, кто ты, то обязательно повесят...

Фрунзе рассмеялся.

В Сокольниках слушали музыку. Михаил Васильевич веселился больше всех — танцевал, пел, затевал всевозможные игры. Поздно вечером возвращались в город. Сели в трамвайный вагон. Едва Михаил Васильевич с сестрой заняли места, как с передней и задней площадок стали входить городовые...

Клавдия Васильевна встревожилась. Ей казалось, что внимание всех полицейских направлено на брата.

— Выйдем на площадку, — шепнула она.

— Не городских, а шпиков без формы нужно бояться...

Видя, что сестра нервничает, Михаил Васильевич согласился выйти на площадку. Но там городских было еще больше — это возвращались смены из наряда. Трамвай приближался к центру. Пропустив сестру вперед, Фрунзе внушительно сказал городовым:

— Ну-ка, молодцы, пропустите.

V. ПОД ЗНАМЕНОМ ОКТЯБРЯ

Россия истекала кровью.

Два года уже длилась империалистическая война. В окопах, тянувшихся от Балтийского до Черного моря, миллионы рабочих и крестьян жаждали мира, рвались к голодным семьям. Страна неотвратимо катилась в пропасть разрухи. В армии усиливалось недовольство, росло дезертирство — солдатская масса не хотела воевать. Охранка с фронта доносила о глухом ропоте среди войск. Перлюстрация писем показывала, что мысли солдат были далеки от той лжи, которую распространяла буржуазная печать о «верности» армии престолу. Даже казаки, которые рассматривались царским правительством как опора самодержавия, в письмах с фронта домой писали:

«Войне краю не видно. Бог знает, когда кончится это убийство несчастного люда, надоело смотреть на эту губительницу народа. Бог знает, за что три года войны, а убийство все увеличивается, сколько сирот, вдов и калек, умирающих с голоду, а конца все нет да нет».

В октябре 1916 года петроградская охранка доносила правительству:

«В армии настроение стало очень и очень беспокойным, если не сказать «революционным». Дороговизна жизни и недостаток продуктов, переносимые с трудом солдатками, очень хорошо известны в армии через самих солдат, разновремененно приезжавших сюда «на побывку». Беспокойство солдат за оставленные на родине семьи... с каждым днем все более и более увеличивается и является весьма благоприятной почвой для успеха революционной пропаганды».

Измученным солдатам нужно было указать выход из империалистической бойни. Это делали большевики. Рискуя жизнью, они шли в окопы, на корабли, распространяли прокламации, агитировали против войны и создавали в частях ячейки.

Среди большевиков, посланных партией на фронт для подготовки солдатской массы к борьбе с самодержавием, находился и Михаил Васильевич Фрунзе.

С документами на имя Михайлова Фрунзе поступил на службу в Земский союз (организация, занимавшаяся обслуживанием тыла действующей армии). Его блестящие способности организатора были быстро оценены начальством. Фрунзе давали ответственные поручения, и

он свободно раз'езжал в пределах Минского района, где было сосредоточено большое количество войск. Доверие к Михайлову со стороны начальства было так велико, что с ним советовались даже при приеме новых служащих.

— Вы, господин Михайлов, проверьте поступающего — благонадежен ли он в политическом отношении. Мы — организация аполитичная и не желаем, чтобы нашим флагом прикрывались социалисты для своей разрушительной работы...

— Конечно, конечно, разве можно допустить, — отвечал Фрунзе.

Михаил Васильевич устанавливает связи с большевиками в частях армии, налаживает получение информации и литературы из Москвы. Пользуясь своим служебным положением, Фрунзе развозил литературу по частям, созывал совещания подпольных ячеек и разъяснял позицию Ленина против войны. Такие совещания были проведены Фрунзе в Ивенце, Луннице, Минске.

М. В. Фрунзе с женой Софьей Алексеевной в период работы в Земском союзе на Западном фронте.

Обратил на себя внимание Фрунзе на одном из таких совещаний некто Романов. Он все время порывался вести протоколы совещаний и настойчиво предлагал заводить в каждой ячейке «делопроизводство». Опытный конспиратор, Фрунзе отверг это предложение. Осторожность Фрунзе была не напрасной. Впоследствии оказалось, что Романов — провокатор, работавший в охране под кличкой «Пелагея»...

Несмотря на бдительность фронтового начальства, Фрунзе создал подпольные организации и установил связь с революционно настроенными солдатами 3-й и 10-й армий, которыми руководил минский большевистский центр. Идеи большевизма находили все большее распространение среди солдат. Приближался февраль 1917 года.

В Петрограде восставшие солдаты и рабочие свергли царское самодержавие. Генералитет царской армии и монархическое офицерство в первые дни растерялись. Но, оправившись от первого испуга, они, пользуясь покровительством Временного правительства, стали сплачивать силы контрреволюции. Минск превращается в важный политический центр. Сюда стекаются контрреволюционные офицеры, но здесь же сосредоточены революционно настроенные войсковые части. Фрунзе тоже перебирается в Минск. Со всей кипучей энергией и страстью большевика он отдается делу революции. При его непосредственном участии Минский совет превращается в центр революционного движения на всем Западном фронте. Чтобы помешать контрреволюции использовать для реставрационных замыслов полицейский аппарат, последний немедленно уничтожили. Создается милиция, которую Фрунзе возглавляет как начальник.

Задача разоружения полиции и жандармерии была возложена на Фрунзе. Явившись с отрядом солдат в жандармское отделение, он заявил начальнику:

— Сдавайте оружие и следуйте за мной...

Фрунзе старался сохранить серьезность, но ему хотелось улыбаться. Сколько раз жандармы обращались к нему с таким же предложением...

Жандармский ротмистр побледнел и недоверчиво спросил:

— Я арестован?

— Да.

— По какому праву?

— По праву революции...

— А кто вы такой?

— Я — Михайлов, уполномочен Советом солдатских депутатов.

— Ах, Михайлов! Участник подпольной большевистской организации?

— Да. Но откуда вам это стало известно?

— У меня уже была заготовлена бумага о вашем аресте, но, к вашему счастью, — революция... И теперь вы меня арестовываете, — грустно закончил жандарм.

В первые дни после Февральской революции меньшевики и эсеры, в союзе с реакционным офицерством, захватили в свои руки солдатские комитеты. Перед большевиками стояла задача — организовать четырехмиллионную массу солдат Западного фронта.

Для успешного ведения борьбы с контрреволюцией и завоевания армии решено было выпускать газету «Звезда». Она была создана при ближайшем участии Фрунзе. «Звезда» вела неустанную, настойчивую пропаганду, разъяснявшую солдатам смысл событий, задачи революции, разоблачала ложь и клевету соглашательских и буржуазных партий.

На долю Фрунзе выпала задача организовать крестьянство, сплотить бедноту вокруг лозунгов партии. Эта работа была особенно трудна, так как в крестьянском вопросе большую активность проявляла кулацкая партия эсеров. В двадцатых числах марта Фрунзе организует совещание крестьянских делегатов и по заданию партии подготавливает крестьянский съезд. На этом съезде Фрунзе был избран председателем губернского крестьянского комитета. Вопреки распоряжениям Временного правительства, Фрунзе помогает в деревнях осуществить захват помещичьих земель. В мае, среди других делегатов белорусского крестьянства, Фрунзе отправляется на I съезд советов крестьянских депутатов в Петрограде. На съезде развернулась ожесточенная борьба партий за влияние на крестьянство. Фрунзе организует группу беспартийных делегатов и от ее имени выступает на съезде с декларацией.

«Передача власти народу, — заявлялось в предложенной Михаилом Васильевичем резолюции, — неизбежна в силу того, что данный состав правительства, благодаря преобладанию в нем буржуазных элементов, не в состоянии разрешить в полном согласии с требованиями народа основных и жгучих вопросов внешней и внутренней политики».

Воем и бранью встретили эсеры выступление Фрунзе.

— Большевик!

— Агент Вильгельма!

Резолюцию Фрунзе поддержала большевистская фракция съезда. Выступая в защиту резолюции, Фрунзе заявил:

— Чем власть может быть сильна? Только доверием страны, а Временное правительство такового не имеет.

М. В. Фрунзе, начальник милиции в Минске.

Фрунзе подверг критике земельную политику Временного правительства.

— Крестьянство хочет сейчас же почувствовать в руках землю, а этого нет, и, пока этого нет, не будет доверия Временному правительству.

Эсеровское большинство провалило резолюцию Фрунзе. Когда с'езд перешел к обсуждению аграрного вопроса, Фрунзе выступил с предложением:

— Ввиду прибытия на с'езд товарища Ленина предлагаю изменить порядок дня и выслушать Ленина.

Среди эсеров началось замешательство. Под разными формальными' предложениями эсеровское большинство с'езда не включило доклад Ленина в повестку дня. Владимир Ильич все же выступил с развернутой мотивировкой резолюции большевиков.

Этот с'езд, несмотря на эсеровское большинство, положил прочное

начало большевизации организованного крестьянства. И в этом деле сыграл славную роль Фрунзе, следовавший указаниям Ленина.

В дни контрреволюционного выступления генерала Корнилова, пытавшегося ликвидировать советы и создать правительство военной диктатуры, исполком Минского совета совместно с фронтовым комитетом назначил Фрунзе начальником штаба революционных войск Минского района.

Большевики Петрограда мобилизовали массы, и корниловщина была разгромлена.

VI съезд партии большевиков, происходивший нелегально в Петрограде, взял курс на вооруженное восстание против буржуазного Временного правительства. Товарищ Сталин на этом съезде указал на окончание мирного периода революции: «...наступил период не-мирный, период схваток и взрывов...»

Фрунзе выехал в Иваново-Вознесенск. Там, в партийном комитете, ему рассказали о положении в районных организациях.

— В Шуе наша организация оказалась слабой.

Эсеры там сбили себе прочное гнездо...

— Разрешите мне отправиться в Шую.

Партийный комитет дал свое согласие. В Шую Михаил Васильевич отправился вместе с Софьей Алексеевной Поповой, на которой женился во время пребывания на Западном фронте.

Весть о приезде Фрунзе разнеслась по шуйским фабрикам. Рабочие построились в колонны и с красными знаменами отправились на вокзал. Встреча была торжественная, радостная. Старые рабочие обступили взволнованного Фрунзе и жали ему руки.

— Дождались тебя, Арсений, свиделись...

— Десять лет тебя ждали...

На следующий день, 25 августа, фабрики были остановлены. Состоялся общегородской митинг. Первым выступил Фрунзе.

— Товарищи, положение ужасное. Корниловское восстание есть настоящая контрреволюция. Не думайте, что это восстание кучки генералов — это восстание всех наших буржуев с их министрами во главе с Керенским... Единственный выход из положения — передача всей власти советам и немедленное вооружение рабочих.

Приезд Фрунзе вдохнул свежую струю в жизнь местного совета. Положение в Шуе было тяжелое. Рабочим по три дня не выдавали хлеба. Шуйские купцы и фабриканты проводили в жизнь лозунг миллионера Рябушинского — задушить советы «костлявой рукой голода». Голодные,

доведенные до отчаяния, массы разгромили продовольственную управу. Шуйское общество фабрикантов и заводчиков потребовало от Временного правительства ограничения прав заводских комитетов. Рабочие ответили забастовкой.

Фрунзе начал проводить в жизнь лозунг партии— большевизацию советов. Агитационная работа большевиков усилилась — шла подготовка к уездному съезду советов. На съезде меньшевики и эсеры обратились с призывом к «единству» и поддержке Временного правительства. Выступавшие делегаты с мест говорили о голоде, о развале хозяйственной жизни.

— Большевики виноваты! — кричали меньшевики.

Взял слово Фрунзе.

— Всеми докладчиками указывалось на то, что голод усложняет работу советов. Но какой же выход из создавшегося положения? Задав себе такой вопрос, нам невольно приходится наталкиваться на вопрос о власти. В состоянии ли коалиционное правительство вывести страну из тупика и разрешить все те вопросы, которые выдвигаются жизнью? Пойдет ли правительство против себя? Нет. Пользуется ли правительство доверием широких народных масс? Нет. Единственным выходом из создавшегося положения является передача власти советам, которые одни могут вывести страну из тупика.

10 октября (ст. стиля) Центральный Комитет партии большевиков принял написанную Лениным резолюцию, в которой говорилось, что назрело время для вооруженного восстания. Центральный Комитет партии разослал на места уполномоченных по руководству восстанием. Фрунзе получил задание готовить к восстанию пролетариат своего района. Проводится объединение советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, существовавших отдельно. Фрунзе избирается председателем объединенного совета. В едином совете большевики составили сильную группу. Для проверки готовности масс к восстанию организуется демонстрация, на которую Фрунзе вывел войска в полном боевом снаряжении.

Получив из Петрограда известие, что по руководству восстанием создан партийный центр во главе с товарищем Сталиным, Фрунзе созывает актив большевиков и обсуждает с ними практические вопросы захвата власти.

«Наступает двадцать пятое октября, — рассказывает в своих воспоминаниях Михаил Васильевич, — приходит первое известие о перевороте в Петрограде. Немедленно созывается Чрезвычайное заседание

Совета... На котором об'является о перевороте и переходе власти в руки советов. Известие было восторженно Встречено широкими массами и быстро распространилось всюду. Не помню ни одного случая протеста или недовольства со стороны каких бы то ни было групп. Все противники переворота из числа интеллигенции и городского мещанства не могли бы слова сказать против при том настроении, какое имело место в народе».

Октябрьская революция вызвала дикую злобу буржуазии. Она не могла примириться с победой трудящихся. В Петрограде и Москве шли бои. Командующий войсками Московского военного округа эсер Рябцев обратился к войскам провинциальных гарнизонов с приказом двигаться в Москву для «подавления вспыхнувших большевистских беспорядков». Такой приказ был послан и в Шую. Он попал в руки Фрунзе.

И Фрунзе поспешил Рябцеву «на помощь».

Быстро сформировав отряд из частей гарнизона и рабочих боевых дружин, Фрунзе немедленно двинулся в Москву. По пути к шуйскому отряду присоединилось еще несколько отрядов. Под руководством Фрунзе сосредоточилось около двух тысяч бойцов.

Поезд подошел к Ярославскому вокзалу.

Вот и Москва. Хмурое, сырое утро. Город кажется притихшим. Изредка доносятся орудийные выстрелы. Фрунзе сошел с паровоза, на котором ехал всю дорогу, и, построив отряд на перроне, повел его на Лубянскую площадь.

На Театральной площади шел бой. Установив два трехдюймовых орудия, красногвардейцы обстреливали «Метрополь». Юнкера, засевшие в гостинице, никого не подпускали. Их меткий огонь сразил не одного отважного красногвардейца.

Подойдя со своим отрядом к Лубянской площади, Фрунзе под пулеметным огнем юнкеров повел шуйских пролетариев в атаку. Эта атака решила участь «Метрополя» — одной из последних опор контрреволюции.

Вечером 2 ноября Военно-революционный комитет издал приказ, который начинался словами:

«Революционные войска победили...»

Когда проходили выборы в Учредительное собрание, Фрунзе был избран по большевистскому списку от Владимирской губернии.

Накануне созыва Учредительного собрания Фрунзе приехал в Петроград. Столица еще сохраняла следы недавних боев. На улицах часто встречались отряды Красной гвардии, матросов. В городе чувствовался голод. Собираясь разрешить некоторые продовольственные вопросы для Иваново-Вознесенска, Фрунзе побывал в комиссариате продовольствия и в

других учреждениях.

Везде шла гигантская работа по созданию нового государственного аппарата. Фрунзе охватила жажда скорей окунуться в эту творческую и созидательную работу.

Дмитрий Фурманов, который в эти дни встретился с Фрунзе и стал потом его верным учеником и помощником, в своем дневнике отметил: «С Фрунзе не задремлешь, он разбередит твоё нутро, мобилизует каждую крупинку твоей мысли, воли, энергии, вскинёт бодро на ноги, заставит твоё сердце биться и мысль твою волноваться так, как бьётся сердце и волнуется мысль у него самого. Кто с Фрунзе работал, тот помнит и знает, с какой неистовой радостью отдавал он мысль, чувство и энергию, всего себя целиком в эти исключительные дни».

Буржуазное Учредительное собрание было распущено. Борьба за упрочение советской власти становилась все острее. По возвращении из Петрограда Фрунзе разрабатывает проект образования Иваново-Вознесенской губернии (Иваново-Вознесенск, Шуя и ряд других больших промышленных районов входили в состав Владимирской губернии). Для вооруженной защиты советской власти Фрунзе приступает к организации «народной социалистической армии». Когда началось наступление германских войск на Петроград, вновь организованные отряды были отправлены на фронт. У Фрунзе было страстное желание уехать на фронт с первым отрядом, но партийная организация, не считая возможным освободить его от работы по организации советской власти, выдвинула его на должность председателя Иваново-Вознесенского губисполкома.

Положение в новой губернии было очень тяжелым. Так, в течение марта в Иваново-Вознесенске на едока было выдано: муки — 4 фунта, крупы — 2 фунта, мяса — 2 фунта, масла — ½ фунта. В некоторых районах, под влиянием агитации эсеров и меньшевиков, создавались так называемые «голодные советы», требовавшие «свободы печати», роспуска Красной гвардии и отмены хлебной монополии. От имени меньшевиков и эсеров меньшевик Райвид предъявил Фрунзе декларацию с требованием «объединиться в Учредительное собрание». Фрунзе бросил декларацию на стол и сказал:

— Никогда! Власть мы не отдадим ни меньшевикам, ни эсерам, ни Учредительному собранию.

В городах началось всеобщее военное обучение рабочих. Агитация эсеров и меньшевиков не прекращалась. На некоторых заводах выносились резолюции с требованием «свободы торговли».

Советская и партийная работа у Фрунзе не отделялась одна от другой.

Вести борьбу нужно было не только с меньшевиками и эсерами, но и с «левыми коммунистами». Приехавшие в начале лета из Москвы Ломов и Бухарин стремились возбудить иваново-вознесенскую организацию против руководства партии, против Ленина и Сталина. Но на областной партийной конференции за раскольническую резолюцию «левых коммунистов» высказалось только три представителя иваново-вознесенской организации. Однако агитация «левых коммунистов» активизировала силы контрреволюции. В Кинешме вспыхнул мятеж против советской власти. Враги всех мастей стремились использовать хозяйственные затруднения для борьбы с советской властью.

Партия большевиков поставила задачи социалистического строительства на первый план. Фрунзе глубоко изучал хозяйственную жизнь губернии. Промышленность была в безотрадном состоянии. На одной фабрике оказывалось много топлива, но не было хлопка, на другой — наоборот. Рабочая сила распределялась неравномерно. Осуществляя указания Ленина, Фрунзе проводит национализацию промышленности, централизует управление, планирует производство, насаждает дисциплину. Но наладить работу промышленности мешает голод. И без того скудную продовольственную норму приходилось урезать.

Ленин дал новый лозунг, определивший очередную задачу партии: «Борьба за хлеб — это борьба за социализм».

Фрунзе организует ткачей в массовый поход за хлебом. Устраивает на фабриках собрания рабочих и вместе с передовыми пролетариями формирует продовольственные отряды для помощи деревенским комитетам бедноты и изъятия хлеба у кулаков. Всего было отправлено восемнадцать продотрядов.

В июле 1918 года «левые» эсеры подняли в Москве мятеж против советской власти. Ленин и Свердлов, руководившие подавлением мятежа (товарищ Сталин находился в Царицыне), потребовали стремительным ударом покончить с мятежниками. Троцкий, тайно участвовавший вместе с Бухариным в подготовке мятежа, неимоверно затянул разработку оперативного плана и медлил сосредоточением вооруженных сил. Мятежники между тем захватили здание Центрального телеграфа и рассылали по России провокационные телеграммы. Партия поручила Фрунзе, прибывшему в Москву на съезд советов, принять участие в очищении телеграфа от мятежников. Проведя лично разведку в районе Покровских казарм, где расположились основные силы мятежников, Фрунзе отправился на броневике к зданию телеграфа. После освобождения телеграфа Фрунзе примкнул к интернациональному отряду. Взяв четырех

бойцов, Фрунзе вторично отправился в разведку, проник в район расположения мятежников и получил необходимые сведения о численности и намерении контрреволюционеров.

После ликвидации восстания Фрунзе вернулся в Иваново-Вознесенск: вести оттуда были тревожные, в Ярославле вспыхнул организованный агентом Антанты Савинковым контрреволюционный мятеж. По плану заговорщиков он должен был охватить двадцать три города. Одновременно контрреволюционеры стремились уничтожить руководителей рабочего класса. В Петрограде эсеры убили Володарского и Урицкого, в Москве был тяжело ранен Ленин.

Положение в Иваново-Вознесенске стало крайне напряженным. Был создан Чрезвычайный штаб РКП(б). На соединенном заседании профсоюзов и завкомов Фрунзе, по поручению штаба, открывает кампанию за массовое вступление в Красную армию и призывает усилить бдительность. На подавление ярославского мятежа Фрунзе отправляет сильный рабочий отряд.

После разгрома контрреволюционеров в Ярославле Фрунзе назначается военным комиссаром Ярославского округа. Об этом периоде работы Фрунзе К. Е. Ворошилов рассказывает: «Чудом может казаться, что вчерашний каторжанин, затравленный беглец и ссыльнопоселенец становится... образцовым военным организатором в должности ярославского окружного комиссара...» ^[8]

Военная обстановка складывалась в те дни для Советской России весьма неблагоприятно. Несколько центральных губерний, составлявших в то время свободную от врага территорию, должны были дать фронту максимальное число войск. Высший военный совет республики потребовал от Ярославского военного округа формирования целого ряда дивизий. Работа по формированию, не допуская отлагательств, осложнялась тем, что на местах еще не был создан аппарат военного управления. М. В. Фрунзе работал дни и ночи напролет, проводя мобилизацию и создавая военный аппарат. Он вникал во все детали работы, контролировал, выезжал часто на места, всячески обеспечивая выполнение хода мобилизации и налаживая работу сложного аппарата окружного военного комиссариата.

М. В. Фрунзе среди бойцов Иваново-Вознесенского полка перед отправкой на Восточный фронт в 1918 г.

Фрунзе становится не только военным руководителем, но возглавляет и парторганизацию губернии как председатель бюро окружного комитета партии. В части округа направляются проверенные большевики, на военную работу мобилизуется четвертая часть всей парторганизации губернии, об'является призыв запасных.

— Необходимо превратить губернию в военный лагерь, — заявляет Фрунзе на партийном активе.

Сопrotивление контрреволюции становилось все ожесточенней.

В Иваново-Вознесенской губернии вводится военное положение. Фрунзе организует ряд митингов под лозунгом: «Крепкий тыл даст возможность построить и крепкий фронт». Проводится всеобщее военное обучение. Отряд за отрядом отправляются на фронт. По инициативе Фрунзе формируется Иваново-Вознесенский рабочий полк, который вписал славные страницы в историю гражданской войны.

Красной армии нужны были военные специалисты. Михаил Васильевич резко протестовал против раболепного преклонения перед

военными специалистами старого образца, так усердно практиковавшегося предателем Троцким. Считая в то же время, что образованные специалисты необходимы при строительстве новой Красной армии, Фрунзе привлекал их с большой осмотрительностью.

Один из работников того периода рассказывает о Фрунзе: «Чрезвычайно учтивый, вежливый и приятный собеседник по наружности, в душе Фрунзе оставался старым конспиратором-партийцем, который очень осторожно держался со своими военными сотрудниками. Но генштабисты были в восхищении от своего комиссара, который умел привлекать кого нужно к советской власти и не стеснялся по-военному подтягивать своих партийных товарищей, если они надевали шинель красноармейца и работали плохо, нерадиво».

Гражданская война охватывала все новые территории нашей родины. Нажим контрреволюции и интервентов усиливался, и убыль на фронтах требовала новых пополнений. Фрунзе формирует и комплекзует отряды, полки, руководит обучением войск и сам проходит практическую школу организатора вооруженных сил. Отправляя части на фронт, Михаил Васильевич глубоко сожалел, что не мог примкнуть к ним.

— Эх, — сказал как-то Михаил Васильевич своему помощнику, — если б дали мне полчишко, да еще кавалерийский и отправили бы на фронт...

«Полчишки» двигались на фронт, а Фрунзе не в шутку продолжал воевать со снабжающими органами, добиваясь получения обмундирования, продовольствия для комплектуемых частей.

VI. НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ

Международный империализм, объединившись с внутренней российской контрреволюцией, пытался задушить молодую социалистическую республику, разгромить ее. На севере высадились английские оккупанты, на востоке хозяйничали японские интервенты, Украина была под властью оккупационных войск германского кайзера, на Дону свил гнездо атаман Краснов, в уральских и оренбургских степях разбойничали банды Дутова, в Сибири англо-французские империалисты поставили Колчака, об'явив его «верховным правителем России», то-есть подчинив ему всю контрреволюцию России.

К концу 1918 года Колчак создал на Восточном фронте почти двойное численное превосходство против красных войск и двинул свою армию на Москву. Главный удар Колчак намечал через Пермь — Вятку, надеясь в районе Вологды соединиться с войсками интервентов на севере. Положение на Восточном фронте было неустойчивое. Красная армия вынуждена была приостановить наступление на центральном участке фронта. На севере по вине Троцкого, не выполнившего указаний Ленина об укреплении позиций, была сдана Пермь.

В. И. Ленин и Центральный Комитет партии поручили И. В. Сталину и Ф. Э. Дзержинскому расследовать причины падения Перми. В своем докладе товарищу Ленину от 31 января 1919 года товарищ Сталин указал на предательский метод «руководства» Троцкого Восточным фронтом. Назначенные Троцким и при его попустительстве контрреволюционные военспецы довели управление армиями и дивизиями, а также руководство снабжением до развала.

Товарищ Сталин быстро и решительно восстановил положение под Пермью, провел огромную работу по чистке и укреплению всего Восточного фронта. На Восточный фронт партия бросила лучшие силы большевиков. Рядом революционных мероприятий Сталин подготовил тот необходимый перелом, который позволил Красной армии в ближайшее время перейти в наступление. Колчаковский план похода на Москву через Пермь — Вятку и соединения с интервентами на севере был сорван.

М. В. Фрунзе еще 26 декабря 1918 года был назначен командующим 4-й Красной армией.

О назначении Фрунзе на фронт тотчас же стало известно иваново-

вознесенским ткачам. В своих выступлениях на рабочих собраниях Иваново-Вознесенска Фрунзе неизменно указывал:

— Иваново-Вознесенская губерния — край текстильной промышленности. Красной губернии нужен хлопок. Красная губерния должна проложить дорогу к хлопку.

Михаил Васильевич начал формировать отряд под лозунгом «За хлопок!» По городу в январе 1919 года было расклеено воззвание губкома партии:

Записывайтесь в отряд т. Фрунзе!

На фабриках началось горячее обсуждение вопроса — кому поехать на фронт. Желавших оказалось больше, чем можно было отправить.

В отряд записалось триста рабочих. Среди них были женщины, много соратников Фрунзе по 1905—1906 годам. Вспоминались горячие дела на Талке, и все гордились тем, что их Арсений назначен командармом.

Отряд разместился в казарме. На снежном плацу начались занятия — ружейные приемы, рассыпной строй. Полуголодные и легко одетые бойцы отряда изучали искусство сражаться.

По утрам в казарму приезжал Фрунзе. До начала занятий велись беседы на политические темы.

— Мы идем на борьбу с нашим самым заклятым, смертельным врагом, — говорил Михаил Васильевич, — и нас никогда не должно оставлять чувство ненависти к нему. У нас не может быть иной мысли, как победа над врагом. Победа во что бы то ни стало, несмотря ни на какие жертвы. И мы победим. Сознание уверенности в победе делает человека бодрым. Когда человек идет бодро, зная свою цель, он не замечает, как пули летят...

От взрослых рабочих не отставала и молодежь. Юноши и девушки стремились на фронт, хотели быть с Фрунзе, которого знали и любили. Сколько рассказов слышали они в семье о бесстрашном борце с самодержавием и друге ткачей Арсении.

Перед отъездом Фрунзе на фронт в Иваново-Вознесенском губкоме собралась группа большевиков. Толковали о делах партийных и военных.

Заговорили о голоде, об остановившихся фабриках.

Фрунзе сказал:

— Откупорим пробку, что под Оренбургом, — оттуда прямая дорога к туркестанскому хлопку...

Вступив в командование 4-й армией, Фрунзе энергично взялся за укрепление дисциплины, за повышение боеспособности частей, за усиление политической работы и отбор военных специалистов.

С какими кадрами военных специалистов приходилось вести работу, видно из следующего разговора начальника штаба 4-й армии с ад'ютантом Фрунзе С. Сиротинским.

Начальник штаба, генерал старой армии, как-то угостил ад'ютанта командующего чашкой какао:

— Пейте, хорошее какао, «Золотой ярлык», я еще в 1915 году припас.

Генерал грустно постучал пальцем по коробке.

— Осталось всего полкоробки... — И, вздохнув, добавил: — Вот допью это какао, и уж больше никогда в жизни его пить не придется,

— Почему? — удивленно спросил Сиротинский.

— У большевиков какао никогда не будет. Откуда вы, большевики, какао достанете?

— Сколько угодно будет какао, дайте только социализм построить, — возразил Сиротинский.

Старый генерал покачал головой:

— При социализме? Может быть... Разве что по кружке на человека будут выдавать...

Потом этот же начальник штаба сказал Фрунзе:

— Не верю я, чтобы вы, большевики, победили.

— Почему же?

— Родины у вас нет. Не за что бороться, цели борьбы нет...

— Это у нас-то, у большевиков, нет родины?.. — возмутился Фрунзе.
— Мы за нее шли на каторгу, на виселицу...

Михаил Васильевич хорошо знал, что без военных специалистов не обойтись, и трудную работу по перевоспитанию старых кадров он вел с подлинно большевистским тактом.

Штабные, особенно из бывших офицеров, долго -ломали головы над вопросом — кто такой Фрунзе?

— Настоящая фамилия Фрунзе — Михайлов. А я знал генерала Михайлова, командовавшего дивизией на Западном фронте, — высказал кто-то свое предположение.

Многие эту версию считали наиболее вероятной. Но велико было изумление, когда оказалось, что Фрунзе не генерал, а большевик-подпольщик. Старых кадровиков, не изживших ни кастовых, ни классовых предубеждений, особенно занимал вопрос, что будет делать этот командарм, никогда на фронте не командовавший. Казалось правдоподобным, что Фрунзе должен пойти на поводу у какого-нибудь специалиста. Если же этого не произойдет, то вполне естественной окажется несостоятельность назначения большевика и восторжествоует

линия Троцкого, который назначал на командные посты исключительно представителей старого генералитета.

С первых дней командования новый командарм приступил к изучению частей своей армии. У Фрунзе уже тогда сложился взгляд на вещи, которому он следовал всю жизнь: «Сначала изучи, а потом действуй».

Состояние армии, которое застал Фрунзе, оказалось весьма неутешительным.

За несколько дней до вступления Михаила Васильевича в командование частями 22-й и 25-й дивизий^[9], входивших в 4-ю армию, был взят Уральск. Все же некоторые части не были устойчивы. Большую тревогу вызывала 22-я дивизия 4-й армии. В полках этой дивизии эсеры вели открытую агитацию против советской власти. Под влиянием эсеровской агитации в Покровско-Туркестанском полку один за другим были убиты командиры полков. Когда в распоряжение 22-й дивизии прибыл член Реввоенсовета 4-й армии товарищ Линдов, чтобы принять меры для оздоровления частей, его предательски убили вместе с двумя красноармейцами. При переходе белоказаков в контрнаступление Покровско-Туркестанский полк вступил в переговоры с врагом. Полк был разоружен, но все это свидетельствовало о том, что политическая работа в частях почти не велась. Возникшая из местных формирований, армия не изжила партизанщины, а слабость политической работы позволила эсерам развернуть свою контрреволюционную деятельность. Сказывалась предательская политика Троцкого. Преступно нарушая директивы Центрального Комитета коммунистической партии, Троцкий допустил в армию кулаков и торговцев, назначил ненадежный командный состав. В результате преступных действий Троцкого и его ставленников целые роты и даже отдельные полки, обманутые изменниками, переходили на сторону белых.

Фрунзе приказывает прекратить все формирования вне крупных соединений. Для создания передовой части, образцовой для остальных, он добивается передачи в его распоряжение 1-й бригады 25-й дивизии и, предполагая влить в нее Иваново-Вознесенский рабочий полк, на этой основе приступает к новому формированию дивизии.

После взятия Уральска 4-я армия находилась в пассивном состоянии. На это ее обрекала директива фронтового командования: «Обеспечение путей, ведущих с юга и юго-востока на Самару—Сызрань».

Беседы, которые Михаил Васильевич вел с командирами, бойцами при каждом удобном случае, убеждали его, что эта пассивность, подрывающая боеспособность частей, может окончательно деморализовать армию.

Фрунзе видел свою задачу не в том, чтобы руководить обороняющимися частями; он должен был вести их в наступление для разрешения основной задачи — разгрома врагов пролетарской революции. Между тем в штабе занимались пустым бумагописанием; в частях, разбросанных по деревням, кое-как велась сторожевая служба.

В штабе армии с изумлением наблюдали за действиями командарма. Спокойствие, уверенность и неутомимость, соединенные с внимательным отношением к человеку, — все это показывало, что Фрунзе является образцом военачальника нового типа. Вся предыдущая жизнь Михаила Васильевича: его революционная работа в большевистском подполье, постоянное и систематическое изучение военных вопросов, боевая работа в 1917 году, организационная военная работа в Иваново-Вознесенске и на посту ярославского окружного комиссара — была большой военной школой.

И друзья, и недоброжелатели из окружения Фрунзе увидели в нем новую силу, человека, сумевшего разобраться в неблагоприятной, противоречивой обстановке и с упорством взявшегося за преодоление слабой боеспособности частей.

М. В. Фрунзе решает перейти к активным боевым действиям, чтобы закалить части в боях. 7 февраля Фрунзе отдает приказ дивизиям овладеть двумя хуторами — Круглоозерным и Барбастау. Этот первый оперативный приказ, хотя и ставил скромную боевую задачу, имел большое тактическое значение для положения армии.

Когда Фрунзе донесли, что части выполнили приказ и хутора Круглоозерный и Барбастау заняты, он не удовлетворился этим сообщением, но обратился к внимательному изучению характера операции. Он потребовал не только точных донесений, как решалась операция, с каким врагом пришлось иметь столкновение, но непосредственно в частях беседовал с командирами и бойцами. Знакомясь с тем, в каких условиях живет часть, каков ее социальный состав, какие нужды и запросы волнуют бойцов, насколько им ясны перспективы великой борьбы, командарм постигал то, чего не было в докладах и рапортах, за шаблонной формой которых не видно было людей — самого ценного и основного капитала армии.

Фрунзе накапливал материал, нащупывал рычаг, поворотом которого можно будет поднять армию на ту высоту, которой требовала партия, родина. Главный упор в эти дни Фрунзе делал на политическую работу в частях — этот участок был наиболее запущен. Он требовал от политработников отказа от агитации вообще, а предлагал использовать

богатейшие факты окружающей действительности, наиболее близкие и понятные красноармейцам. Михаил Васильевич указывал начальникам и комиссарам верный путь для завоевания авторитета и доверия бойцов — действовать личным примером.

Фрунзе отдавал себе отчет, что работа по поднятию боеспособности армии предстоит длительная и упорная. И он продолжал изучать свою армию, чтобы ею командовать. Но параллельно с этим он углубленно изучал военно-политическую обстановку всего фронта.

Красные части продолжали отступать к Волге...

Авантюристические планы Троцкого, требовавшего движения на запад, приводили к тому, что для Восточного фронта не только не уделялись резервы, но даже предполагалось снять с него некоторые части для Западного фронта. Исходя из вредительских установок Троцкого, его ставленники на Восточном фронте легко мирились с отступлением. Это дало возможность белым взять инициативу в свои руки и наносить удары то в одном, то в другом направлении.

— Только переход в наступление изменит положение,— внушал Фрунзе штабным работникам, командирам.— Мы не слабее противника, и я убежден, что мы безусловно можем победить.

С первых шагов своей полководческой деятельности Фрунзе обнаружил смелость оперативных замыслов. И эти замыслы, неоспоримые в военном отношении, были всегда тщательно подготовлены предварительной работой в штабе над картой, над изучением района операции, сил врага и проверкой выводов на фронте, в частях.

Свою мысль о необходимости перехода к активным действиям Фрунзе настойчиво доводил до сведения фронтового командования.

Потом, несколько лет спустя, вспоминая этот период, Михаил Васильевич говорил:

— Надо пережить и перечувствовать всю тяжесть положения атакуемого, чтобы понять, какое преимущество имеет наступление перед обороной... Сторона, держащая инициативу, сторона, имеющая в своем распоряжении момент внезапности, часто срывает волю противника и этим самым создает более благоприятные для себя условия...

Фрунзе выехал в Уральск. Город был полон воинскими частями: одни уходили на фронт, другие возвращались с позиций на отдых. В этом постоянном движении подчас трудно было разобраться. Суতোлка усиливалась еще непрерывной ружейной стрельбой.

— Почему это такая стрельба? — спросил Фрунзе.

— А так, «палят по богу»...

Помощник Фрунзе, прикинув размеры пальбы, с ужасом заявил:

— Чорт знает, что такое. При этой стрельбе за сутки не менее двух миллионов патронов ухлопают...

По Уральску опасно было ходить. Бессмысленная стрельба не прекращалась. В частях 22-й стрелковой дивизии дисциплина была расшатана, политическая работа не велась, чувствовалась анархия. Даже командный состав не был дисциплинирован и подавал дурной пример подчиненным резкой и недопустимой критикой действий командования 4-й армии. Немногим лучше было и в 25-й дивизии.

Появление Фрунзе в Уральске, в двадцати верстах от фронта, когда ожидалось, что вот-вот враг внезапным ударом захватит город, вызвало ехидные вопросы некоторых командиров:

— Как себя чувствует его превосходительство генерал Фрунзе?

Фрунзе приказал навести порядок и решил устроить смотр частям.

Был ясный, морозный февральский день. Комбриг Плясунков неохотно вывел полки 25-й дивизии на парад. Части построились на площади в совершенном беспорядке. Равнения никто не держал, в строю курили, разговаривали.

Плясунков громко, не стесняясь, что его слушают бойцы, сказал:

— Старый режим генерал вводит... Парадами забавляется.

В строю начались разговоры:

— И зачем мы тут мерзнем...

— Жди, пока генерал кофею напьется...

— По домам надо...

— Спит, поди, еще генерал...

Фрунзе в это время заканчивал доклад на собрании парторганизации города Уральска. Не дождавшись прибытия Фрунзе, Плясунков подал команду:

— Бойцы Двадцать пятой стрелковой дивизии, по зимним квартирам марш.

Полки разошлись. Но многие поняли, что совершили тяжелое преступление, — действия комбрига Плясунков» по существу являлись мятежом.

Когда командарм приехал на смотр, площадь была пуста. Попадались лишь отдельные группы солдат. Фрунзе вызвал к себе командиров и сделал строгое внушение. Командиры молча выслушали и разошлись озлобленные.

Через некоторое время Фрунзе получил пакет:

«Командарму 4. Предлагаю вам прибыть в 6 часов вечера на собрание

командиров для об'яснения по поводу ваших выговоров нам за парад.

Комбриг Плясунков».

Фрунзе оставил письмо без ответа. Часа через три последовал второй «ультиматум» такого же рода. Тогда Михаил Васильевич приказал подать лошадь. Сотрудники его отговаривали — кошмарное убийство Линдова еще не изгладилось из памяти. Взяв с собой ад'ютанта, Фрунзе поехал.

Командиры из бригады Плясункова, отправляясь на совещание, решили: если Фрунзе явится с охраной, нужно на всякий случай вывести дежурные части.

Командиры собрались в тускло освещенном помещении. Волны сизого табачного дыма плавали над сдвинутыми на затылок папахами. Шум был невероятный — каждый старался перекричать другого.

Фрунзе приехал без охраны. Собравшиеся были ошеломлены.

— Не трусливый генерал...

Многие все еще оставались в уверенности, что Фрунзе — царский генерал.

Фрунзе вошел. Плясунков не подал команды «смирно» и не обратился с рапортом. Чувствовалось напряженное состояние всех собравшихся.

Михаил Васильевич прошел вперед и сел за стол.

— Здравствуйте, товарищи.

Ответом было молчание. Вдруг кто-то - из задних рядов крикнул:

— Товарищи, что же это такое? Мы воюем, кровь проливаем, а приезжают некоторые из центра и боевых командиров учат маршировать!

— Это вам не старый режим!

— Линдова забыли?!

В переднем ряду кто-то встал и быстро подошел к столу, за которым сидел Фрунзе, вертевший в руках карандаш. Подошедший приветливо улыбнулся Фрунзе, повернулся к насторожившимся командирам и поднял руку:

— Стой, товарищи! Стой, дайте слово мне сказать. Львы вы, славная вы стая волкодавов, потерявшие славные свои головы в борьбе с капиталом, а своего поводыря что не отличаете?

— Кто он? — раздались голоса.

— Пролетарский вождь, член партии! Смелый! Трус бы не пришел к вам в берлогу. За что распались?

— А мы думали — генерал царский...

— Сами виноваты, гордые...

— Мы взяли Уральск, а другой каштаны таскает...

— А вы об'ясните толком — Фрунзе все поймет...

Фрунзе встал. Водворилась тишина.

— Прежде всего заявляю вам, что я здесь не командующий армией. Командующий армией на таком собрании присутствовать не может и не должен. Я здесь — член коммунистической партии. И вот от имени той партии, которая послала меня работать в армию, я подтверждаю вновь все свои замечания по поводу отмеченных мною недостатков в частях, командирами и комиссарами которых вы являетесь и ответственность за которые, следовательно, вы несете перед Республикой.

Буйное настроение у слушателей стало спадать.

Фрунзе продолжал:

— Вы угрожаете мне. Этим вы меня не испугаете. Царский суд дважды посылал меня на смерть и не заставил меня отказаться от своих убеждений. Я безоружен и нахожусь здесь только со своим ад'ютантом. Я в ваших руках. Вы можете сделать со мною, что хотите, но я твердо заявляю по поводу сегодняшнего вызова меня сюда, как командующего, что в случае повторения подобных явлений буду карать самым беспощадным образом, вплоть до расстрела. Нарушая дисциплину, вы разрушаете армию. Советская власть этого не допустит.

Михаил Васильевич обвел собравшихся глазами.

— Имеете еще что-нибудь?

Командиры смущенно молчали.

Фрунзе медленно направился к двери. Кто-то вскочил и, пробежав вперед, открыл дверь:

— Пожалуйста, товарищ командующий.

— Качать его!

— Ура, Фрунзе!

— Умрем, надейся на нас!

— Пойдем до самого Каспия!

Через несколько дней после пресловутого совещания Плясунков, тот самый, который пред'явил Фрунзе «ультиматум», проникся полным доверием и уважением к командарму и обратился к нему с личной просьбой:

«Дорогой товарищ Фрунзе, — писал он, — так как красному командиру иметь при себе жену нецелесообразно, прошу вас взять ее с собой и отправить на родину...»

Фрунзе, прочитав записку, рассмеялся:

— Ну что ж, возьмем эту «нецелесообразную» жену и доставим по назначению [\[10\]](#).

Фрунзе и прибывший на фронт член Реввоенсовета Валерьян

Владимирович Куйбышев развернули большую политическую работу в частях.

В. В. Куйбышев, член РВС Южной группы.

Театром военных действий являлись заволжские пространства, горы Южного Урала, степи Казахстана. Изучая карту района, Фрунзе отмечал:

— Татары, башкиры, киргизы...

Стоявший рядом Куйбышев добавил:

— А дальше пойдём — Средняя Азия с её национальностями.

Фрунзе и Куйбышев совместно наметили план работы: раз'яснение задач национальной политики командному составу и красноармейцам, кампания среди местного населения через печать и с помощью агитаторов. Одновременно приходилось принимать срочные меры для подавления мятежей: в тылу фронта начались выступления кулачества, организованные по единому плану и руководимые белыми офицерами.

Работа, проделанная Фрунзе и Куйбышевым, скоро сказалась на усилении боевой мощи армии: непосредственно на театре военных действий Красная армия получала людские резервы и снабжение. Организованные национальные части справились с возложенными на них задачами.

В феврале 1919 года, когда Фрунзе был в Самаре, к нему в штаб пришел, в валенках и башлыке, командир со смущенной улыбкой под усами.

— Чапаев, — представился он командующему.— Прибыл в ваше распоряжение из Академии генерального штаба.

Фрунзе приветливо встретил Чапаева, усадил его и стал расспрашивать об учебе в Академии, куда Василий Иванович был послан из 4-й армии.

— Учился скверно. Порохом я весь пропитан, белоказаки у меня в уме, ничего в голову не лезет...

Чапаев рассказывал об уроках военной географии, на которых его экзаменовали, как школьника, и Михаил Васильевич от души хохотал, слушая рассказ.

В. И. Чапаев.

Фрунзе назначил Чапаева начальником Александро-Гайской бригады,

на которую в предстоящей наступательной операции возлагалась особо сложная задача: бригада должна была обходить противника по степным дорогам и действовать самостоятельно. От ее начальника требовалась широкая, разумная инициатива и оперативная грамотность. Фрунзе долго не мог подобрать подходящего начальника. Василий Иванович Чапаев был именно таким командиром, которого искал Фрунзе.

Выслушав свое боевое задание, Чапаев ответил:

— Понимаю, товарищ командующий. Будет исполнено в точности.

Фрунзе пожал ему руку.

— Я надеюсь, что вы сумеете вдохнуть в бригаду тот победный дух, которым проникнута вся ваша прежняя боевая работа.

— Слушаюсь! Приказ выполняю.

После беседы с Фрунзе Чапаев рассказывал командирам:

— Вот это человек. Вот это командующий!..

Еще до встречи с Чапаевым Фрунзе много слышал о нем. Он ценил боевой опыт Чапаева, его мастерские маневры по охвату флангов. Об этом красноречиво говорили результаты боев Чапаева с чехо-словаками и войсками «учредилловцев». Бесстрашный, прямой и беззаветно преданный революции, этот герой-самородок пользовался большим авторитетом среди бойцов.

— Чапаев тесно связан с массами, — говорил Фрунзе начальнику политотдела.

И чтобы закрепить эту связь, Михаил Васильевич решил дать в помощь Чапаеву хорошего политического руководителя. Повидимому, Фрунзе уже тогда решил назначить комиссаром в чапаевскую часть Фурманова, приезд которого из Иваново-Вознесенска ожидался в ближайшие дни.

12 февраля М. В. Фрунзе отдал приказ: «В наиболее короткий срок закончить кровопролитие в Уральской области и не дать наиболее жизненному контрреволюционному ядру Уральского войска ускользнуть из-под наших ударов».

Этим приказом Фрунзе ставил перед армией задачу немедленного перехода к наступлению в глубь Уральской области и разгрома белоказачьей армии. Главные силы противника были расположены в районе Чеганск—Владимирский, отдельный отряд находился на Джамбейтинском тракте и небольшие силы у Сломихинской. Всего насчитывалось до 16 тысяч белоказачей, что значительно превышало силы 4-й армии.

14 февраля Фрунзе выехал на фронт для руководства операцией. По приказу Фрунзе 22-я дивизия должна была наступать на Чеганск —

Владимирский и, разгромив здесь главную группировку противника, продвигаться на Лбищенск. Александро-Гайская бригада Чапаева по овладении Сломихинской должна была охватывать противника, действующего против 22-й дивизии. В Барбастау сосредоточивался армейский резерв — бригада 25-й дивизии. Этот приказ свидетельствует о зрелости Фрунзе как командарма, умеющего планировать операцию и правильно нацеливать части.

Начались снежные метели, сильно затруднявшие ведение операции.

16 февраля Фрунзе решает ночным штурмом овладеть хутором Щапово и поручает эту операцию 2-й бригаде 22-й дивизии. Наступление ночью в метель требовало от войска высокой боеспособности, а от командиров — искусства управления. В этом бою бригада должна была держать экзамен на боеспособность.

2-я бригада 22-й дивизии оказалась не на высоте поставленной задачи. Она упустила ночное время для наступления. Утром начался буран, бойцы шли в снежном мареве, связь между частями не была обеспечена. Огонь наших орудий и пулеметов велся наугад. Скоро часть орудий и пулеметов вышла из строя. Наступающим было приказано вернуться на исходные позиции.

Выслушав донесения начальников, Фрунзе указал на причины неудачи: плохая боевая подготовка части и слабая дисциплина.

— Комиссары и командиры недостаточно уделяют внимания политической работе среди красноармейцев. Комиссары и командиры должны личным примером воодушевлять бойцов. Командиры должны неослабно следить за материальным состоянием артиллерии и пулеметов.

Оценивая результаты боев, Фрунзе приходит к выводу, что без перегруппировки сил, пополнения резервами и оздоровления дивизий наступление не даст нужного успеха. Он приостанавливает наступление и проводит реорганизацию и перегруппировку частей. Из Самары в помощь комиссарам дивизий направляется группа политических работников.

Наконец, на фронт прибыл полк иваново-вознесенских ткачей и с ним большевик-писатель Дмитрий Фурманов. Фрунзе чрезвычайно обрадовался:

— Отлично! Эти не выдадут, я своих земляков знаю!

Фурманов подробно рассказал, как иваново-вознесенские ткачи провожали своих земляков.

— На вокзал стеклась целая толпа, — говорил он. — Прощались горячо, крепко. А когда эшелон тронулся, нам крикнули: «Смотрите же, не посрамите красную губернию ткачей!»

Фрунзе вскочил и начал взволнованно ходить из угла в угол.

— Так и сказали? — переспрашивал он. — «Не посрамите красную губернию ткачей!» Очень хорошо! Отличный наказ! Не посрадим, ей-ей, не посрадим!..

Иваново-Вознесенский полк был включен в состав 25-й дивизии.

Относительное затишье в конце февраля Фрунзе использовал для укрепления частей, формирования кавалерийской бригады, инженерного батальона и батальона связи.

Все же состояние 4-й армии не удовлетворяло Михаила Васильевича.

Изучив обстановку на фронте, Фрунзе пришел к неутешительным выводам. 1 марта в разговоре по прямому проводу с командующим фронтом он сообщил;

«Армия до сих пор не может еще считаться совершенно оздоровленной. На основании впечатлений от личного посещения почти всех частей армии одну из главных причин этого вижу в плохом составе комиссаров частей, слаб и командный состав. Особенно плохо обстоит дело со специальными родами оружия (артиллерия). Низ армии оторван от верха. Меры для устранения указанных недостатков приняты, и результаты начинают сказываться. Количественно армия страшно слаба, число штыков едва составляет шесть тысяч. В отдельных полках оно падает до двухсотпятидесяти. Усилия направлены к тому, чтобы довести действующие части до состояния боеспособности. В этих видах мною снято с тыла и отправлено на фронт все, что только возможно. Только в этом, начатом уже направлении ведем формирование. Оружия в частях армии абсолютно нет, нет и запасных частей...

Проводится мобилизация всего населения, производится реорганизация частей. Тем не менее, задачу разгрома живых сил врага надеюсь осуществить в течение одного месяца при условии немедленной присылки пополнения оружия».

2 марта Фрунзе отдает приказ начать операции по овладению всей полосой вдоль реки Урала до Лбищенска. Чапаев получил приказ овладеть Сломихинской и обойти фланг противника. 22-я дивизия и бригада 25-й дивизии повели наступление на главную группировку противника. Чапаев, проведя по степям полки своей Александро-Гайской бригады, овладел Сломихинской. К 16 марта был взят Лбищенск, этот опорный пункт белоказаков.

С пассивным состоянием 4-й армии было покончено. Предвидя, что предстоящие наступательные операции потребуют пополнения убыли в войсках, Михаил Васильевич приступает к созданию резервов в районе

Самары. Здесь Фрунзе показал себя полководцем с большим кругозором. В вопросе о резервах главное командование занимало неопределенную позицию, тормозившую всякие мероприятия в этой области. Фрунзе придерживался других взглядов. Он исходил из указания товарища Сталина: «Нужно покончить с войной без резервов, необходимо ввести в практику систему постоянных резервов, без коих не-мыслимы ни сохранение наличных позиций, ни развитие успехов. Без этого катастрофа неминуема»^[11].

Менее чем за месяц Фрунзе сумел поднять боеспособность своей армии и создать необходимые условия для изгнания белых из Уральской области.

Полчища врага двигались к Самаре.

Первый поход Антанты развивался успешно. На весну 1919 года враги возлагали огромные надежды.

Об этом походе товарищ Сталин писал:

«Главный удар должен был нанести Колчак, с которым Деникин надеялся соединиться в Саратове для совместного наступления на Москву с востока. Юденичу был предоставлен вспомогательный удар по Петрограду.

Цель похода была формулирована в докладе Гучкова Деникину: «Задушить большевизм одним ударом, лишив его основных жизненных центров — Москвы и Петрограда».

Самый же план был набросан в письме Деникина Колчаку, попавшем к нам в руки при захвате штаба Гришина-Алмазова весной 19 года. «Главное — не останавливаться на Волге, — писал Деникин Колчаку, — а бить дальше на сердце большевизма, на Москву. Я надеюсь встретиться с вами в Саратове... Поляки будут делать свое дело, что же касается Юденича, он готов и не замедлит ударить на Петроград...»^[12]

В начале марта Колчак, решив нанести главный удар через Среднюю Волгу на Москву, перешел в наступление. На 5-ю армию, имевшую 11 200 штыков и сабель, занимавшую район Уфы, обрушилась ударная, так называемая Западная, армия генерала Ханжина, численностью в 40 тысяч штыков и сабель. Белые не только заняли Уфу, но продвинулись на 250—300 километров по направлению к Волго-Бугульминской и Самаро-Златоустовской железным дорогам, угрожая Чистополю и Самаре.

Выход противника на рубеж Средней Волги и Камы означал стратегический прорыв Восточного фронта и давал белым войскам выгодное исходное положение для вторжения в глубь страны по семи железнодорожным магистралям, отходящим от Волги. Кроме того, он

передал бы в руки белых крупную водную линию сообщения, хлебные запасы приволжских и прикамских городов, давал надежду на соединение с армиями южной контрреволюции. В ходе наступления Западная армия Ханжина направила свой главный удар на Самару.

Уфа, Стерлитамак, Сарапуль, Бугульма находились в руках врага.

Предатель Троцкий утверждал, что остановить наступление армий Колчака невозможно.

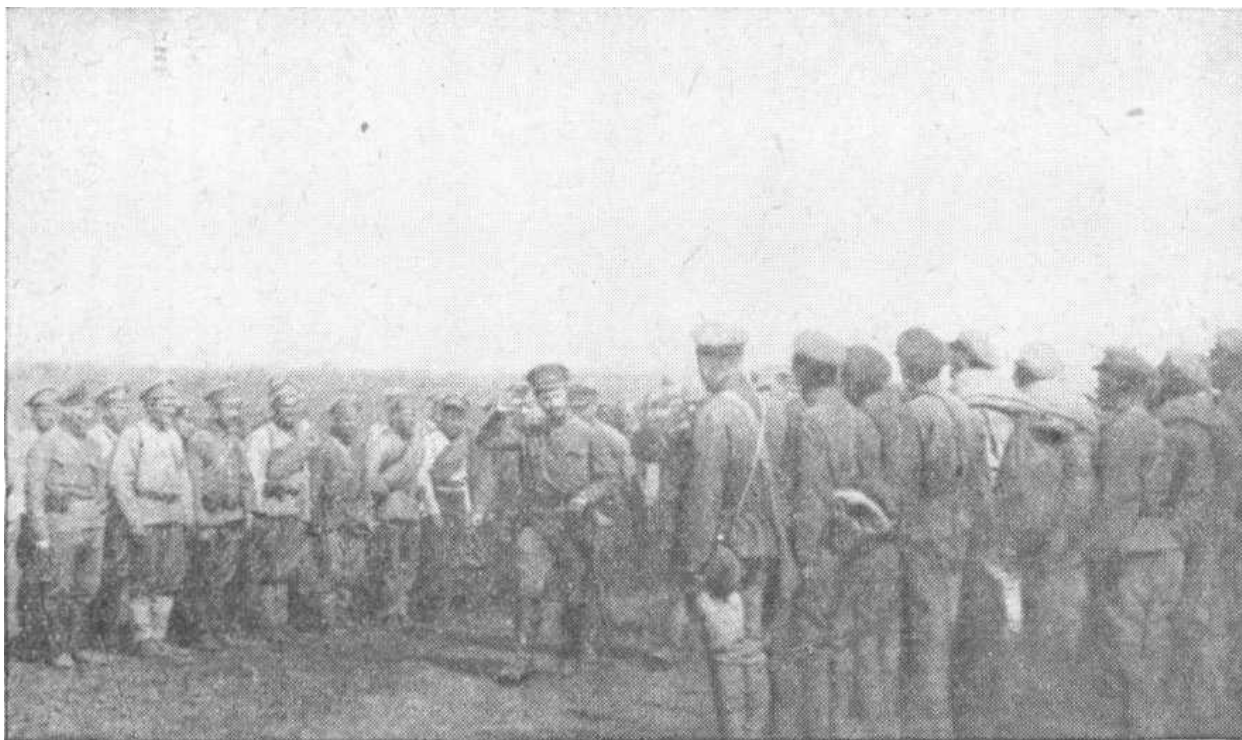
Колчак рвался к Москве.

Командование белых отдало директиву:

«Ударами наших армий противник на всем фронте разбит, деморализован и отступает. Уральские казаки продолжают борьбу... Ген. Деникин начал теснить красных в Донецком каменноугольном бассейне. Ген. Юденич теснит большевиков на псковском и нарвском направлениях. Верховный правитель и верховный командующий повелел действующим армиям уничтожить красных, оперирующих к востоку от рек Вятки и Волги, отрезав их от мостов через эти реки... Сибирской армии преследовать красных... Западной армии, продолжая преследование, отбросить красных от Волги на юго-восток, в степи...»

5-я Красная армия находилась под угрозой разгрома. Ей пришлось отходить в крайне тяжелых условиях с большими потерями.

Отступление 5-й армии не могло не отразиться и на положении 4-й армии: создалась угроза обнажения ее коммуникационной линии. Обстановка на фронте требовала продолжения операций по овладению Уральской областью и прочного обеспечения за собой Оренбургской области.

М. В. Фрунзе делает смотр войскам Татарской бригады.

5 марта командование фронта отдает приказ об организации Южной группы в составе 4-й армии и Оренбургской дивизии, которую предлагало развернуть в Туркестанскую армию. Командование Южной группой было возложено на М. В. Фрунзе.

На Южную группу возлагалась задача обеспечить Оренбургскую и Уральскую области и, пробившись на соединение с войсками Красной армии Туркестана, проложить дорогу к хлопку.

Михаил Васильевич должен был не только командовать войсками, но в сложной боевой обстановке формировать армию, вести среди формируемых частей политическую и боевую подготовку и тут же выводить их на поля сражений. Тяжелые условия гражданской войны требовали исключительно напряженной организаторской деятельности. Пополнения прибывали необученными, плохо дисциплинированными, а для политического и боевого воспитания не хватало комиссаров и командиров. Всю тяжесть работы М. В. Фрунзе делил с В. В. Куйбышевым. По их инициативе политотдел Южной группы и Самарский горком партии организовали специальное бюро по политработе среди проходящих через Самару на фронт пополнений.

В эти мартовские дни в районах формирования Туркестанской армии и в тылу 4-й армии пылали мятежи: банды эсеров и кулаков громили

местные учреждения, убивали советских работников и разрушали железнодорожные пути, стремясь парализовать снабжение армии, подвоз пополнений.

Фрунзе создает военно-полевой штаб, выделяет необходимые отряды и направляет их в очаги мятежей.

Как командующий Южной группой Фрунзе сделал все необходимое для обеспечения поставленной ей задачи и одновременно продолжал создавать резервы на линии Самара — Оренбург.

19 марта, учитывая движение Колчака на Симбирск и Самару, Фрунзе подсказывает командованию фронта идею поворота Южной группы на север, против главной группировки врага. Зоркий глаз Фрунзе нащупал наиболее уязвимое место противника. Однако ставленники Троцкого не поддержали идею Фрунзе.

Между тем на фронте назревали важнейшие события. В предвидении их Фрунзе произвел перегруппировку: 25-ю дивизию в полном составе отвел в групповой резерв, подчинив ее непосредственно себе.

Помощник Фрунзе, старый генерал, обладавший большим боевым опытом, с восхищением говорил:

— Какой большой оперативный кругозор! Какое военное чутье! Он действует по всем правилам военной науки, и блестяще действует! Такой опыт раньше приобретали к концу военной жизни.

Уже сейчас было очевидно, что создаваемые Фрунзе резервы в районе Самары явятся опорой для войск, откатывавшихся под ударами многочисленного врага.

VII. КОНТРУДАР ПО КОЛЧАКУ

Перед Михаилом Васильевичем складывались основные очертания плана контрудара, который должен был остановить наступление Колчака. Фрунзе продолжал подготовительные работы по развертыванию резервов. На него не влияли скептицизм и прямое противодействие фронтового командования, стремившегося ограничить действие войск обороной на рубеже Волги. У Фрунзе стратегия и политика не отрывались друг от друга. Военные задачи решал он как большевик и из политики партии выводил свой оперативные планы. Только разгром, уничтожение главной силы врага могли решить задачи гражданской войны, вернуть пролетарскому государству захваченные белыми территории и обеспечить условия для строительства социализма.

Борьба за активные действия на Восточном фронте была для Фрунзе борьбой за линию партии Ленина—Сталина.

Мысль Михаила Васильевича упорно работала над поисками выхода из положения, в котором очутились красные армии Южной группы Восточного фронта. Позиции, занимаемые частями 4-й и Туркестанской армии, державшей фронт Илецкий городок — Актюбинск, образовывали клин, глубоко врезавшийся в расположение противника. Такое начертание линии фронта ставило армию Ханжина под угрозу флангового удара. Занятие же противником рубежа реки Волги создало бы для Южной группы тяжелую обстановку. Изучая расположение сил, Фрунзе приходит к мысли, что остановить наступление Колчака возможно только решительным контрнаступлением. Наилучшей формой маневра в этой обстановке будет фланговый удар группы с юга по главной группировке противника — армии Ханжина.

Фрунзе предлагает командованию Восточного фронта создать ударную группу в районе Бузулука для нанесения контрудара Колчаку.

Цель операции: разгромить живую силу Западной армии генерала Ханжина в районе Бугуруслан — Бугульма—Белебей фланговым ударом из района Бузулука.

Во время обсуждения плана операции командующий Восточным фронтом спросил Михаила Васильевича:

— Как вы думаете, начинать ли наступление в период распутицы, или ждать, когда она прекратится?

— Необходимо использовать период распутия и перейти в наступление, не ожидая его окончания, — ответил Фрунзе.

В этой беседе был намечен срок наступления. Но вскоре Фрунзе вновь обратился к командующему Восточным фронтом:

— Нужно ускорить удар дня на четыре.

Командующий фронтом не понял Фрунзе:

— Почему вы так на этом настаиваете? На симбирском направлении еще нет готовых частей, которые могли бы поддержать ваш удар.

Михаил Васильевич высказал свои соображения:

— Я имею предположение, что противнику стал известен срок, в который мы переходим в наступление, и я хочу его предупредить на несколько дней.

Командующий фронтом не возражал. Фрунзе сообщил о ходе сосредоточения сил.

— Я выбрал пунктом сосредоточения Бузулук.

— Я предлагаю несколько севернее наметить пункт сосредоточения.

Фрунзе настоял на Бузулуке.

— Наш удар будет направлен по шестому корпусу противника.

При этом Михаил Васильевич объяснил, почему он избрал 6-й корпус объектом своего удара:

— В этом корпусе много кустанайских крестьян, несколько раз бунтовавших против Колчака и жестоко им усмиренных...

Знакомя командный состав с целью предстоящей операции, Михаил Васильевич особенно подчеркивал:

— Нам нужны не города, а уничтожение основных сил Колчака.

Силы белых, сосредоточенные южнее Камы, составляли примерно 80 тысяч штыков и сабель (в том числе резервный корпус генерала Каппеля). Армии Южной группы не только не имели численного превосходства над белыми, но даже уступали им в силах.

7 апреля командование Восточного фронта вызвало Михаила Васильевича к прямому проводу. Обрисовав общее положение на фронте, командование запросило:

— Согласны ли вы возглавить об'единенное руководство операциями 1-й, 5-й, 4-й и Туркестанской армиями?

Фрунзе ответил:

— Я согласен при условии известной самостоятельности решений.

— Мы не имеем возражений. Соответствующие директивы будут присланы.

После разговора по прямому проводу Михаил Васильевич собрал

совет, чтобы обсудить оперативные мероприятия, вытекающие из нового задания.

Фрунзе развил план действий, наметил исходное положение, состав ударной группы, направление и время начала операции. Идея контрудара была уже тогда разработана Фрунзе подробно.

Анализируя обстановку на фронте, Михаил Васильевич говорил:

— Группа войск противника, наступающая от Уфы на Самару через Бугуруслан, является для нас наиболее опасной. 5-я армия, на которую обрушился удар, не в состоянии дать необходимого отпора, и подпирать ее со стороны Самары мы не можем по условиям времени и пространства.

Свободные части Южной группы расположены восточнее, и переброска их по перегруженной дороге навстречу отступавшей 5-й армии потребует много времени.

— Наиболее правильным было бы, — развивал свой план Михаил Васильевич, — избрать исходное положение в районе Бузулука. Сосредоточив здесь все силы, какие только возможно, ударить на север по левому флангу наступающей группировки противника и сорвать всю его операцию. Сосредоточение ударной группы нужно произвести за счет Оренбургского и частью Уральского районов. Контрудар нужно осуществить возможно скорее и внезапно.

Оперативный план Фрунзе был сообщен в штаб фронта и получил одобрение. Но через два дня, 9 апреля, под влиянием директивы Троцкого, фронтовое командование свело план Фрунзе на нет и поставило контрудар Южной группы в зависимость от окончания распутицы и подхода резервов из центра. Смелый и реальный план Фрунзе заменялся трусливым и предательским планом Троцкого. Речь шла о подготовке отхода красных войск на реку Волгу, чтобы приостановить там наступление Колчака, а затем перейти в контрнаступление. С этой целью создавались укрепленные районы на Волге и привлекались значительные силы, необходимые на фронте. Этот предательский план они обосновывали устарелой теорией, по которой нужно вначале на каком-то рубеже задержать врага, а затем переходить в наступление. Пролетарский стратег товарищ Сталин придерживался в подобных случаях другой тактики. Не следует стремиться задержать врага во что бы то ни стало на каком-то рубеже, а нужно собрать мощный ударный кулак, выбрать правильное направление для удара и смело переходить в контрнаступление. Так Сталин и Ворошилов действовали под Царицыным, так решил действовать и Фрунзе. Единая ленинско-сталинская школа создавала единство методов пролетарских полководцев.

Инициатива действий, оставленная командованием за Фрунзе во время разговора 9 апреля по прямому проводу, теперь фактически у него отнималась.

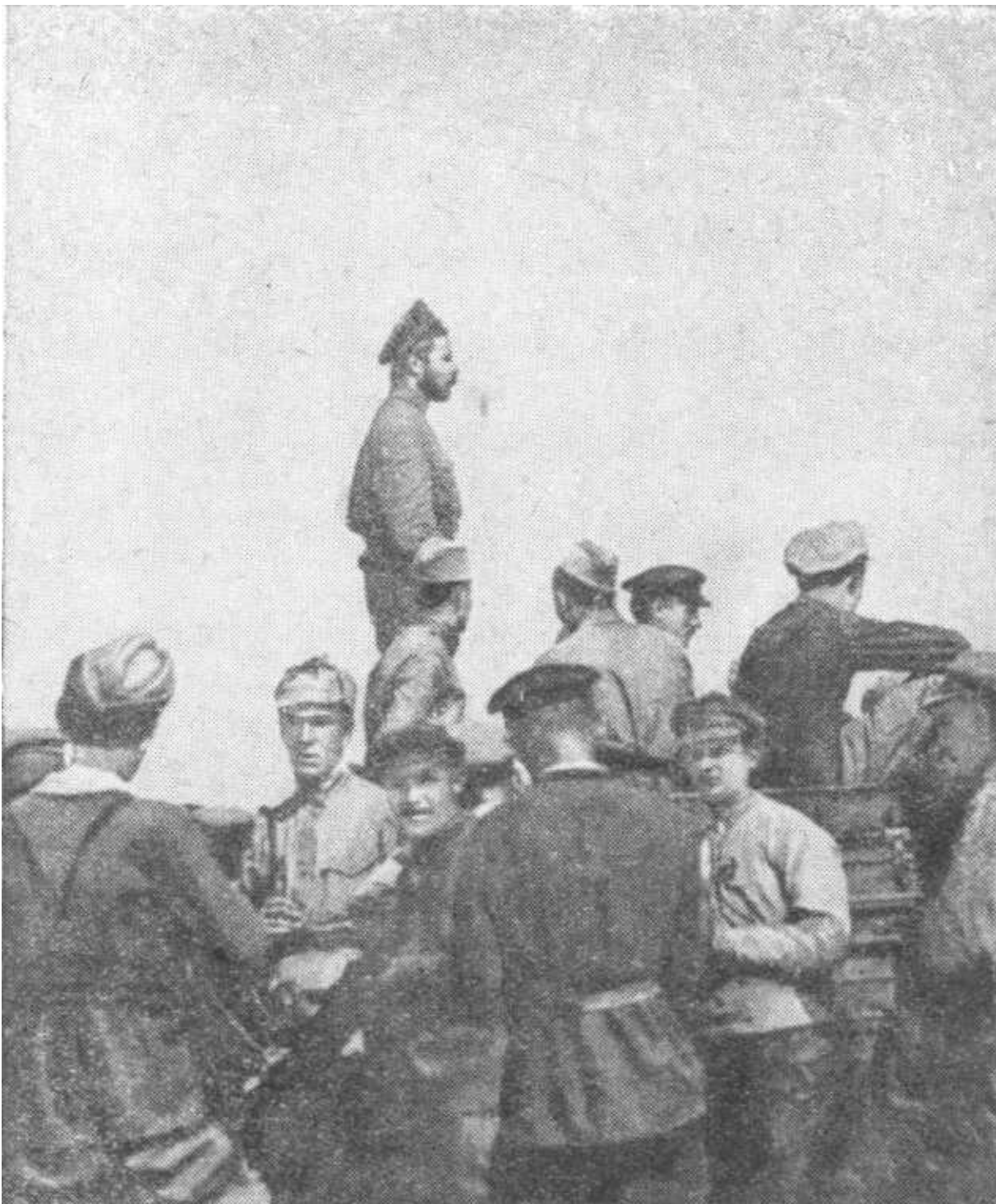
В ночь на 10 апреля Михаил Васильевич приказал передать начальнику штаба фронта, что он не согласен с директивой фронта.

Центральный Комитет партии в принятых тезисах, написанных Лениным, дал четкую директиву; напрячь все силы, развернуть всю революционную энергию, чтобы быстрее разбить Колчака, — тогда Волга, Урал, Сибирь будут защищены и отвоеваны.

Партия большевиков признала Восточный фронт важнейшим. «Все на борьбу с Колчаком!» — под этим лозунгом началась мобилизация сил страны для оказания отпора врагу. В ряды Красной армии были направлены десятки тысяч коммунистов, комсомольцев и рабочих. Профсоюзы послали на фронт 25 тысяч своих членов, комсомол — 3 тысячи юных героев.

В армии Восточного фронта влилось новое пополнение. Через политотдел Южной группы прошло одних коммунистов до 6 500 человек.

За положением на Восточном фронте неослабно следил Владимир Ильич Ленин. 10 апреля Центральный Комитет партии дает указание о принятии плана Фрунзе и разделении армии Восточного фронта на две самостоятельные группы. На Фрунзе было возложено командование четырьмя армиями: 1-й, 4-й, 5-й и Туркестанской армиями Восточного фронта, которые и составляли теперь Южную группу. В составе Реввоенсовета Южной группы оставался В. В. Куйбышев.

М. В. Фрунзе произносит речь бойцам.

Южная группа была разбросана на огромном пространстве в треугольнике Уральск — Оренбург — Самара. Связь между частями была развита слабо; конницы имелось очень мало, автотранспорт и авиация почти отсутствовали. В этих условиях нужно было найти силы для

образования ударного кулака. Фрунзе принимает смелое решение — снять с южных участков фронта лучшие части и перебросить в район Бузулука.

Приказом от 10 апреля Фрунзе сформулировал свою идею так: «Удерживая натиск противника с фронта, образовать ударную группу в районе Бузулук... с тем, чтобы, перейдя этой группой в решительное наступление, ударом в левый фланг противника отбросить его к северу».

Сдерживать противника должна была 5-я армия. На уральском направлении оставалась 22-я дивизия с Киргизской конной бригадой и 224-м стрелковым полком. Защиту Оренбурга Фрунзе возложил на рабочие полки и на один полк 31-й дивизии. 20-я дивизия 1-й армии должна была прикрывать с фланга сосредоточение ударной группы. Снимая части с южных участков, Фрунзе шел на большой риск, так как возможное наступление белоказаков в случае успеха вывело бы их прямо в тыл ударной группы. Но в этом и заключается гениальность полководца — уметь пойти на риск во-время и с расчетом. Собирая силы в ударную группу из частей своей армии, Фрунзе действовал в духе сталинской стратегии, ярко показанной в героической обороне Царицына, — мобилизовать все свои ресурсы, не рассчитывая на помощь извне.

Враг народа Троцкий и его ставленники всячески старались сорвать план Фрунзе. Они искусственно задерживали нужные подкрепления, снаряжение, боеприпасы.

Подготовка армии к предстоящей операции требовала от Фрунзе нового напряжения. В Самаре, Сызрани и Оренбурге формировались рабочие полки. Фрунзе вынужден был лично принимать меры, чтобы формирующиеся полки получили оружие, снаряжение. Под его непосредственным руководством проходило и комплектование новых частей командным и политическим составом. Переброска частей задерживалась из-за перегрузки железной дороги эвакуационными грузами.

Командование фронта требовало передачи частей из ударной группы для усиления 5-й армии и пыталось запугать Фрунзе ответственностью за потерю Волги. Но Фрунзе и Куйбышев решительно проводили в жизнь свой план. Сосредоточение ударной группы шло медленно. Обстановка на фронте осложнялась. Враг рвался к Волге. Части 5-й армии продолжали отход. Изучая положение на фронте, Фрунзе 13 апреля внес поправку в свой план. Он образовал в районе села Михайловского (Шарлык) дополнительную ударную группу из 24-й дивизии 1-й армии для удара по флангу и тылу Бугурусланской группы противника.

Неутомимый Валериан Владимирович всегда был рядом с Фрунзе. Боевое содружество двух большевиков-подпольщиков, верных учеников

Ленина и Сталина, обеспечило правильное руководство военной и политической подготовкой бойцов ударной группы.

Воодушевляемый призывами Ленина и зараженный большевистской энергией Фрунзе и Куйбышева, фронт был охвачен нетерпеливым желанием броситься всеми силами на врага.

В разгар подготовки контрударов в Симбирск, на заседание Реввоенсовета Восточного фронта, 16 апреля приезжает Троцкий. Не имея никаких оснований для серьезной критики плана Фрунзе, предатель Троцкий настаивает на отступлении и предлагает отвести армию Восточного фронта за Волгу — фактически помочь Колчаку беспрепятственно осуществить его замыслы.

— Мы создадим на Волге укрепленные рубежи,— Повторяли подпевалы Троцкого.

ЦК партии не позволяет Троцкому провести в жизнь этот предательский план. 17 апреля Фрунзе и Куйбышев отдают приказ по войскам Южной группы Восточного фронта:

«Солдаты Красной армии!

Внимание трудовой России вновь приковано к вам.

С затаенным дыханием рабочие и крестьяне следят за вашей борьбой на Востоке. Здесь, в лице Колчака, помещиками и капиталистами ставится последняя ставка.

Надежды богачей и прочих кандидатов в цари — украинского «панатетмана» Скоропадского, донского атамана Краснова и царского генерала Деникина — разлетелись прахом. Геройская армия Южного и Украинского фронтов очистила весь юг России от банд белогвардейцев и поддерживающих их французских, английских и греческих наемников. Херсон, Николаев, Одесса вновь возвращены трудовой России.

...Чувствуя близость позорного конца... колчаковцы делают последнее усилие. Собрав и выучив на японские деньги армию, заставив ее слушаться приказов царских генералов путем расстрелов и казней, Колчак мечтает стать новым державным венценосцем.

Этому не бывать. Армия Восточного фронта, опираясь на мощную поддержку всей трудовой России, не допустит торжества паразитов. Слишком велики жертвы, принесенные рабочим классом и крестьянством, слишком много крови пролито ими, чтобы теперь, накануне своей полной победы, позволить врагу вновь сесть на плечи трудового народа.

Дело идет о его настоящем и будущем. Не место малодушию и робости в наших рядах перед лицом неудач. Эти неудачи временны и об'ясняются главным образом тем, что нам пришлось отвлечь часть наших

сил на Южный фронт. Ныне наша задача там близка к завершению, и глаза России вновь обратились к нам на Восток.

Помощь идет. Вперед же, товарищи, в последний и решительный бой с наемником капитала — Колчаком!

Вперед — за счастье и светлое будущее трудового народа!

Командующий армиями Южной группы Восточного фронта Михаил Фрунзе.

Член Реввоенсовета Куйбышев».

Колчак возлагал на Западную армию генерала Ханжина огромные надежды. В армию Ханжина он выделил свои отборные войска.

Передовые раз'езды Колчака уже показались под Бузулуком. После победы, одержанной под Белебеем и Бугурусланом, враг стремился форсировать Волгу и вонзить свое смертельное жало в самое сердце Советской Республики.

Большую помощь оказала Фрунзе разведка. Так, бывший свинопас Гулин, лихой разведчик одной из чапаевских частей, переправившись через реку Боровку и пробираясь лесом, оврагами, заметил конный раз'езд. Захватив раз'езд, Гулин нашел у офицера пакет, адресованный в 11-ю белую дивизию.

В. И. Чапаев немедленно передал захваченный приказ по прямому проводу командующему Южной группой. Сведения, содержащиеся в этом пакете, подтверждали своевременность задуманной Фрунзе операции. В своём приказе от 19 апреля Михаил Васильевич, ссылаясь на данные перехваченного документа, указывает, что связь между частями 3-го Уральского и 6-го корпусов врага отсутствует. Не имея оснований для изменения ранее принятого плана операции, Фрунзе приказывает быстрее использовать ситуацию и «с большей энергией продолжать выполнение указанного мною оперативного плана, центр тяжести коего лежит в Бугурусланской группе противника, пока она не находится еще в тактической связи с 6-м корпусом, наступающим из района Стерлитамака».

23 апреля Фрунзе представил в штаб фронта план операции: «Основная идея операции Южной группы Восточного фронта — удар в разрез между частями 3-го и 6-го корпусов противника в общем направлении на Бугуруслан, Заглядино, Сарай-Гир (на Самаро-Златоустовской железной дороге), с целью окончательного разобщения этих корпусов и разгрома их по частям. Операция выполняется путем атаки на правом фланге 5-й армии... Одновременно на левом фланге 5-й армии производится атака в районе Бугульминской железной дороги с охватом

Бугульминской группы противника с севера; атака имеет целью охватить противника и не позволить ему перебросить свои части на юг к Бугуруслану...»

Полководец Фрунзе спешил использовать слабое место в позиции врага на стыке между корпусами.

Успех обеспечивался внезапностью и сосредоточением значительных сил на решающих участках.

Операции, намеченной Фрунзе, благоприятствовало и состояние тыла Колчака — ближайший к фронту тыл был расстроен. Обозы, парки и даже артиллерия отстали от выдвинувшейся вперед армии. Неблагополучно было и в белых частях — новобранцы из крестьян не имели ни боевой подготовки, ни желания воевать за Колчака. Так же плохо было и в более глубоком тылу. «Начальник» Уральского края Постников доносил Колчаку в тоне отчаяния: «Полное падение авторитета власти, вызванное нечистоплотностью ее представителей... Засилье распущенных военных начальников... . Полевение народных масс...»

Даже казачество, на которое так полагался Колчак, из союзника «верховного правителя» превращалось в его врага. Начальник контрразведки при главном штабе Колчака генерал Бабушкин 6 марта доносил:

«Прибывшие с Оренбургского фронта лица передают, что в армии генерала Дутова полное разложение: командный состав потерял всякий авторитет; с офицеров срывают погоны; большинство их, во избежание инцидентов, ходит без погонов. Казаки массами переходят на сторону большевиков и разбегаются по домам.

Общественное мнение обвиняет во многом генерала Дутова, занимающегося более кутежами, чем порученным ему делом...»

Со стороны красных войск требовался сильный удар, чтобы начавшееся среди белых разложение приняло для них более угрожающие формы.

Главное командование и командование фронта не верило в успех операции Южной группы и всячески стремилось сорвать его, сочиняя новые проекты и новые направления удара. Ясной идеи у фронтового командования не было, оно плелось за событиями. Препятствия, упорно чинившиеся фронтовым командованием, если и не могли повлиять на план Фрунзе, то мешали его осуществлению, тем более, что по приказу фронта ударная группа была ослаблена на одну бригаду. Колебания и прожектерство фронтового командования порождали разногласия даже среди помощников Фрунзе.

Когда в ответ на запрос командарма 1-й армии о разграничительной линии между 1-й армией и ударной группой один из штабных работников провел эту линию на север, Фрунзе, всегда выдержанный, сделал ему резкое замечание:

— Вы не понимаете обстановки. Эта линия должна идти не на север, а на восток, на северо-восток. Если мы желаем своим ударом добиться решительных стратегических успехов, то нам нужно захлестывать противника как можно глубже в тыл.

Начало наступления Михаил Васильевич назначил на 28 апреля.

26 апреля в разговоре по прямому проводу с командованием Михаил Васильевич сказал:

— Боюсь, как бы противник не успел уйти из-под наших ударов...

В тот же день Фрунзе приказал ударной группе уклониться к востоку и охватить левый фланг 11-й белой дивизии. Поставив эту задачу командованию 5-й армии, Михаил Васильевич добавил:

— Иначе противник ускользнет, что будет равносильно нашей неудаче.

Фрунзе не гнался за территорией, а основную задачу войны видел в разгроме живой силы врага. Уверенность в успехе у Михаила Васильевича сложилась из реального учета фронтовой обстановки, и всякая оттяжка срока операции могла привести к тому, что удар будет мимо цели.

Но фронтовое командование придерживалось своего взгляда — начать контрудар, когда окончится распутица... В разговоре по прямому проводу Фрунзе выяснил, что наступление на бугульминское направление задерживается. Опаздывали резервы. Их подход ожидался к концу первой половины мая. В то же время фронтовое руководство задумало какие-то «большие операции». Срыв плана Фрунзе велся разными методами...

М. В. Фрунзе на Восточном фронте.

Михаил Васильевич не верил в эти «большие операции» и упорно отстаивал назначенный им срок наступления — движение частей к исходным пунктам было им точно рассчитано. На следующий день, 27 апреля, Фрунзе вызвал к прямому проводу начальника полевого штаба Реввоенсовета, и тот согласился с его доводами.

Фрунзе заканчивал последние приготовления. Войска он распределил по фронту с учетом не только их количества, но и качества. На ответственный участок — правый фланг — были поставлены испытанные чапаевские полки.

Красные части перешли в решительное наступление.

28 апреля начались бои по всему фронту Южной группы. Красные части наступали по волнистой местности, изрезанной речными долинами. Полки Чапаевской дивизии наносили белым удар за ударом.

Белое командование пустило в ход все имевшиеся под рукой резервы. В армейском резерве находился «курень» (отряд) имени Тараса Шевченко.

Прибыв на боевые позиции, «курень» перебил своих офицеров и целиком перешел на сторону красных с криками:

— Хай живе Червона армия!

Украинцы говорили русским красноармейцам:

— Беляки — наш общий враг, будем вместе их бить.

Осуществляя намеченную операцию, В. И. Чапаев решил ловким обходом левого фланга 7-й дивизии белых войти в тыл Бугурусланской группы. Маневр Чапаева окончательно сломил сопротивление противника под Бугурусланом, и 4 мая колчаковцы оставили город.

Фрунзе предполагал продолжать наступление на север, глубже в обход противника, однако командование Восточного фронта, напуганное успешным наступлением белых в сергиевском направлении, потребовало немедленного поворота ударной группы Фрунзе против Сергиевской группы противника.

Напрасно Фрунзе убеждал командование фронта, что удар на северо-восток приведет к катастрофе для этой группы противника.

Доводы Фрунзе не были приняты во внимание, и он вынужден был отдать 1 мая приказ о нанесении удара противнику, действовавшему в районе к юго-востоку от Сергиевска, и об уничтожении его путем двойного охвата.

Но этот маневр был сорван командиром 74-й бригады, бывшим офицером, который перешел на сторону врага и выдал ему планы командования. Колчаковское командование поняло, какую угрозу представляет для них. план Фрунзе, и в ночь на 2 мая, прекратив

наступление, начало отвод своих частей, чтобы избежать охватывающего удара красных.

Командующий Бугульминской группой белых, генерал Войцеховский, выведя свой корпус из-под удара наших армий, решил перейти в наступление от Бугульмы на Бугуруслан. Считая, что удар красных развивается на Белебей, Войцеховский намеревался обрушиться на фланг нашей группы. На подступах к Бугульме завязались упорные бои. В этих боях 25-я Чапаевская дивизия разгромила лучшие колчаковские части Ижевской бригады и 4-й пехотной дивизии. Чапаевцы выходили восточнее Бугульмы, угрожая отрезать белых от Уфы. Колчаковцы поспешно бежали из Бугульмы на Белебей и Уфу.

Этот первый удар, нанесенный Фрунзе врагу, лишил колчаковцев уверенности в успехе кампании на ближайшее время. Операция Фрунзе была бы более успешной, если бы не вмешательство фронтового командования, которое, как видно из доклада начальника штаба фронта, еще 1 мая, когда Фрунзе вел войска в наступление, считало, что «не исключена возможность и того, что противнику удастся отеснить нас за Волгу».

Продолжая последовательно развивать свою идею контрудара, Фрунзе приказал ударной группе Туркестанской армии двигаться на Белебей.

Между тем в районе Белебея скапливались офицерские ударные части корпуса Каппеля — 21 тысяча отборных бойцов. Начались встречные бои. Фрунзе, зорко следивший за действиями врага, решает его разгромить.

В условиях продолжавшегося противодействия фронтового командования Фрунзе приступил к выполнению Белебеевской операции. Разработанный Фрунзе план ставил перед армиями следующие задачи: 1-й армии, наступая левым флангом, атаковать противника и гнать его на северо-восток, 25-й дивизии В. И. Чапаева (Туркестанская армия) наступать севернее Белебея для глубокого охвата противника и отрезать его от сообщений с Уфой. Вся конница должна быть брошена в тыл противнику с целью перехватить его сообщения с Уфой.

Успех операции обеспечивался предусмотрительностью Фрунзе, который еще в начале мая приказал Туркестанской армии двинуться на Белебей. 8 мая Чапаев получает от Фрунзе приказ направить наступление своих полков к северо-востоку и, атаковав врага, отбросить его к северо-западу с целью отрезать ему путь к отступлению.

Выполняя приказ Фрунзе, Чапаев двинул свои полки и разгромил Ижевскую бригаду белых. Было взято много пленных, пулеметы, орудия.

10 мая Фрунзе прибыл в район боевых действий Чапаевской дивизии

— в Русский Кандыз.

Выслушав рапорт Чапаева, Михаил Васильевич дружески пожал ему руку:

— Поздравляю полки дивизии с победой. На полях Бугуруслана, Кандыза и Бугульмы ныне решается участь Колчака. Я жду от полков 25-й дивизии дальнейших таких же решительных действий.

Фрунзе приступил к изучению обстановки и наметил пункты дальнейшего наступления. Беседовал Михаил Васильевич с Чапаевым дружественно, тактично, не навязывал ему своих решений, а лишь подсказывал их, вполне доверяя боевому опыту Василия Ивановича.

Фрунзе все более убеждался, что Чапаев, несмотря на чересчур иногда простецкую манеру речи, умеет правильно разбираться в боевой обстановке, ставит войскам конкретные задачи, заботится о своевременной разведке и хорошо умеет материально подготовить операцию. Ознакомившись с приказами Чапаева, Михаил Васильевич отметил их четкость и грамотность с военной точки зрения.

Прощаясь с Чапаевым, Фрунзе сказал:

— Я уверен, Василий Иванович, что полки выполняют задачу с честью.

— Слушаюсь, товарищ командующий.

Чапаеву хотелось побеседовать подробнее с Фрунзе, но он видел, что командующий спешит. В служебной обстановке Чапаев подавал образец дисциплинированности. Но и эта краткая беседа дала Чапаеву еще раз почувствовать искренность Фрунзе, его доверие к нему.

Проводив Фрунзе, Чапаев сказал командирам бригад:

— С таким командующим не только Колчаку, но и чорту рога наломаем.

Фрунзе не связывал инициативу командиров, давал им оперативную самостоятельность, но всегда заранее знакомился с их оперативными замыслами.

Необходимо отметить, что Фрунзе одновременно руководил операциями в районах Оренбурга и Уральска. Наступление белоказаков и кулацкий мятеж в тылу красных войск создали там напряженную обстановку. Слабонервное командование 1-й армии предлагало даже оставить Оренбург... Фрунзе ответил:

— Приказываю вам раз навсегда прекратить разговоры о сдаче Оренбурга.

Изучив обстановку в районе Оренбурга, Михаил Васильевич пришел к выводу, что командование частей не сумело организовать сопротивления коннице врага.

Обычные формы боя пехоты с конницей оказались недостаточными, и Фрунзе отдает приказ: «Войска совершенно неправильно действуют против конных и весьма подвижных частей неприятеля, который, пользуясь раздробленностью наших сил, легко расправляется с мелкими отрядами. Приказываю: первое— без надобности не дробить частей, второе — внушить пехоте, что конный противник бессилен против пехоты, не поддающейся панике и владеющей винтовкой, третье — все более важные пункты как на линии железной дороги, так и вне ее должны быть немедленно укреплены и укрепляться впредь до занятия новых районов.

Невыполнение этого влечет за собой впредь предание трибуналу по обвинению соответственных начальников в умышленном неповиновении боевым приказам особой важности».

Фрунзе придавал Оренбургу весьма важное значение. Оборона Оренбургского района, непосредственно примыкавшего к пунктам сосредоточения Южной группы, обеспечивала свободу маневра и прикрывала ее тыл.

Контрудар Фрунзе блестяще развивался по намеченному плану. Расстроенные части врага отходили за реку Усунь. Армия Ханжина была под угрозой окружения и гибели.

«В этой напряженной обстановке,—пишет профессор Ф. Огородников в своем исследовании «Удар по Колчаку», — требовавшей быстрых и решительных действий, действий, основывавшихся на твердом знании состояния наших войск и войск противника, — Троцкий произвел новые перемены в командовании Восточного фронта. Мы видели, что и до этого командование Восточного фронта немало напортило своими директивами, которые старались свести на-нет всю блестящую оперативную работу и инициативу М. В. Фрунзе... Но, не собираясь помогать М. В. Фрунзе в его планах, Троцкий принял меры, чтобы штаб фронта точно выполнял его директивы, передаваемые через главкома».

Вновь назначенный командующий фронтом не критически воспринял указания главкома и Троцкого о второстепенном значении Восточного фронта.

Однако всем было известно, что партия придает решающее значение именно Восточному фронту, — для этого достаточно было развернуть любую советскую газету тех дней.

«Волгу Колчаку не отдавать!» — таков был народный лозунг того времени.

Директивы фронтового командования следовали одна за другой, причем они не считались ни с обстановкой на фронте, ни с существующей

группировкой сил.

Товарищ С. М. Гусев, член Реввоенсовета Восточного фронта, писал впоследствии; «Мы видели, что директивы даются неправильные, ошибочные, что через голову командующих армиями фронтовое командование пытается управлять дивизиями, что фронтовое командование нервничает, часто меняет директивы, дергает армии и дивизии и пр.».

Действия командующего фронтом вызвали протест членов Реввоенсовета Восточного фронта. Они обратились в ЦК партии. Члены Реввоенсовета предупреждали также Центральный Комитет, что ставка готовит отстранение от должности М. В. Фрунзе.

Действительно, на всем протяжении Восточного фронта создалась крайне сложная обстановка. На севере от Камы Колчак продолжал наступление, не встречая серьезного сопротивления. Под угрозой находились Казань и Вятка. Но вместо того чтобы продолжать активные действия Южной группы и тем самым оказывать давление на группировку врага севернее Камы^[13], командование фронта расплескивало свои силы. Не ставя перед собой ясной задачи уничтожения противника по частям, фронтовое командование ограничивалось политикой отталкивания врага. Такая политика не могла не оказать дезорганизующего влияния на действия Южной группы и грозила тягчайшими последствиями всему Восточному фронту.

В разгаре боев Фрунзе пришлось оторваться от фронта. 12 мая он приехал в Самару, чтобы опротестовать распоряжения командующего фронтом. В беседе по прямому проводу с командующим фронтом Михаил Васильевич заявил:

— Ознакомился с вашей директивой. Сбит с толку и поставлен в самое неопределенное положение. Я имел честь несколько раз обращаться к командованию фронта с вопросами, касающимися дальнейших операций, и просил не оставлять в неведении относительно решений, к которым склоняется командование... Переходя к содержанию вашей записки, я глубоко не согласен с тем, что вы отдаете распоряжения, не только касающиеся армий, но даже дивизий и отдельных бригад...

Фрунзе резко ставил вопрос о недопустимых методах командования через головы старших начальников и с большевистским упорством отстаивал свой план.

Под напором членов Реввоенсовета командующий фронтов должен был согласиться с неоспоримым в военном и политическом отношениях планом Фрунзе.

С 13 мая красные части вступили в бой с Белебеевской группой

противника. Победа и здесь была достигнута благодаря охватывающему удару Чапаевской дивизии с севера и 20-й дивизии с юга. Опасаясь быть отрезанным от Уфы, противник 17 мая оставил Белебей и отошел на Уфу. Перед нашими армиями стояла задача завершить победоносный удар сокрушительным преследованием. Однако командующий фронтом отдал приказ армиям фронта остановить наступление и не переходить линию Таукай-Тау, Шафраново, озеро Аслиль-Куль, Тюпкильды, Тамьяково до последующего распоряжения.

Этот приказ вызвал законное возмущение в частях Красной армии, которые рвались вперед, несмотря на усталость.

Чапаев со свойственной ему прямоотой заявил:

— Враг бежит, следует на плечах у него сидеть, а не отдыхать над речкой.

Фрунзе не сомневался, что и эта директива будет отменена. Ленин и Сталин внимательно следили за развитием операций. Поэтому Михаил Васильевич с уверенностью заявил командирам:

— Скоро обстановка изменится, и мы вновь пойдем на восток, в Челябинск.

Бойцов Красной армии охватил невиданный боевой порыв. Несмотря на усталость, непрерывные походы и бои, части рвались вперед, отказываясь от отдыха.

С 28 апреля по 17 мая шли бои на фронте в 240 километров. В этой великой битве, сорвавшей широко задуманный план весеннего наступления Колчака, участвовало с обеих сторон около 180 тысяч бойцов. В этой битве столкнулись большевистская стратегия и тактика, военное искусство восходящего класса, выразителем которого был Фрунзе, и стратегия и тактика царских генералов, оказавшихся неспособными преодолеть рутину и перестроить свое оперативное руководство в соответствии с противоречивой и сложной обстановкой гражданской войны.

Несмотря на весеннюю распутицу, бездорожье, Красная армия прошла с боями 220 километров.

Блестящая победа армий Южной группы преградила дорогу колчаковским корпусам, рвавшимся к Волге, и разбила план наступления на Москву. Несмотря на щедрую помощь Антанты, колчаковская армия не могла оправиться от поражения.

Фланговый удар Фрунзе вошел в историю военного искусства Красной армии, как одна из самых блестящих операций гражданской войны — образец смелого маневра против численно превосходящего противника. Осуществляя основную идею маневра, Фрунзе, учитывая меняющуюся

обстановку, вносил необходимые изменения в план и показал гибкость своего оперативного управления. Он действовал ударными группами в духе стратегии товарища Сталина, который в 1919 году требовал от командармов «при выполнении поставленных задач не продвижения линиями, а нанесения сосредоточенными силами фланговых ударов главным силам противника, действующим на важнейших направлениях, имея в виду, что успеха можно добиться только маневром»^[14]. Именно так и действовал Фрунзе, воспитанник партии Ленина — Сталина. Под Бугурусланом, Бутульмой и Белебеем белым наносилось поражение в результате маневра и удара по флангам.

При организации ударной группы Фрунзе смело ломает установившиеся традиции военного искусства и не останавливается перед импровизацией, раз она отвечает обстановке. Когда командование фронта обвинило Фрунзе в нарушении порядка, он ответил:

— Что касается вопроса о перемещивании бригад и дивизий, то, если бы я не составил ударной группы из надерганных мною из 4-й и Туркестанской армий частей, я теперь не имел бы чести разговаривать с вами из Самары. Меня удивляет, как это обстоятельство можно ставить в вину.

Живая сила врага не была еще уничтожена.

Белое командование решило использовать преимущество своих позиций для дальнейшей борьбы. Генерал Сахаров писал: «Теперь, когда вся Западная армия отошла и заняла новый фронт на восточном берегу реки Белой, первая задача наша была не пустить большевиков за реку и в случае их переправы сбросить и разбить по частям. Это представлялось тем более возможным, что Белая в этом месте — довольно серьезная преграда, мы уже успели составить небольшие резервы, выведя из первой линии две дивизии».

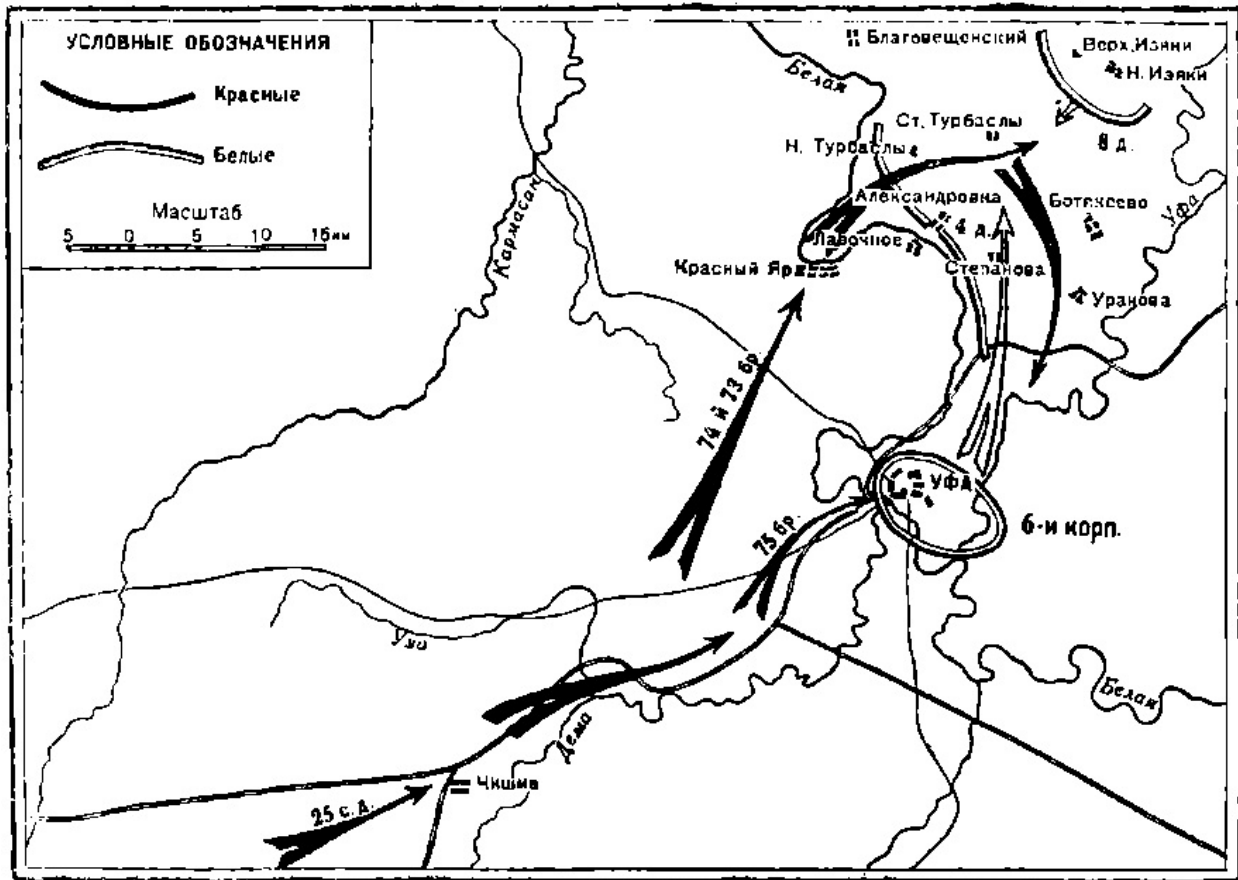
Еще во время Белебеевской операции у Фрунзе рождается план атаки Уфы. 19 мая Михаил Васильевич предлагает фронтовому командованию подробно разработанный план Уфимской операции. Было очевидно, что с этой операцией медлить нельзя, — она диктовалась всей военной и политической обстановкой Республики. Но план Фрунзе встретил противодействие фронтового командования. Сбиваемые противоречивыми указаниями фронта, войска бесцельно топтались на месте. 5-я армия была из'ята из подчинения Фрунзе, что значительно ослабляло силу Южной группы.

Полуразгромленного Колчака нужно было добить. Антанта попрежнему видела в нем силу, способную свергнуть советскую власть и

восстановить капитализм в России, и продолжала оказывать ему поддержку — материальную и политическую.

Уверенность Фрунзе в том, что директива командующего фронтом будет отменена и армии перейдут в наступление, оправдалась.

Красным частям, не имевшим специальных перевозочных средств, предстояло форсировать крупную водную преграду — реку Белую.

Бой под Уфой.

Командование белых, отведя свои потрепанные части на восточный берег Белой, рассчитывало, что за этой преградой удастся их реорганизовать и снова повести в наступление. Зная, что у красных нет переправочных средств, колчаковские генералы не допускали возможности форсирования реки во время весеннего половодья. В случае, если красные переправятся небольшими частями, белое командование предполагало немедленно опрокинуть их в реку. Основная группировка белых сосредоточивалась в районе Уфы.

Разгадывая намерения врага, Фрунзе решил уничтожить главную группировку белых, не давая им времени оправиться. Для этого он выделил Туркестанскую армию, усилив ее тремя дивизиями. Сохраняя за собой

командование всей Южной группой, Фрунзе сам встал во главе Туркестанской армии.

Основная идея плана Уфимской операции сводилась к окружению Уфимской группы противника. В осуществление этого плана 25-я Чапаевская дивизия должна была переправиться севернее Уфы и обойти город с севера, а 2-я и 24-я дивизии, переправившись южнее Уфы, — отрезать отход белых по Челябинской железной дороге. Для более глубокого охвата направлялась конница. 31-я дивизия назначалась в резерв за 25-й Чапаевской дивизией. Соседнюю 5-ю армию Фрунзе просил обеспечить операцию с севера наступлением 26-й стрелковой дивизии. 1-й армии Фрунзе приказал наступать левым флангом, обеспечивая форсирование реки Белой с юга. В приказе от 30 мая Фрунзе так формулировал задачу Туркестанской армии:

«Противник, разбитый на фронте нашей армии, отходит на Уфу, где, повидимому, попытается оказать последнее сопротивление на линии р. Белой.

Ближайшая задача нашей армии — скорейшее овладение Уфой. Приказываю: «1) дивизиям Туркестанской армии... 4 июня достигнуть р. Белой, где подготовить переправы с целью нанести последний удар и занять г. Уфу...»

Белая еще не вошла после половодья в берега и неслась широким многоводным потоком. К западному берегу, очень живописному — озера, леса, кустарники, — но трудному для продвижения армии, шли красные полки, артиллерия, обозы.

К вечеру 4 июня передовые части Туркестанской армии достигли реки Белой. Вскоре же подошли и дивизии 5-й армии, части 26-й дивизии и 25-й дивизии Чапаева.

Разведка не обнаружила ни лодок, ни паромов. Белые, отступая на правый берег, все уничтожили. Вопрос о средствах переправы становился решающим. Но кавалеристам удалось захватить буксир и два парходика.

На правом берегу — на фронте от Стерлитамака до устья реки Белой — враг сосредоточил около 40 тысяч штыков и сабель.

Для руководства операциями 7 июня Фрунзе прибыл на фронт.

Вечером накануне форсирования Белой в Красном Яру было созвано совещание командиров и комиссаров переправляющихся частей. Совещание состоялось в штабе, помещавшемся в сельской школе. Доклад делал Чапаев. Увлекаясь смелостью задуманной операции, он время от времени с волнением посматривал на Фрунзе. Тот одобритительно кивал ему головой. Когда Чапаев окончил доклад, все ждали, что скажет Фрунзе.

— Сделано все, что можно сделать, — заявил Михаил Васильевич.

Перешли к обсуждению плана переправы. Фрунзе интересовался мельчайшими деталями. Предусмотрены были все случайности, все возможные контрмеры врага.

Подводя итоги совещанию, Фрунзе сказал:

— Значит, через два-три дня встречаемся в Уфе.

Осмотрев пункты переправы, Михаил Васильевич отправился в части 25-й дивизии и выступил на митинге. Рассказав бойцам о VIII съезде партии большевиков, о его решении укрепить союз рабочего класса с крестьянином-середняком, Фрунзе закончил свою речь словами:

— Взять Уфу, выполнить указание товарища Ленина и не дать возможности Колчаку закрепиться на Белой.

Бойцы дали клятву взять Уфу.

Чапаев отдал приказ командирам бригад:

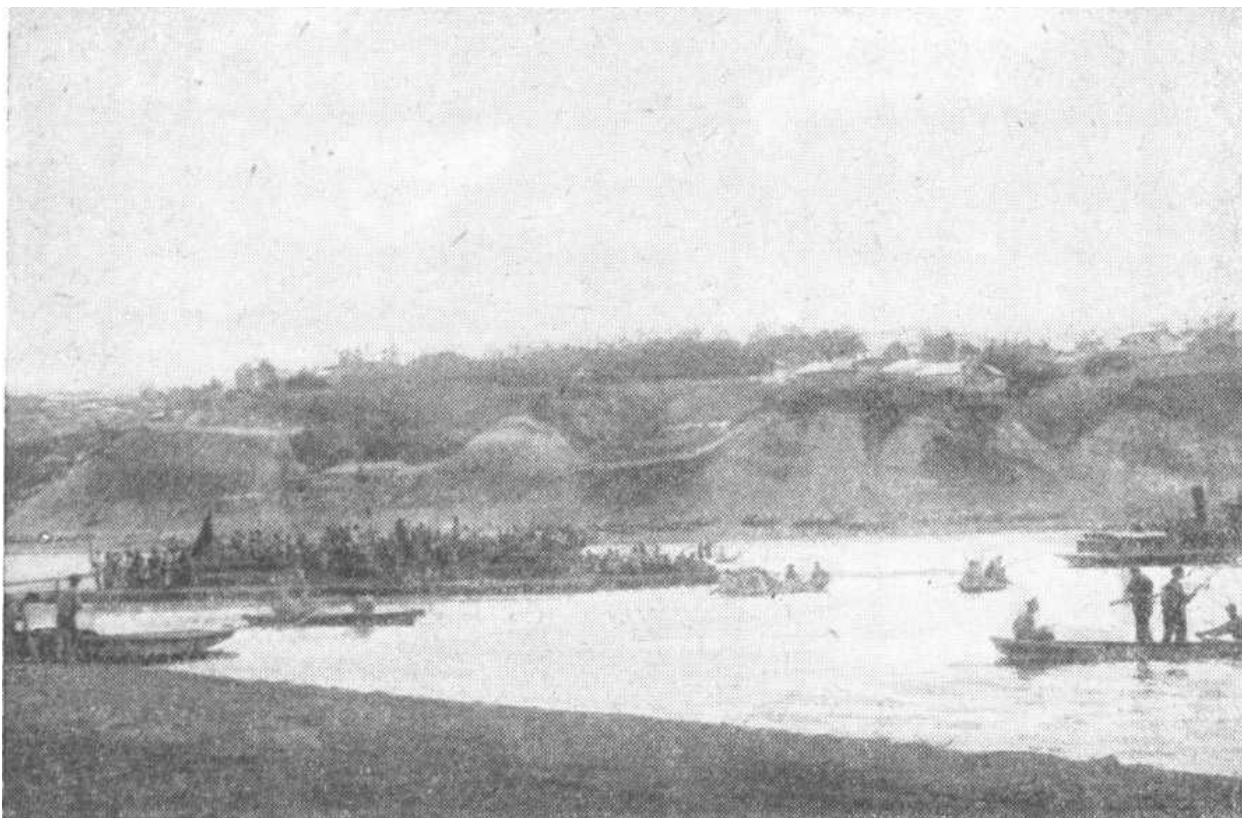
— В двадцать четыре часа Уфа должна быть в руках красных войск. За невыполнение личного приказа отвечаете головой.

Никто не сомневался в успехе. Личное присутствие Фрунзе укрепляло уверенность в победе.

Еще накануне наши разведчики переправились на вражеский берег и захватили небольшой плацдарм. С исключительным упорством и героизмом они отбили наступление охраняющих частей и держались на берегу. Вот эти-то первые успехи и решил немедленно использовать Фрунзе, назначив форсирование реки на сутки раньше установленного приказом срока.

В темноте, выделяясь волнистой линией на синем звездном небе, возвышался правый берег. Отроги Уральских гор словно остановились, дойдя до естественного рубежа — реки. Ни огней, ни звуков на том берегу. Только река шумит в зловещей тьме.

Первым переправлялся 220-й Иваново-Вознесенский полк. Быстро и бесшумно перебежали бойцы по мосткам, и нагруженный до отказа пароходик отчаливал к другому берегу. Разгрузившись, пароходики возвращались за новой партией бойцов, и к часу ночи Иваново-Вознесенский полк был на правом берегу. К рассвету переправился и Пугачевский полк. Артиллерия оставалась на левом берегу.

Переправа через реку Белую.

На рассвете красная артиллерия неожиданно открыла огонь по частям боевого охранения противника. Прорыв проход в проволочном заграждении, артиллерия перенесла огонь сперва на первую линию колчаковских окопов, затем на вторую.

Иваново-Вознесенский полк бросился в атаку. Враг заметался и стал отходить. Иваново-вознесенцы его преследовали. Остальные красные части продолжали переправу.

С наступлением дня сопротивление противника усилилось. Подтянув резервы, колчаковцы перешли в контратаку. Пулеметы и орудия врага обрушились на переправлявшиеся красные части всей силой огня, 25 самолетов противника непрерывно бомбили переправлявшиеся части. Река Белая была окутана дымом и грохотом.

Иваново-вознесенцы, прикрывавшие переправу, встретили колчаковцев слабым огнем. Недоставало патронов. Был дан приказ:

— Беречь патроны! Ни шагу назад! Надеяться не на что — сзади река, в резерве только штык!

Почувствовав ослабление нашего огня, враг усилил натиск. Офицерские и юнкерские батальоны двинулись в атаку, оцетинившись

штыками. Полк медленно начал отходить. Белые шли смело. Казалось, вот-вот нахлынут они и опрокинут красные части в глубокие воды Белой.

Неожиданно появились всадники. Послышался крик:

— Фрунзе в цепи!.. Фрунзе!..

Взяв у своего ординарца винтовку, Фрунзе во весь голос подает команду:

— Иваново-вознесенцы, за мной, в атаку!

— Зачем вы здесь? — спросил командир роты у Фрунзе. — Таких командиров, как вы, у нас немного, чтобы подвергать их опасности.

— Ничего, — ответил Фрунзе, — сегодня так нужно...

Из-за бугра показались цепи неприятеля. Одна, две, три... пять... восемь...

Рядом с Фрунзе идут начальник поарма Тронин, Чапаев. Но вот Тронин падает, тяжело раненный. Командиров охватывает тревога за участь Фрунзе. К нему отправляются гонцы, которым дан строгий наказ:

— Следить все время. Быть около. Живого или мертвого, но вынести из боя к переправе, на пароход.

Чапаев не отстаёт от Фрунзе ни на шаг и сердито ему выговаривает:

— Товарищ командующий! Право, уйдите отсюда. Право, не место вам здесь...

Один из командиров в своих воспоминаниях рассказывает: «Цепь товарища Фрунзе перевалила за бугор — скрылась. Слышны были отдельные крики и беспорядочная стрельба. Я не знал, что Фрунзе ведет этот бой. Через двадцать минут приезжает Михаил Васильевич с двумя винтовками за плечами. Бодро прыгнув с лошади и радостно обращаясь ко мне, говорит:

— Сам лично взял две винтовки в качестве трофеев...»

Красные бойцы несколько раз переходили в атаку. Враг дрогнул и начал откатываться к Уфе. Поле было усеяно трупами юнкеров и офицеров. Противника преследовали до деревни Турбаслы. Жители этой деревни, татары, радушно встретили красных бойцов.

Белые все еще не теряли надежды сорвать переправу и отстоять Уфу. Они вводили в бой все новые и новые части. Красные полки, воодушевляемые командующим фронтом Фрунзе и начдивом Чапаевым, с необычайным героизмом отражали контратаки противника и налеты его авиации на переправу.

На берегу Белой толпилась кучка пленных колчаковцев-татар. К ним под'ехали Фрунзе и Чапаев. Михаил Васильевич вмешался в толпу пленных и вступил с ними в беседу. Чапаев критически осматривал

пленных — в рваных пиджаках, в лаптях, худые, грязные...

— Небогато вас Колчак снарядил. Ну, а за что вы воюете? — спросил Василий Иванович.

Отвечали вразброд, по-русски говорили плохо.

— Нас офицер тащил, зачем воевать?

— Ну, а много здесь у Колчака войск?

— Много-много... Они бы все домой ходил, да офицер не пустил.

— Ну, а в наши ряды пойдете? — вмешался в разговор Михаил Васильевич. — Землю себе завоевать хотите?

— Давай нам винтовка, одевай, сейчас бить будем офицеров. Душить!

— Василий Иванович, передай их в распоряжение комбригов, пусть обмундируют, вооружат. Из них не плохие вояки будут.

Михаил Васильевич с особым вниманием подходил к татарам, башкирам, родина которых стала ареной боев гражданской войны.

В плане Фрунзе указывалось, что после овладения районом Уфы, «подготавливаясь к ведению дальнейших операций, район Стерлитамака занимают башкирские части, развивающие свои действия для овладения всей Башкирией и привлечения башкирского населения на сторону советской власти и усиления Красной армии».

Вечером 8 июня во время налета колчаковских самолетов на переправу рядом с Фрунзе упала бомба. Взрывом этой бомбы под Фрунзе была убита лошадь, сам Михаил Васильевич сильно контужен. Из рта, носа и ушей шла кровь. Когда его в полубессознательном состоянии пересаживали на другого коня, он заявил, что ему надо остаться в строю.

Не прошло и часа после контузии Михаила Васильевича, как пулей с самолета ранило в голову Василия Ивановича Чапаева.

Положение белых становилось критическим. Сорвать переправу им не удалось. Красные прочно закрепились на восточном берегу. Командование белых подтягивало свежие части, чтобы бросить их на 25-ю Чапаевскую дивизию и смять.

Белое командование решило начать контратаку на рассвете 9 июня. Но в штабе белых забыли одно важное военное правило — сохранение тайны. О предстоящей операции говорили без предосторожности. Секретные разговоры случайно подслушал один уфимский рабочий. Рискуя жизнью, он ночью перешел колчаковский фронт и явился к начдиву 25.

— Утром два офицерских батальона и Каппелевский полк перейдут в атаку и, пробив брешь, окружат и уничтожат красных.

— А ты откуда узнал?

— Я случайно работал в это время в штабе.

Вначале перебежчику не поверили. Закралось законное сомнение, что он подослан врагом, чтобы ввести красных в заблуждение.

Рабочий клялся, что он рисковал жизнью, так как советская власть ему дороже. На всякий случай меры были приняты, к встрече с врагом приготовились: окопались, подготовили пулеметы и артиллерию.

Дмитрий Фурманов в повести «Чапаев» дал яркую и правдивую картину этой знаменитой «психической» атаки:

«Мучительно долго тянулась ночь. В эту ночь из командиров почти никто не спал, несмотря на крайнюю усталость за минувший страданный день. Все были оповещены о том, что рассказал рабочий. Все готовы были встретить врага. И вот подошло время...

Черными колоннами, тихо-тихо, без человеческого голоса, без лязга оружия шли в наступление офицерские батальоны с Каппелевским полком. Они раскинулись по полю и охватывали разом огромную площадь. Была, видимо, мысль — молча подойти вплотную к измученным, сонным цепям и внезапным ударом переколоть, перестрелять, поднять панику, уничтожить...

Эта встреча была ужасна... Батальоны подступили вплотную, и разом, по команде, рывкнули десятки готовых пулеметов... Заработали, закосили... Положили ряды за рядами, уничтожили... Повскакали бойцы из окопов, маленьких ямок, рванулись вперед. Цепями лежали скошенные офицерские батальоны, мчались в панике каппелевцы — их преследовали несколько верст. Этот неожиданный успех окрылил полки самыми радужными надеждами».

Красные части с утроенной энергией бросились преследовать противника, и к утру 9 июня Уфа была взята. Уфимские пролетарии радостно, с красными знаменами встретили победителей.

На следующий день в Уфу приехал Фрунзе. Его встретил Чапаев с забинтованной головой.

Фрунзе обрушился на Чапаева:

— Товарищ Чапаев! Что это значит? Врачи вам предписали абсолютный покой... А вы? Это же нарушение дисциплины.

— Я, Михаил Васильевич, делаю, как предписали врачи. Они, точно, предписали покой. Ну, а я так понимаю, что покойно мне будет только в Уфе, среди своих бойцов...

И с упреком добавил:

— А вы тоже хороши: контуженный, а приехали...

Подвиги Фрунзе советское правительство оценило по достоинству и наградило его первым орденом Красного знамени.

Враг народа Троцкий пытался сорвать выполнение ленинского плана разгрома Колчака и всячески мешал М. В. Фрунзе в развитии блестяще начатой операции по разгрому белых.

«В момент разгара наступательных действий Красной армии на Восточном фронте Троцкий предложил подозрительный, план: остановиться перед Уралом, прекратить преследование колчаковцев и перебросить войска с Восточного фронта на Южный фронт. ЦК партии, хорошо понимая, что нельзя оставлять Урал и Сибирь в руках Колчака, где он может с помощью японцев и англичан оправиться и снова стать на ноги, отклонил этот план и дал директиву продолжать наступление»^[15].

Товарищ Сталин в речи на пленуме фракции ВЦСПС 19 июня 1924 года рассказал, как была отменена вредительская установка Троцкого.

«Вы знаете, что основными врагами Советской республики считались Колчак и Деникин. Вы знаете, что наша страна вздохнула свободно лишь после победы над этими врагами. И вот, история говорит, что обоих этих врагов, т. е. Колчака и Деникина добились наши войска вопреки планам Троцкого. Судите сами:

1) *О Колчаке.* Дело происходит летом 1919 г. Наши войска наступают на Колчака и орудуют под Уфой. Заседание ЦК. Троцкий предлагает задержать наступление по линии реки Белой (под Уфой), оставив Урал в руках Колчака, снять часть войска с Востфронта и перебросить их на Южный фронт. Происходят жаркие прения. ЦК не соглашается с Троцким, находя, что нельзя оставлять в руках Колчака Урал с его заводами, с его железнодорожной сетью, где он легко может оправиться, собрать кулак и вновь очутиться у Волги, — нужно сначала прогнать Колчака за Уральский хребет, в сибирские степи, и только после этого заняться переброской сил на юг. ЦК отклоняет план Троцкого. Последний подает в отставку. ЦК не принимает отставки... С этого момента Троцкий отходит от прямого участия в делах Востфронта»^[16].

10 июня Фрунзе дает приказ об укреплении и обеспечении районов переправы и бросает часть войск в тыл противника.

4 июля Фрунзе двинул 25-ю дивизию на освобождение осажденного Уральска и 11 июля телеграфировал В. И. Ленину: «Сегодня в двенадцать часов снята блокада с Уральска. Наши части вошли в город».

Победа под Уфой дала возможность использовать некоторые части Восточного фронта для укрепления Южного и Петроградского фронтов, получивших к тому времени первостепенное значение.

«Сейчас, когда решающие победы Красной армии на востоке

обеспечили свободное развитие свободного Башкирского народа, — писал председатель Совнаркома Ленин в телеграмме на имя Башкирского ревкома, — решение Реввоенсовета Республики о переводе некоторых башкирских частей в Петроград приобретает исключительное значение... Выражаю глубокую уверенность в том, что Башкирская Республика и все передовые товарищи-башкиры приложат все усилия к тому, чтобы переброска башкирских частей была проведена в кратчайший срок и с наименьшим обременением для железнодорожного транспорта. Прошу передать братский привет красноармейцам-башкирам»^[17].

«Башкирский народ, — писал тогда товарищ Сталин в газете «Коммунар», — дает для защиты завоеваний революции в России и распространения ее по всему миру — стотысячную дисциплинированную, преданную идее и своим вождям армию»^[18].

Красная армия оперировала в Западном Казахстане. Она несла казахам освобождение от власти белых и буржуазных националистов, которые составили единый фронт контрреволюции. Фрунзе непосредственно руководит всей работой по укреплению партийных организаций и советской власти в Западном Казахстане, в Оренбургской губернии и Тургайской области. Он вовлекает казахов и киргиз в создаваемые органы советской власти и в ряды Красной армии. В Уральске по инициативе Фрунзе был создан национальный отдел областного ревкома. Этот отдел направлял организаторов советской власти в освобожденные районы и агитаторов по ту сторону фронта. В одном из своих воззваний Фрунзе призывал:

«Выбирайте скорее уполномоченных, посылайте их сюда, в Уральск, в областной революционный комитет, и тут им расскажут, что и как делать. Посылайте немедленно ко мне своих джигитов, защитников бедноты, я дам оружие, составлю из них полки для защиты трудового народа».

Призыв Фрунзе встретил горячий отклик у казахов. Шли за 300—400 километров, пробирались через фронты. Из этих добровольцев был сформирован первый советский образцовый казахский кавалерийский полк. В Казахстане по призыву Фрунзе явилось 1 200 дунган со своими лошадьми и обмундированием. Из них был сформирован отдельный Дунганский кавалерийский полк. Имя Фрунзе среди казахского народа стало самым родным и близким. Казахский акын отметил умение Фрунзе найти общий язык с бедняком:

О другом, бывало, речь поведет —
Ласково говорит.

Слово его душисто, как мед,
Теплом, как весна, дарит.
Если же с баями вел он речь,
Он беспощаден бывал.
Слово его, будто кованый меч,
Било врага наповал.
Сквозь Казахстан он прошел в огне,
Он победил судьбу.
Уздой звенел его рыжий конь
С белым пятном на лбу.

19 июля Михаил Васильевич Фрунзе назначается командующим Восточным фронтом.

В это время на юге развернулось наступление Деникина, имевшее целью также оказание помощи Колчаку. Учитывая опасность затяжки освобождения Урала, Ленин в письме от 9 июля требовал завершения разгрома Колчака.

20 июля Фрунзе отдает первый приказ по Восточному фронту. По плану Фрунзе 5-й армии ставилась задача продолжать наступление вдоль Сибирской железной дороги и овладеть районом Троицка и Челябинска. Для обеспечения наступления 5-й армии Фрунзе приказывает 3-й армии выйти вперед уступами по отношению к 5-й армии; перегруппировка, произведенная Фрунзе, обеспечивала успешность операции. Началось новое наступление героических армий Восточного фронта под командованием Фрунзе. 26 июля был освобожден Челябинск. Колчаковцы под сокрушительным натиском 5-й и 3-й армий отступали к Тоболу. Приказ Ленина об освобождении Урала был выполнен. Но живая сила Колчака еще не была окончательно разгромлена. Фрунзе отлично сознавал преимущества тактики, которая позволяла бить противника по частям. Он принял решение разрезать колчаковский фронт на две части и для осуществления этого оперативного замысла выделил дивизию на троицкое направление, приказав ей занять и Троицк. Дивизия приказ выполнила; колчаковский фронт был разорван. На фронте создано два направления: восточное — вдоль Сибирской железной дороги и юго-восточное — на Туркестан^[19].

Партия поставила перед Фрунзе новую большую задачу — руководимые им части Красной армии должны были открыть дорогу в Туркестан. По указанию ЦК партии произошло разделение фронтов — на

Восточный и Туркестанский. Командующим Туркестанским фронтом 13 августа был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. В состав Туркестанского фронта вошла 1-я, 4-я и 11-я армии.

Вступив в командование Туркестанским фронтом, Фрунзе поставил армиям следующие задачи:

а) в кратчайший срок овладеть Уральской и Оренбургской областями, включительно до Гурьева, Актюбинска и Орска;

б) подготовить экспедицию в Туркестан для разгрома английских интервентов и их белогвардейских наймитов;

в) подготовить 11-ю армию для наступательных операций в юго-западном направлении

и г) 15 августа закончить подготовку удара на Царицын в связи с действиями левого фланга Южного фронта.

Как указывает военный исследователь комбриг С. Тимошков, «идея этой экспедиции (в Туркестан) была разработана товарищем Фрунзе еще в бытность его командующим Южной группой армий Восточного фронта и соответствующие предложения 18 июля были представлены Реввоенсовету Республики».

Для окружения и разгрома южной армии Колчака Михаил Васильевич создает несколько ударных групп с бронепоездами, бронеотрядами и авиацией. В соответствии с планами английских интервентов превратить Туркестан в базу для наступления на Советскую Россию Колчак начал перегруппировку войск, стремясь захватить инициативу и предупредить наступление Фрунзе. Англичане направили Колчаку через Гурьев артиллерию и снаряды. Внимательно следя за перегруппировками врага, Фрунзе отдает 20 августа приказ по 1-й и 4-й армиям о переходе в наступление.

Несмотря на тяжелые условия, заторы в снабжении и сильный рост эпидемических заболеваний, 1-я и 4-я армии усиленно продвигались вперед. 11-я армия с железным упорством отстаивала Нижнюю Волгу и весь Астраханский край.

Михаил Васильевич знал, какое значение придавал В. И. Ленин Астраханскому краю. Там руководил обороной лучший сын большевистской партии — Сергей Миронович Киров.

Находясь в осажденном городе, Киров заявил:

— Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским!

Для усиления руководимой Кировым 11-й армии Фрунзе послал из состава 4-й армии 50-ю стрелковую и Московскую кавалерийскую дивизию.

В помощь С. М. Кирову были направлены В. В. Куйбышев и группа коммунистов. В горячие дни наступлений деникинских войск Фрунзе вместе с Кировым и Куйбышевым руководили обороной Астраханского края.

На середине пути между Царицыным и Астраханью находился Черный Яр, окруженный отборными частями Деникина. Борьба за Черный Яр приобретала исключительное значение, так как этот маленький городок являлся тактическим ключом к Астрахани. Деникин бросил на Черный Яр конницу Улагая, Мамонтова, офицерские полки и английские самолеты. Красные части упорно защищали город.

5 сентября в осажденный Черный Яр прибыли Фрунзе, Киров и Куйбышев. Выслушав донесение командира, они отправились на передовые позиции. «Был яркий солнечный день, — рассказывает об этом эпизоде Всеволод Вишневский. — В небе — белые пятна шрапнели. Окопы противника в семистах, восьмистах метрах. Киров, Куйбышев и Фрунзе идут на передовую линию. Пули поднимают песок под ногами. Белая кавалерия пошла в атаку. Слышно протяжное завывание, гиканье. Киров, Куйбышев и Фрунзе с винтовками в руках лежат в цепи и отбивают атаку...»

Возглавляемые Фрунзе армии заставили белую казачью армию генерала Белова отойти на юг, в пустынные степи. Разгромить эту армию стало первейшей задачей командующего Туркестанским фронтом. При продвижении наших сил в Туркестан армия Белова висела бы на фланге и связывала свободу действий. Не разгромив армии Белова, нельзя было широко развернуть операции в Туркестане.

В. И. Ленин неослабно следил за действиями войск Туркестанского фронта, посылал Фрунзе телеграммы с запросами, советами.

О том, в каких трудных условиях приходилось Фрунзе вести операцию против армии Белова, свидетельствует его телеграмма на имя Ленина:

«Наше сосредоточение заканчивается, и войска 4-й армии уже перешли в наступление. Задержка в перегруппировке объясняется: первое — переброской значительной части сил на другие фронты; второе — перевариванием нами массы военнопленных; третье — тифозной эпидемией, уносящей ежедневно не менее тысячи людей.

Армия страдает от крайнего недостатка патронов, винтовок, обмундирования и белья. Были случаи, когда части делались жертвами противника вследствие отсутствия патронов. План сбросить казаков в пустынный район — уверен — удастся, но должен предупредить, что это

возможно еще не будет обозначать ликвидации Уральского фронта, ибо поход по безлюдным степям вниз по Уралу связан с огромными трудностями, а сопротивление казачества поддерживается надеждой на деникинские успехи. Во всяком случае, с нашей стороны делалось и делается все возможное в нашей обстановке.

Комтуркфронта Фрунзе».

Белые части метались в поисках спасения, стремясь выйти к берегам Аральского моря и к Красноводску на соединение с англичанами. Фронт шел по пустынной местности, противник оторвался на большое расстояние. В разработанном плане операций Фрунзе отводит решающую роль коннице, которой ставит задачу охватить пути отступления белых к югу.

Изнуренные, плохо снабженные войска, воодушевляемые своим полководцем, совершили трудный маневр, в результате которого армия Белова попала в западню. Окруженная красными частями, армия Белова не могла уже вырваться из кольца и вынуждена была сдаться в плен. Малой кровью, умело продуманным маневром Фрунзе достиг редкого в истории военного искусства успеха. Южный фланг колчаковского фронта был уничтожен, и надежда белых войти в соприкосновение с деникинским флангом была окончательно разбита.

29 августа был взят Орск, 2 сентября — Актюбинск, 10 сентября 1-й бригаде 49-й дивизии сдались остатки южной армии Колчака, что облегчило соединение 1-й армии и туркестанских войск.

Это соединение состоялось 13 -сентября на станции Мугоджарской. Ворота в Туркестан были открыты.

7 октября был об'явлен приказ Фрунзе по войскам Туркестанского фронта. «Ваш могучий дух воинов-революционеров, воинов великой крестьянско-рабочей армии дал вам славные победы. Вы захватили за последний месяц свыше 55 тысяч пленных, много орудий, около 150 пулеметов, большое количество другой добычи».

Дни дутовских белых казачьих частей были сочтены. Часть казаков-оренбуржцев сдалась в плен, часть разбрелась по домам. Остатки дутовских полков метались по киргизским степям, утратив всякую боеспособность и вымещая злобу на киргизской бедноте.

Михаил Васильевич решает оторвать рядовое казачество от Дутова и направить его против белогвардейщины. По указанию Фрунзе, среди белоказаков проводится агитационная работа. Рядовые казаки, обманутые Дутовым, после бесед с пропагандистами-большевиками или чтения

прокламаций начинали понимать, за чьи интересы проливали они кровь. Один из казаков рассказывал:

«Удивительная штука. Когда мы взяли Уфу и Оренбург, наши офицеры прямо озверели. Близко не подходи, слово не скажи. Чуть что, навешают тебе на шею тридцать фунтов песку, и стой целую ночь. А как у нас красные взяли Уфу и Оренбург, наши офицеры совсем шелковые стали: чуть товарищем не называют. Но тут мы поняли, что надежда на них плохая. Надо самим думать, как быть. Лежишь на берегу Урала или Илека и смотришь, не плывет ли где кораблик с бумажкой. Сейчас же ее в карман, а после передашь станичникам. Офицеры соберутся обсуждать свои дела, а мы... бумажки читать».

Чтобы добиться быстрого перелома в настроении всей казачьей массы, Фрунзе предложил на заседании Реввоенсовета Туркестанского фронта пойти на крайне смелую меру в отношении пленного казачества: вчерашним врагам оказать полное и исключительное доверие и тем самым превратить каждого из них в агитатора за советскую власть и Красную армию. Приказом Реввоенсовета все пленные казаки распускались по домам «на побывку». Через три недели они должны были явиться на определенные сборные пункты. За коня и «обмундировку» была установлена определенная плата, которая выдавалась немедленно после явки на сборный пункт.

Приказ этот был об'явлен на митинге пленных казаков. Михаил Васильевич выступил на этом митинге с речью. Он рассказал казакам, за что борется советская власть и что большевики сделали для трудового казачества. После речи казаки единогласно приняли резолюцию, в которой приветствовали решение советской власти. Казаки дали «красную присягу», которую они не нарушили, аккуратно выполнив все, что предписывалось приказом.

Под влиянием нараставшего среди рядового казачества недовольства политикой атамана, к Фрунзе приехали три старика — члены дутовского войскового круга, во главе с членом «войскового правительства» Богдановым. Избраны они были татарской частью оренбургского казачества. Делегаты приехали к командующему узнать, как им быть и что делать дальше.

Михаил Васильевич принял делегатов у себя в кабинете один, без свидетелей. Посадил стариков около себя и в течение двух часов беседовал с ними, рассказывая о задачах советской власти в национальном и религиозном вопросах.

Работа, проделанная Фрунзе и большевистской партией, сказала

очень быстро. Уральское и оренбургское казачество, которое под давлением кулацкой верхушки занимало то колеблющуюся, то враждебную позицию к советской власти, начало понимать, кто является истинным врагом трудового казачества и крестьянства. Лишенный своей базы, Дутов был быстро разгромлен. Красные части Туркестанского фронта вышли на восточное побережье Каспийского моря и этим обеспечили 11-й армии возможность наступления на Баку.

VIII. ОСВОБОЖДЕНИЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ

В феврале 1920 года, после полного разгрома Колчака и ликвидации дутовщины, Михаил Васильевич Фрунзе отправился в Ташкент.

Об условиях переезда Михаил Васильевич рассказал в телеграмме В. И. Ленину:

«6 февраля прибыли в Актюбинск. Условия передвижения неописуемы. Поезд два раза терпел крушение. Дорога в ужасном состоянии. Начиная от Оренбурга, все буквально замерзает. На топливо разрушаются станционные постройки, вагоны и прочее. Бедствия усиливаются свирепствующими буранами и заносами. Кроме воинских частей, работать некому, а части раздеты и разуты».

Время в пути было у Фрунзе точно рассчитано. Он изучал литературу по Туркестану, историю мусульманства; читал даже коран. Фрунзе знал, что ему придется вести работу среди местного населения, беседовать с людьми, у которых еще сильны религиозные и национальные предрассудки.

Сотрудники, ехавшие вместе с Михаилом Васильевичем в Среднюю Азию, были предупреждены, что отправляются они туда не на месяц-два, а на годы. Фрунзе требовал, чтобы каждый работник усвоил основы ленинско-сталинской национальной политики и изучил историю, географию и экономику края.

По вечерам, после текущей дневной работы, ближайшие сотрудники собирались у Фрунзе в салон-вагоне. Обменивались дневными впечатлениями о встречах с местным населением и бойцами на остановках, иногда весьма продолжительных. Делились интересными сведениями, вычитанными из книг. Фрунзе умел превращать эти беседы в коллективное обсуждение опыта.

Вечера в салон-вагоне, когда поезд едва тащился по снежной степи, сблизили людей, помогли им узнать друг друга и обеспечили товарищескую спайку в работе.

Михаил Васильевич успел близко изучить своих сотрудников. Незаметно, с исключительным тактом, он обращал внимание товарища на слабые места в его подготовке, помогал советами, которые иногда превращались в обширный доклад по истории партии, национальному вопросу или на военную тему.

Заметив утомление, усталость, Фрунзе умел поднять настроение

веселой шуткой или затягивал песню, которую дружно подхватывал хор.

Оставшись один, Михаил Васильевич подолгу стоял перед картой Средней Азии. За мраморными от мороза окнами в глухой ночи тонула степь. По карте Фрунзе следил за важнейшими направлениями, изучал расположение гарнизонов, отмечал пункты сосредоточения врага по поступающим за день сводкам. Мысль работала над вариантами операций, перегруппировок.

И уже к полуночи приходил ординарец, приносил стакан чаю и ломоть серого пшеничного хлеба с сушеными рыбками или другой незамысловатой снедью, составлявшей ужин командующего. Заканчивал Фрунзе свой день изучением сводок с других фронтов, причем особое внимание уделял Врангелю.

По пути в Ташкент поезд задержался на одной из станций. Фрунзе вышел на платформу. Всюду были заметны следы гражданской войны. На платформе и путях — запустение. В домах разбиты окна, выломаны двери. Какие героические усилия потребуются от рабочего класса, чтобы восстановить разрушенное хозяйство страны!

Из-за станционных строений доносился шум. Фрунзе направился туда. Несколько сот красноармейцев и железнодорожников пилили дрова.

— Что это? — спросил Фрунзе.

— Коммунистический субботник, товарищ командующий, — радостно ответил один из красноармейцев, довольный тем, что командующий фронтом обратился к нему.

Да, вот она, новая форма труда, которая сыграет огромную роль в преодолении послевоенной разрухи и строительстве социализма. Как будто бы случайно возник первый коммунистический субботник по инициативе московских рабочих Казанской железной дороги.

Получив задание дать четыре паровоза для Восточного фронта, они решили отработать в субботу 7 мая 1919 года шесть часов дополнительно и бесплатно и ввести коммунистическую субботу во всех подрайонах до полной победы над Колчаком. В. И. Ленин в статье «Великий почин» указывал, что инициатива железнодорожников, подхваченная всем рабочим классом страны, заслуживает внимания партии.

Фрунзе подошел к работающим.

— Ну-ка, товарищи, дайте мне пилу.

Распахнув шинель и сдвинув на затылок папаху,

Михаил Васильевич взялся за работу.

— Начнем!

В перерывах Фрунзе рассказывал красноармейцам, какое огромное

значение придает партия субботникам, какое огромное значение будут они иметь в борьбе советского народа за коммунизм.

Когда комендант станции доложил, что путь свободен и поезд может следовать дальше, Фрунзе простился с красноармейцами и пошел к вагону. С восхищением и любовью смотрели вслед ему красноармейцы.

М. В. Фрунзе на коммунистическом субботнике.

...Эшелоны войск прибывали в солнечный Туркестан — страну хлопка и песков.

Красноармейцы, вчерашние иваново-вознесенские ткачи, увидев хлопковые поля, обрадовались:

— Вот он, хлопок! Оживут скоро наши фабрики.

Фрунзе приехал в Ташкент 22 февраля.

Военно-политическая обстановка была чрезвычайно сложна. В первую очередь нужно было оздоровить, туркестанскую партийную организацию. В ее рядах шла борьба двух групп: русской и местных национальных работников. Дружной работы не было.

Ознакомившись с положением, Фрунзе сказал:

— Тут надо начинать с азов...

Он созывал совещания, выступал на митингах, беседовал в кишлаках, терпеливо и настойчиво раз'ясняя сущность ленинско-сталинской национальной политики. Тех партийных работников, которые не хотели усваивать и проводить в жизнь линию партии в этом вопросе, освобождали от ответственной работы, а иногда лишали и партийного билета.

Фрунзе и Куйбышев сумели сплотить коммунистов. Фрунзе принадлежала руководящая роль в организации «Союза кошчи» (бедноты и батраков). Этот союз стал орудием воспитания классового самосознания в аулах и кишлаках. Опираясь на поддержку трудового дехканства, партия начала внедрять основные начала земельной реформы. Она имела целью уничтожение неравенства в землепользовании и возвращение коренному населению земель, отнятых колонизаторами царского правительства. Все это проходило в условиях жестокой борьбы с баями и манапами — для них имя Фрунзе было особенно ненавистно.

— Красная армия пришла из далекой России не для завоеваний, — говорил Фрунзе в обращениях к населению, — а для установления братства народов. Братство народов Средней Азии с остальной нашей республикой поможет покончить с войной и строить свободную жизнь. Кто разжигает вражду между народами? Манапы, муллы, русские кулаки. Им выгодна национальная рознь, чтобы нации оставались разобщенными, слабыми и беззащитными перед их властью. И поэтому контрреволюции охотно оказывают помощь англичане, посылая через Персию и Афганистан оружие и деньги.

В приказе по войскам Туркестанского фронта (от 23 мая 1920 года) Фрунзе писал:

«Басмачи не просто разбойники; если бы это было так, то, понятно, с ними давно было бы покончено. Нет, основные силы басмачества составили сотни и тысячи тех, которых так или иначе задела или обидела прежняя власть; не видя нигде защиты, они ушли к басмачам и тем придали им небывалую силу. Вместе с собой они принесли басмачам и поддержку мусульманского населения.

После восстановления связи с Центральной Россией в Туркестане началась лихорадочная работа по устранению всех прежних безобразий, стал преобразовываться аппарат власти, беспощадно стали изгоняться примазавшиеся грабительские элементы, стал наводиться порядок в войсках. Это быстро почувствовало население, и народ стал тянуться в сторону советской власти.

Вожди басмачей, успевшие своей борьбой приобрести большую силу и влияние, учли это и в большинстве признали советскую власть».

В Туркестане еще орудовали банды фанатиков и авантюристов, мешавшие спокойной жизни трудового народа.

Борьба с басмаческими бандами имела специфический характер вследствие их особой тактики и местных условий. Трусливые, когда приходилось иметь дело с большими частями Красной армии, басмаческие банды были необычайно дерзки при налетах на небольшие отряды, малочисленные гарнизоны. Обладая высокой подвижностью, они делали внезапные налеты на железнодорожные станции, заводы, административные центры. Опираясь на поддержку баев и духовенства, басмачи терроризовали местное население. У дехкан, помогавших Красной армии, они уничтожали рисовые и хлопковые поля. Басмачи были хорошо вооружены иностранными интервентами из Афганистана, оккупированного англичанами. При появлении более значительных сил красных войск банды рассеивались и, пользуясь условиями местности, уходили от преследования и собирались вновь в каком-либо условленном пункте.

Методы борьбы, применявшиеся против линейных войск противника, державшего фронт на определенных рубежах, оказались несостоятельными в борьбе с отдельными подвижными группами басмачей. Новая обстановка требовала новых методов борьбы. В приказе от 15 мая Фрунзе ставит войскам задачу:

«1. Занятие сильными гарнизонами всех наиболее крупных селений области, могущих быть базами басмачей.

2. Образование достаточно сильных отрядов для производства активных операций. При каждом гарнизоне иметь летучие колонны для уничтожения мелких шаек, появляющихся в пределах своего района».

Изучив тактику и приемы басмачей, Фрунзе вырабатывает собственную тактику. Гарнизон, подвергнувшийся нападению басмачей, оборонялся, а тем временем выделенный отряд, получив от разведки сведения об окружении гарнизона, отправлялся на выручку. Басмачи, отрезанные от путей отступления, оказывались окруженными и совместным ударом гарнизона и отряда уничтожались. Кроме того, по приказу Фрунзе был сформирован подвижной отряд особого назначения, для которого были подобраны бойцы и командиры, хорошо знакомые с местными условиями.

Учитывая специфические условия Средней Азии, Фрунзе приходилось действовать не только оружием, но и выступать в качестве дипломата. Этим путем предотвращалось излишнее кровопролитие.

Бывший ад'ютант Фрунзе С. Сиротинский рассказывает: «Он (Фрунзе) занят весь день, работает ночью. Автомобиль он заменяет верховой

лошадью, карабкается пешком и переплывает реки. Преследует шайку басмачей, возглавляя наскоро сколоченный отряд из команды охраны своего поезда и ближайших сотрудников».

Принимая командиров с докладами, Фрунзе выяснял обстановку до мельчайших подробностей и тут же отдавал краткие, но ясные распоряжения. Военных работников поражала быстрота, с которой Михаил Васильевич схватывал обстановку и делал выводы. Характерной чертой его была смелость решений, готовность идти на риск, если это оправдывалось ожидаемыми результатами.

Значительную часть времени Фрунзе приходилось уделять работе в комиссии ВЦИК по делам Туркестана, по ночам он засиживался в полутемном, затихшем после дневной суеты штабе. Часто Фрунзе выезжал в расположение частей в сопровождении двух-трех ординарцев.

Однажды Михаил Васильевич выехал в район Гиндж-Дуван, где находился сводный отряд курсантов. Район был весьма опасен — там бродили отдельные басмаческие отряды.

Когда один из командиров предупредил его об опасности, Фрунзе спросил:

— А вы очень боитесь?

Тот смутился. Фрунзе рассмеялся и сказал:

— Волков бояться — в лес не ходить.

Для борьбы с басмачами Фрунзе широко использовал национальные формирования. Но на первом этапе борьбы местные национальные части были не всегда на высоте поставленных перед ними задач. В их рядах вели разлагающую работу курбаши — местные главари, не порвавшие связей с басмачеством. Разлагающая работа этих курбашей привела к падению дисциплины в Узбекском полку.

На совещании с командирами Михаил Васильевич указал, какие меры нужно принять для оздоровления Узбекского полка.

— Мы должны изолировать больную часть полка от здоровой, провести проверку состава полка. Очистив таким образом полк, в своей основе по социальному составу здоровый, дисциплинировать его и дать ему хорошую военную и в особенности политическую выучку.

Командиру Узбекского полка Ахунжану было приказано выступить в ташкентский лагерь для реформирования.

Ахунжан, бывший раньше главарем басмаческого отряда, приказа не выполнил. Грубое нарушение дисциплины он пытался объяснить такими мотивами:

— Наши семьи останутся беззащитными. Я не хочу ехать из

Андижана. Мои аскеры (солдаты) из Андижана, я сам из Андижана. Полк остается здесь...

В подобных случаях Фрунзе не останавливался перед крутыми мерами, Это был уже второй случай,

В первый раз, когда одна из частей вздумала обсуждать боевой приказ, Фрунзе приказал предать виновных суду полевого трибунала.

— А в случае необходимости, — приказал тогда Фрунзе, — расстреливать на месте без суда. Сорная трава должна быть вырвана из Красной армии с корнем...

Сейчас от такой сорной травы нужно было очистить Узбекский полк.

Фрунзе сказал Куйбышеву:

— Положение, Валериан Владимирович, в Фергане создается серьезное... Кому-нибудь из нас нужно быть на месте и принять меры. Мы должны неуклонно проводить свою линию.

Обсудив, решили, что временно в Фергане останется Михаил Васильевич.

— Завтра я приму меры к оздоровлению Узбекского полка. Полк надо очистить от басмачей и сменить командование.

— Пройдет ли это гладко?

— Думаю, что да.

И потом добавил:

— Возможно, что прольется кровь...

Михаил Васильевич вызвал командира бригады. Тот явился только что от парикмахера — на гладко выбритых, отливавших синевой щеках чуть белела пудра. Михаил Васильевич пристально посмотрел на командира и спросил:

— Зачем вы бороду бреете?

Командир опешил и невольно потрогал пальцем свой блестящий подбородок.

— Жаль, — продолжал Фрунзе, — командующему национальной части борода прямо-таки необходима...

Шутит командующий или говорит серьезно?

— Зачем, товарищ командующий?..

Фрунзе пояснил:

— Мусульмане считают бороду признаком умудренности человека. К человеку с бородой больше уважения и доверия. Приказа растить бороды я не отдам, но командиры национальных частей должны считаться и с такими как будто мелочами.

Командиру бригады припомнился случай, когда командиры тюркских

полков назвали его мальчишкой, хотя он давно уже вышел из этого возраста. «Он без бороды», с гневом говорили они...

Командир бригады рассказал об этом Фрунзе.

— Вот видите, я прав, — рассмеялся Михаил Васильевич, — только не сочтите это за приказ растить бороду.

Затем Фрунзе распорядился:

— Прикажите Ахунжану и его командирам явиться на совещание, полк вывести на площадь, запретить брать патроны. Одновременно вывести Татарскую бригаду. На всех выходах из города выставить заставы. Рота курсантов-ленинцев будет находиться при мне.

Ахунжан явился в сопровождении четырнадцати вооруженных курбашей. Курбаши вошли, враждебно озираясь и держась за рукоятки маузеров.

Фрунзе и сотрудники штаба сидели по одну сторону стола, Ахунжан и курбаши сели по другую.

Глядя в упор на Ахунжана, Михаил Васильевич твердо заявил:

— Ахунжан, Реввоенсовет фронта постановил, чтобы твой полк вышел в Ташкент.

Ахунжан молчал. Глаза его были полны злобы.

— Почему ты отказался выполнить приказ Реввоенсовета? — спросил его Фрунзе.

Ахунжан опустил голову и угрюмо ответил:

— Я не поеду отсюда... Наши семьи останутся без защиты, наши дома и имущество — без охраны.

— У нас здесь есть части Татарской бригады, которые обеспечат безопасность Андижана.

— Я не хочу, мои командиры и аскеры тоже не хотят уходить из Андижана. Это наш город, мы здесь живем...

— Части Красной армии, Ахунжан, — спокойно прервал его Фрунзе, — защищают интересы всех трудящихся, а не только свой город, свой кишлак, свои семьи. Если ты служишь в Красной армии, ты должен быть готовым идти туда, куда тебя пошлют. А если ты отказываешься, значит, шкурные интересы тебе дороже общих. Представь себе, Ахунжан, что на Андижан напали басмачи и ты не можешь справиться с ними, — тебе нужна помощь. Я даю приказ Иргашу выйти тебе на помощь, а Иргаш отвечает: «Я из Намангана. Никуда не пойду. Наманган мой город, и мне ни до чего нет дела, кроме моего города и моей семьи». Знаешь, Ахунжан, что было бы? Враги разбили бы все наши части поодиночке. Если ты служишь в Красной армии, ты должен выполнять приказы командования и верить,

что командование лучше тебя знает, что нужно делать.

Злобные взгляды курбашей, их руки, лежавшие на кобурах револьверов, усиливали нервное напряжение участников этого необычайного совещания.

С улицы доносились выстрелы...

Курбаши вопросительно смотрели на Ахунжана и после каждого выстрела беспокойно ерзали на своих местах. В зал то и дело входили красноармейцы с пакетами и вручали их сотруднику Фрунзе. Отдав пакет, красноармейцы оставались в зале, около стены.

Выстрелы на улице то затихали, то вновь грохотали. Несколько раз курбаши порывались вскочить.

Ахунжан, выслушав Фрунзе, подался вперед и, упираясь руками в край стола, хрипло закричал:

— Зачем тебе нужно, чтобы полк шел в Ташкент? Что я скажу аскерам и командирам? Мы не верим вашему приказу. У нас говорят: русские распоряжаются нами, чтобы потом без нас грабить наши семьи...

— Неверно, грабят басмачи, а не красноармейцы, — резко оборвал его возмущенный Фрунзе.

Ахунжан пытался продолжать.

— Довольно, — остановил его Фрунзе. — В твоём полку есть много старых басмачей. Они разбойничают в кишлаках, а потом дехкане мне говорят, что красноармейцы такие же басмачи. Сделал ли ты что-нибудь, Ахунжан, чтобы очистить полк от бандитов?

И, не допуская дальнейших возражений, Фрунзе продолжал тоном приказа:

— Полк должен идти в Ташкент. В нынешнем составе он недисциплинирован, расхлябан и небоеспособен. Полк будет переформирован и приступит к лагерным военным занятиям. Как командующий фронтом я требую немедленно выполнить приказ.

— Я не пойду, — вызывающе крикнул Ахунжан, вскакивая с места, — я уже сказал!

Не обращая внимания на слова Ахунжана, Михаил Васильевич продолжал:

— Реввоенсовет постановил дальше: в случае отказа выполнить приказ — полк разоружить. Сдавай оружие!

И Фрунзе протянул руку к Ахунжану за оружием.

Ахунжан растерялся. Он видел, что Фрунзе ни его, ни пришедших с ним курбашей не боится. Злобно сверкнув глазами, Ахунжан быстро выхватил маузер и направил его в грудь Фрунзе. Вслед за ним выхватили

свои револьверы и курбаши.

Фрунзе стоял совершенно спокойно. Глядя на Ахунжана в упор, он твердо повторил:

— Клади оружие...

Глаза Ахунжана потемнели, пальцы судорожно сжимали рукоятку маузера. Вот-вот он выстрелит. Фрунзе пристально смотрел на Ахунжана, и видно было, как силой своей воли он побеждает дикую злобу этого человека.

Рука Ахунжана, державшая револьвер на уровне груди Фрунзе, дрогнула, начала медленно-медленно опускаться, и вдруг Ахунжан резко швырнул маузер на стол.

— Ну так! — сказал Фрунзе.

Четыре двери зала с шумом открылись, и курсанты-ленинцы с винтовками стали заполнять помещение.

Курбаши также побросали свои револьверы. Ахунжан растерянно смотрел на красноармейцев, затем, обернувшись к Фрунзе, крикнул:

— А это тоже отдать?

И он указал на орден Красного знамени на своей груди.

— Ордена лишать я тебя не вправе, — ответил Фрунзе. — Это может сделать ЦИК. Возможно, что он потребует этого. Ты считаешься арестованным, курбаши тоже. Командир бригады, сообщите полку о разоружении. Сопещание, товарищи, закончено.

Фрунзе проявлял к бойцам трогательную заботливость, расспрашивая их о боевой работе, о жизни семьи.

Однажды в штаб фронта прибыли с позиции для передачи пакета два красноармейца — Фирсунов и Горленко. Подходя к штабу, Фирсунов сказал товарищу:

— Может быть, самого Фрунзе увидим.

— Увидишь, так он нас и ждет...

Увидеть Фрунзе хотелось многим бойцам. О нем рассказывали чудесные вещи.

Сдав в штабе пакет, Фирсунов и Горленко отправились к коменданту.

— С фронту, заночевать бы где...

Комендант, взглянув на бойцов припухшими и красными от бессонницы глазами, устало ответил:

— Негде ночевать, ни одного свободного места... — И, бессильно махнув рукой, ушел.

Действительно, помещение штаба было так переполнено, что сунуть

куда-либо лишнего человека было невозможно.

Фирсунов и Горленко, растерянные, остались на месте.

В это время на лестнице показался какой-то командир.

— Вы что здесь делаете, товарищи? — обратился он к красноармейцам.

— С фронта, в командировку.

— Да? Ну что нового на фронте?

— На фронте, товарищ, дела веселенькие. Всыпали белым.

— Крепко?

— Крепко, товарищ...

— Ну, добре, добре, — сказал командир и спросил: — Устали, небось, с фронта? Отдохнуть надо.

— Отдохнешь тут, — пожаловался Фирсунов, — комендант говорит — нет коек, устраивайтесь как знаете...

— Ну-ка, товарищи, идемте со мной...

Поднялись по лестнице и вошли в маленькую комнатку с одной койкой.

— Это моя комната. Я сегодня уеду, а вы тут можете отдохнуть... Правда, одна койка, но вы как-нибудь уж разделите ее.

Штаб Туркестанской армии.

Бойцы обрадовались и устроились на ночлег. Скоро командир вернулся.

— Спите, спите, — успокоил он. — Я уезжаю, только шинель возьму.

— Товарищ, а как же с комендантом?

— Что с комендантом?

— Выставит он нас отсюда...

— Не беспокойтесь...

— Вы бы ему записку написали...

Командир вынул блокнот, написал что-то на листке и передал Фирсунову:

— Ну, отдыхайте.

Когда командир вышел, Фирсунов развернул записку и прочел:

«Товарищ комендант, эти двое товарищей до их от'езда будут жить в моей комнате. Фрунзе».

Фирсунов ошалело посмотрел на товарища.

— Да ведь это Фрунзе был!

Оба они бросились к окну, чтобы еще раз взглянуть на командующего.

И Фрунзе и Куйбышев завоевали большую популярность среди дехкан. В кишлаках их считали посланцами Ленина и Сталина.

В одной из песен, сложенной бухарскими крестьянами, поется о великом отце Ленине, который прислал голодным и закабаленным дехканам в защиту против эмира и баев «Прунзе-ака» и «Койбаши-ака».

Прунзе-ака был полководцем храбрым, как Джульбарс,

А Койбаши-ака осушал наши слезы...

Рассказывают, что однажды в Туркестане в штаб пришли два киргиза. Они грохнулись в ноги «русскому генералу».

— О, высокий генерал наш! — умоляли они. — Кто же виноват, что мы родились киргизами? Посмотри, как мы бедны и голодны...

Взволнованный Фрунзе поднял их с земли, обнял и посадил рядом с собой.

Он усадил их за стол и угостил душистым чаем. Оба киргиза стали его друзьями и часто приходили потом советоваться по своим личным делам. И когда у одного из них какой-то кулак-бандит отнял верблюда, к Фрунзе прибежала целая толпа киргиз. Возбужденные, они стали просить, чтобы Фрунзе «двинул свою армию против обидчика».

Быть может, этот эпизод — продукт народного творчества, такой же,

как и песня казахского акына о Фрунзе, который с «ясной улыбкой и твердым словом» ехал по полям «ломать судьбу».

Он ехал по солончакам, по траве,
По желтым горбам песков,
За ним колыхались в густой синеве
Тысячи светлых штыков.
Он по аулам тревожил молву
Силой и смелостью льва.
— Кто это? — спрашивал ветер траву.
— Фрунзе! — шептала трава.
Он появился, как сон наяву,
Слава его несла.
— Откуда он? — спрашивал ветер траву.
— Сталин его послал!

Наиболее сложным было положение в Бухаре.

Восточный деспот — эмир Бухарский — с кликой мулл и баев довел своей чудовищной эксплуатацией трудящиеся массы до совершенной нищеты. Воодушевленный победами Октябрьской социалистической революции, бухарский народ начал революционную борьбу против эмира, духовенства и баев. Эмир и поддерживавший его правящий класс Афганистана, опасаясь торжества идей советской власти, усилили репрессии. Назревание революции в Бухаре вызвало сильное беспокойство в Англии, которая спешила сколотить против Советской России коалицию из Персии, Бухары и Афганистана. Совместным ударом Англия рассчитывала не только покончить с угрозой революции на Среднем Востоке, но ударить и по советской южной границе, что могло отразиться на Западном фронте, где советские войска вели успешное наступление против панской Польши.

Неослабно следивший за обстановкой, Фрунзе принял ряд контрмер, которые должны были расстроить планы англичан. 12 августа Фрунзе дал приказ создать Чарджуйскую группу и быть готовым занять город Старый Чарджуй. Другой группе Фрунзе приказал занять важнейшие железнодорожные станции, чтобы не допустить захвата войсками эмира железной дороги.

Близость Красной армии, пример революционной борьбы народов Туркестана воодушевляли и бухарский народ на борьбу с деспотией эмира.

Представители рабочих и революционного крестьянства отправляют к Фрунзе делегатов с просьбой поддержать революцию в Бухаре силами Красной армии.

На Реввоенсовете Туркестанского фронта Фрунзе доложил о поступившей к нему просьбе бухарского народа о братской помощи.

Сделав доклад о военном и внешнеполитическом положении Бухары, Михаил Васильевич высказался за немедленное оказание помощи.

— Обстановка чрезвычайно сложна и напряжена. Силы наши весьма ограничены. Но можем ли мы

пройти равнодушно мимо просьбы братского народа помочь ему избавиться от произвола эмира и кучки окружающих его паразитов?

Реввоенсовет решил удовлетворить просьбу бухарской делегации и прийти на помощь угнетенному народу.

По Бухаре и Фергане (ныне Таджикской и Узбекской ССР) еще бродили шайки бандитов-басмачей Мадамин-бека и эмира Бухарского, которых поддерживали английские империалисты. Необходимо было, опираясь на национальное освободительное движение, разгромить эмира и отколоть от басмачей трудящихся дехкан. Вооруженный сталинским пониманием национальной политики, Фрунзе приступил к выполнению своей ответственной задачи.

Армия Туркестанского фронта была весьма малочисленна. В своем докладе в Москву Фрунзе доносил:

«Имеющиеся в моем распоряжении силы в настоящую минуту едва достаточны для обеспечения исходного положения... Из 144 батальонов, требующихся для обеспечения Туркестана, в данный момент в моем распоряжении имеется 40 батальонов, в коих вместо штатных 37 тысяч бойцов налицо лишь 11614. Из потребных 144 эскадронов конницы имеется лишь 60, в коих вместо 7 200 штатных сабель налицо только 5 384».

Но и с такими силами Фрунзе решил начать борьбу.

И снова бессонные ночи в штабе, две склоненные головы над картой — Фрунзе и его боевого соратника Куйбышева.

Шли по выжженным пустыням Средней Азии, в страшную шестидесятиградусную жару. По зыбучим пескам двигалась пехота, конница, артиллерия...

Получить значительных пополнений Фрунзе не мог,

И с присущей ему энергией он начинает готовить свои войска.

Августовское солнце накаляло за день стенки вагона так, что они не остывали и ночью. В открытые окна салон-вагона вливался горячий воздух

раскаленных песков; небо, усеянное звездами, накрывало пустыню мерцающим куполом, и духота знойного дня оставалась висеть над землей.

Дни Фрунзе проходили в раз'ездах по частям. По пути он заезжал в кишлаки. Ему нужно было знать настроения не только бойцов, но и местного населения. Такая работа предшествовала всякой смело задуманной и сложной операции. Фрунзе понимал, что важно знать не только количество штыков, которые он двинет в атаку, но и мысли и чувства бойцов, прокладывающих штыками путь к победе. Фрунзе приводил в движение все партийные силы в армии: коммунисты решительно и открыто говорили бойцам о больших усилиях и жертвах, которых ждет еще от них родина.

По ночам Фрунзе, склонившись над картой, изучал дислокацию своих войск, просматривал в словарях и географических указателях характеристики районов, утром отдавались приказы, и массы войск сосредоточивались в новых пунктах. Снова перед Фрунзе как полководцем стояла трудная задача: силами, почти вчетверо меньшими, чем у врага, нанести ему внезапный удар и разгромить его. Сводки были неутешительны: нехватало топлива для паровозов, горючего для бронемашин и самолетов, кавалерии недоставало фуража, а бойцам приходилось переносить тяжелые лишения. Арыки высохли — басмачи разрушали водораспределительные сооружения. Оазисы отстояли далеко друг от друга. Жажда, этот бич песчаных пустынь, изматывала части, передвигавшиеся то по зыбучим пескам, то через раскаленные, почти лишенные зелени горы Бухары...

Рассказывая своим сотрудникам о прошлом страны, о походах великого завоевателя Тимура, Фрунзе говорил:

— Неудивительно, что шествие его войск через горы и пустыни поражает воображение и теперь...

Перед Фрунзе ясно вырисовывались контуры плана намеченной операции.

Основные силы он решил направить против наиболее опасного врага — эмира Бухарского, а на остальных участках фронта ограничиться действиями небольших маневренных отрядов. По приказу Фрунзе Самаркандская группа должна была разбить бухарские войска на шахризбек-китабском направлении и прочно занять район Кашка-Дарья до Гузара включительно. Катта-Курганский отряд получил задачу овладеть Хатырчи-Знаэтдин. Чарджуйский отряд занимает Чарджуй и выбрасывает свою кавалерию на переправы Наразым и Бугдалык, перехватывая пути из Бухары на Термез. Об'ясняя план действий в предстоящей операции,

Михаил Васильевич говорил своим командирам:

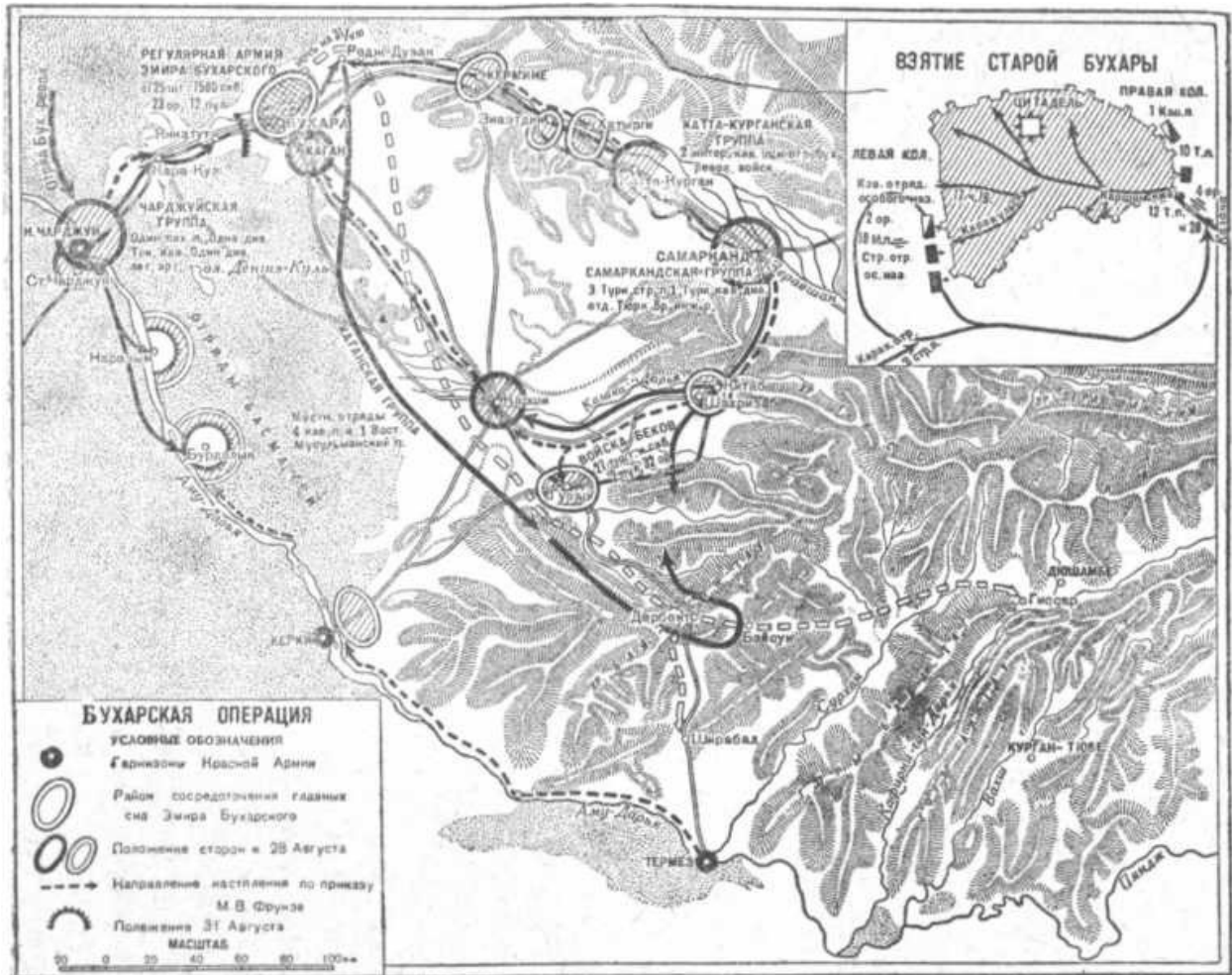
— Удар должен быть внезапным и решительным. Но успех удара будет зависеть от того, насколько мы всю подготовку операции проведем втайне. Мы не всегда умеем соблюдать военную тайну и относимся подчас беспечно к соблюдению этой азбучной истины войны. Эмир направил сюда сотни шпионов, которые следят за всеми передвижениями от Самарканда и Красноводска к Бухаре.

Для обеспечения военной тайны о передвижениях сообщалось только начальнику части — он один знал, куда направляется часть. Но и начальник получал иногда в пути новое назначение, которое являлось основным, а переадресовка имела целью сбить с пути шпионов, если им удалось разведать пункт назначения части.

Силы Самаркандско-Бухарской группы, которую выделил Фрунзе для разгрома армии эмира Бухарского, доходили до 7 тысяч штыков и 2 500 сабель с артиллерией, бронепоездами, броневыми автомобилями и самолетами. В число бойцов входили и присоединившиеся к Красной армии вновь сформированные краснобухарские части. Необходимо отметить, что наши войска занимали большое пространство от Чарджуя до Термеза, на котором еще действовали отряды басмачей.

Войска эмира, сосредоточенные главным образом в крепости Старая Бухара, имели около 9 тысяч штыков пехоты, 7 500 сабель и отряды беков, достигавшие 27 тысяч штыков и сабель.

Фрунзе разделяет войска на Каганскую и Катта-Курганскую группы и сосредоточивает их на путях к Старой Бухаре. Расположение частей Фрунзе наметил так, чтобы зажать Старую Бухару в клещи. Отдельным отрядам пехоты и кавалерии было приказано двинуться к путям отступления врага, чтобы отрезать возможность уйти за границу. Предвидя диверсию со стороны врага, который попытается разрушить водораспределительную систему и прекратить доступ воды в арыки, Фрунзе приказал обеспечить войска водой.

Бухарская операция.

Группировка войск, которая была начата по приказу Фрунзе от 12 августа, позволила красным частям своевременно занять исходные для наступления пункты. Для штурма Фрунзе выделил наиболее натренированные в борьбе с басмачами части, закаленные в переходах по пескам пустыни. У командиров групп имелись точные оперативные планы, и, руководя наступлением, Михаил Васильевич следил, чтобы принятый план не нарушался.

25 августа Фрунзе отдал приказ о переходе в наступление.

Из песчаной пустыни с редкой засохшей растительностью красные части должны были вступить в цветущую долину, покрытую фруктовыми садами и виноградниками, изрезанную сетью арыков.

Освежающая прохлада тенистых садов сулила бойцам вознаграждение за долгие дни лишений в пустыне.

Изнемогая от жары, преодолевая пески, двигались красные войска.

Солнце, словно пригвожденное к зениту, жгло без устали. С почерневшими от зноя лицами, бойцы дошли, казалось, до пределов изнеможения. Винтовка, ранец и скатка давили тело со все возрастающей тяжестью. В облаке пыли двигалась кавалерия. Песок забивал ноздри, глаза и в пересохшем рту хрустел на зубах. Командиры и комиссары увлекали за собой массы. Отстать — означало погибнуть, сделаться жертвой песков.

— Вода... вода...

Казалось, что пришел конец страданиям. Но во встреченных арыках по дну струилась лишь мутная желтая струйка воды... Предположение Фрунзе, высказанное им командирам частей, оправдалось. С приближением красных войск вода исчезла... Снабжение водой шло из головных арыков, которые были в руках врага, и он остановил подачу воды. Цветущая равнина превращалась в пустыню с умирающей зеленью.

Проверив расположение штурмующих колонн и отдав руководящие указания начальникам, Фрунзе приказал начать штурм крепости Старая Бухара.

При первых проблесках дня 29 августа начались бри под стенами Старой Бухары. Город окружала глинобитная стена толщиной в восемь метров и такой же вышины.

Малочисленность красных войск не позволяла окружить город кольцом. Удар наносился двумя колоннами: первой — в направлении ворот Шах-Джаляль и Каракульских и второй — в направлении Каршинских ворот.

Осажденные встретили приближающиеся колонны огнем тяжелых орудий. Поднялось солнце, но все вокруг крепости было окутано облаком песка.

Начался штурм.

Командиры, комиссары и коммунисты шли в первых рядах своих подразделений.

Залпы пехоты, грохот десятков орудий обрушились на штурмующие колонны. Перескакивая через арыки, неслась пехота и конница к крепостным воротам, в которые била наша артиллерия.

Первый день штурма позволил наступавшим приблизиться к крепостным стенам. С рассветом второго дня штурм возобновился. Часть крепостной стены была взорвана нашими отважными саперами, которые закладывали мины под огнем врага. В прорыв бросились штурмующие части... В городе начались пожары — сотни тысяч пудов хлопка были подожжены купцами, не желавшими, чтобы эти запасы попали в руки красных. Удушливая волна дыма, в котором сверкала разрывающаяся

шрапнель, встретила первые цепи бойцов, вступивших в предместья Старой Бухары. Жажда мучила невыносимо. На дне арыков осталась только желтая грязь, перемешанная с кровью убитых людей и лошадей, — головной арык, питавший город водой, был закрыт по распоряжению эмира.

С крепостной стены, у кладбища, где наступал красный бухарский Восточномусульманский полк, показалась толпа с белыми платками. Это спускались муллы, ученики медресе, дервиши.

— Правoverные... Во имя аллаха и пророка его Магомета!

Бухарские стрелки прекратили огонь.

Муллы кричали, размахивали платками; бесновались и завывали, как шакалы, дервиши; катаясь по земле, ученики выкрикивали фразы из корана... Это нашествие ошеломило бухарских бойцов, в которых еще живо было суеверное чувство страха перед заклинаниями дервишей и мулл.

— Правoverные... Образумьтесь и во славу пророка обратите оружие против неверных...

Несколько бухарских бойцов, почуяв недоброе, взяли на прицел белые чалмы мулл. Но было поздно. Из-за спин мулл и дервишей показались афганские стрелки, которые, незаметно подкравшись, открыли из винчестеров убийственный огонь по Восточномусульманскому полку и почти полностью его уничтожили.

К Каршинским воротам прорвался 53-й красный бронеполк. По бронеполкам загрохотали пули, осколки снарядов. Почти все водители машин и пулеметчики получили ранения. Но, истекая кровью, задыхаясь в раскаленных стальных коробках, экипаж не прекращал боя, и пулеметы продолжали разить врага, пока прямое попадание снаряда не превращало машину в груды железа, залитую кровью... Одна из бронемашин, вырвавшаяся вперед, была подбита. Уцелевший водитель Василий Богданов, выскочив из люка, подобрал винтовку убитого бойца, подбежал к цепи красных стрелков и крикнул:

— За мной, товарищи! За советскую власть, ура!

Со штыком наперевес Богданов бросился на защитников ворот и увлек за собою всю цепь.

Бой перешёл в третья сутки и вёлся на узких улицах охваченной пожаром Старой Бухары. Враг упорно защищал каждую улицу. По проходящим цепям стреляли из-за дувалов, с крыш сыпались гранаты, с минаретов били пулеметы... Улица за улицей очищалась от врага.

Трудящиеся Старой Бухары, рискуя жизнью, стремились всячески помочь красным бойцам.

Фрунзе, руководивший атакой крепости, приказал начальнику кавалерийского отряда:

— Во что бы то ни стало разыскать магистраль, подающую воду, и пустить ее в арыки.

Кавалеристы обратились с расспросами к местным жителям.

— Это знает главный из водного управления, — отвечали горожане.

— Где он?..

— Быть может, в арке, где все слуги эмира.

Арк (кремль) еще не был взят и упорно защищался. С помощью местных жителей разыскали главного чиновника водного управления, не сумевшего во-время удрать в арк. Эмирский чиновник встретил красных кавалеристов руганью и категорически отказался указать, где находится главная магистраль.

Щелкнули затворы карабинов.

— Последнее предупреждение: где вода?!

Лицо чиновника исказилось страхом.

— А если я скажу, вы все равно меня убьете...

— Даю слово красного командира, что вам будет Дарована жизнь, — ответил начальник отряда.

— Хорошо... Прикажите убрать эти карабины.

Он назвал селение, где находилась регулирующая магистраль. Чиновника взяли под стражу. В указанное им место Фрунзе послал кавалерийский отряд.

— Пробриться во что бы то ни стало!

Магистраль открыли, и арыки наполнились веселым журчанием воды. Первый поток смыл песок и кровь, вода светлела, становилась прозрачной и холодной. Бойцы ложились на землю и, припав губами к животворящей влаге, вознаграждали себя после мучительных дней жажды. И снова шли в бой, очищать кварталы от войск эмира. Из освобожденных районов выходили жители с красными лентами и цветами приветствовать победителей. Вокруг арка борьба продолжалась. В арке были дворцы эмира и членов правительства. Эмиру удалось бежать, но все правительство, во главе с председателем совета министров, было схвачено. Над арком, оплотом эмирской власти в Бухаре, взвилось красное знамя.

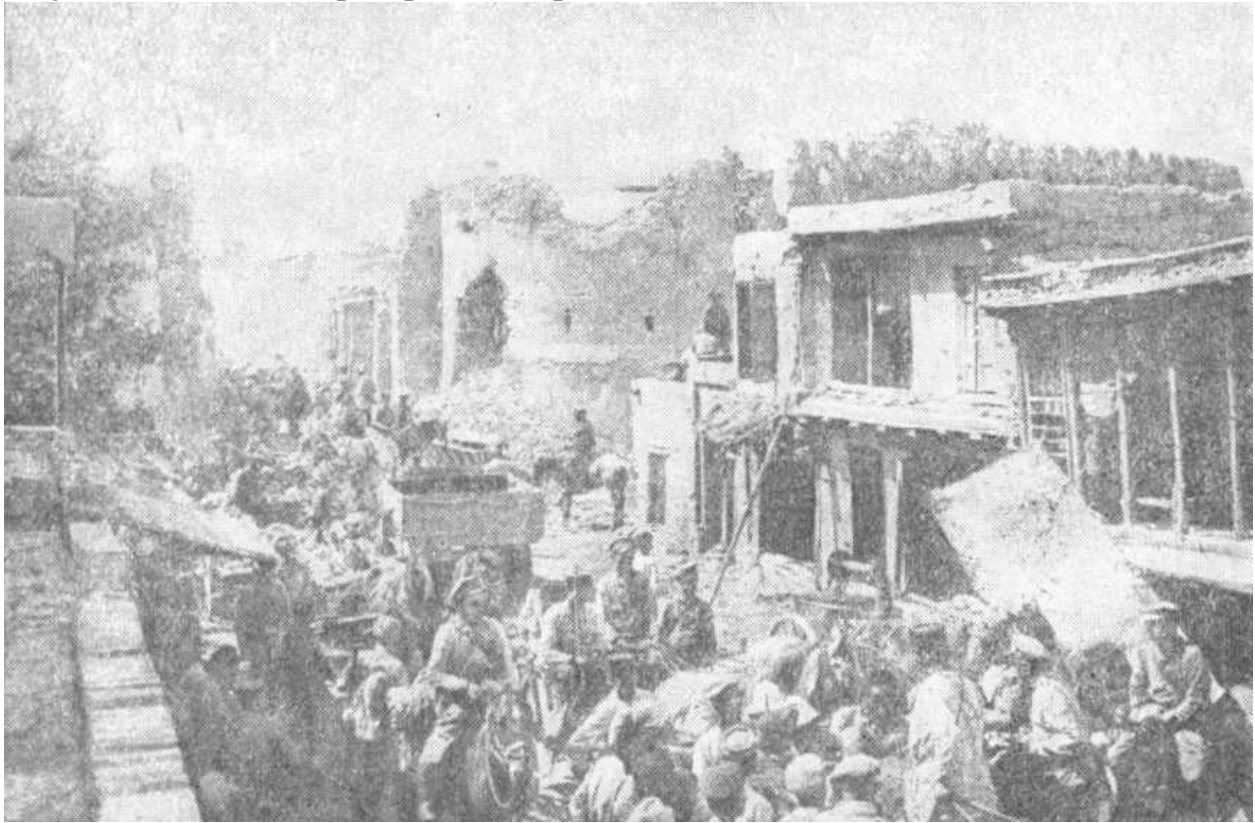
Город продолжал пылать, утопая в дыму и огне. С появлением воды начали тушить пожары. Фрунзе приказал спасти от огня ценности и произведения искусства.

Фрунзе об'езжал места пожаров. Ему доложили, что по соседству с одним из горящих дворцов находится пороховой погреб. Михаил

Васильевич, повернув лошадь к дворцу, приказал бойцам ликвидировать пожар. Он покинул это опасное место лишь тогда, когда угроза взрыва порохового погреба была предотвращена.

Народ ликовал. Колонны жителей направлялись на главную городскую площадь. Начался митинг. За городом замирала стрельба—арьергард эмирской армии прикрывал отступление главных сил на Гиндж-Дуван. Путь отступления был усеян брошенным оружием. Среди военной добычи оказались и слоны-гиганты. Красному конному отряду удалось отбить обоз эмира. Там были личные вещи эмира — шашка, отделанная бирюзой, халаты, расшитые жемчугом, седла и т. п. Все эти вещи были доставлены Фрунзе.

— Пошлем их в Иваново-Вознесенск, в городской музей, как память об участии ткачей в разгроме эмира...

Старая Бухара. Свержение эмира.

2 сентября Михаил Васильевич телеграфировал В. И. Ленину:

«Крепость Старая Бухара взята сегодня штурмом об'единенными усилиями красных бухарских и наших частей. Пал последний оплот бухарского мракобесия и черносотенства. Над регистаном победно развевается красное знамя мировой революции. Эмир с остатками

приверженцев бежал...»

Отряды, назначенные для окончательного разгрома войск эмира Бухарского, прибыли на станцию Самарканд. Второй эшелон пришел на рассвете, и начальник отряда не решился разбудить командующего. Фрунзе, узнав о прибытии эшелона, немедленно вызвал начальника отряда.

— Почему вы не явились ко мне и не доложили о прибытии?

— Товарищ командующий, я не считал возможным беспокоить вас в столь поздний час.

— Не время спать, когда на фронте серьезная обстановка, — перебил его Фрунзе. — А если бы я и спал, вы должны были разбудить меня, так как знаете спешность вашего вызова на фронт.

Выслушав доклад о состоянии отряда, Фрунзе приказал:

— Ваша задача — отрезать путь движения отходящей к афганистанской границе армии эмира Бухарского и не дать ей перейти границу.

Начальник отряда стал возражать против этого приказа:

— В моем отряде всего тысяча пятьсот человек вместе с артиллерией, конницей и обозом. Задача, данная нам, непосильна. Мы будем раздавлены сорокатысячной массой. Я, как командир отряда, не рискую взять на себя ответственность за выполнение такой задачи.

Выслушав до конца начальника отряда, Фрунзе ответил:

— Вы недооцениваете обстановки; армия эмира деморализована, воевать не желает, а вы командуете бойцами Красной армии, да еще курсантами. Кроме того, эти сорок тысяч никто не считал.

И тоном, не допускающим возражений, Фрунзе закончил:

— Этого требует революция, и вы, как коммунист, не имеете права отказаться от ответственности.

Отдавая этот приказ, Михаил Васильевич полностью оценивал обстановку и считал возможным итти на риск ради достижения такой цели, как полное освобождение Средней Азии от сил контрреволюции. И он оказался прав. Отряд блестяще справился с поставленной ему задачей. Армия эмира рассыпалась от первых ударов.

Туркестан навсегда стал советским!

IX ПОБЕДА НАД ВРАНГЕЛЕМ

1920 год.

Интервенты изгнаны, белогвардейцы разгромлены под Петроградом, Архангельском, в Сибири, на Дону, на Украине, в Средней Азии. Страна получала возможность приступить к выполнению хозяйственного плана, принятого на IX съезде партии большевиков. Выдвинутая гением Ленина «великая программа на 10—20 лет» сулила нашей родине подъем индустрии и земледелия.

Правительства Англии и Франции, стремившиеся расчленив Советскую Россию, превратить ее в свою колонию, не хотели признать, что их карта бита. Ставка на Колчака и Деникина была империалистами проиграна. Английские и французские войска Антанты вынуждена была убрать. Этим самым Советская Россия, как указал Ленин, одержала самую главную победу над Антантой: «Мы у нее отняли ее солдат. Мы на ее бесконечное военное и техническое превосходство. ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистических правительств»^[20]. Но отказаться от попытки свергнуть советскую власть Антанты не могла и для новой интервенции решила использовать, «с одной стороны, Пилсудского, буржуазного контрреволюционного националиста, фактического главу польского государства, и, с другой стороны, генерала Врангеля, собравшего в Крыму остатки деникинской армии и угрожавшего оттуда Донбассу, Украине.

По выражению Ленина, панская Польша и Врангель — это были две руки международного империализма, пытавшегося задушить Советскую страну»^[21].

Началось новое наступление вражеских армий. Белополяки двигались с запада; на юге Врангель реорганизовал укrywшиеся в Крыму остатки разбитой деникинской армии и с начала июня 1920 года занял всю Северную Таврию. Наступление Врангеля должно было помочь белополякам.

Красные войска, перейдя в контрнаступление на Юго-Западном фронте, выбросили белополяков из Украины и Белоруссии. Польских панов ждал полный разгром. Советские войска подходили к Варшаве. Но когда врагам нашей родины приходилось туго, на помощь им приходил изменник Троцкий: «...подозрительные действия Троцкого и его сторонников в

главном штабе Красной армии сорвали успехи Красной армии»^[22].

Нашим войскам пришлось временно отступить. Началась подготовка к новому наступлению на белополяков.

Великий стратег пролетарской революции товарищ Сталин, оценивая положение на фронтах, указывал:

«...Пока Врангель цел, пока Врангель имеет возможность угрожать нашим тылам, наши фронты будут хромать на обе ноги, наши успехи на антипольских фронтах не могут быть прочными. Только с ликвидацией Врангеля можно будет считать нашу победу над польскими панамы обеспеченной. Поэтому партия должна начертать на своем знамени новый очередной лозунг: «Помните о Врангеле!», «Смерть Врангелю!»^[23]

Требуя, чтобы разгром Врангеля стал новым очередным лозунгом партии, товарищ Сталин отмечал и слабость предпринимавшихся в этом отношении мер.

Благодаря заботам товарища Сталина наши войска на врангелевском фронте получили пополнение. К началу августа число красных войск достигало 60 тысяч. Примерно столько же было и у Врангеля. Но армия Врангеля не испытывала недостатка в огнеприпасах, как наша, и, кроме того, у нее были танки, бронемашины, авиация, мощная артиллерия. Все это было получено от Антанты.

Товарищ Сталин приступает к проведению мероприятий, имевших целью остановить наступление Врангеля и уничтожить его армию. В короткий срок товарищ Сталин создает 2-ю Конную армию для борьбы с конницей Врангеля и разрабатывает план разгрома врага в Северной Таврии. По сталинскому плану, на правом берегу Днепра, у Бериславля, сосредоточивается мощная ударная группа, которая должна была форсировать Днепр и стремительным ударом отрезать армию Врангеля от Крыма. Одновременно наступающим с северо-востока красным дивизиям предстояло завершить окружение и уничтожение врангелевцев.

Каховский район, превращенный в укрепленный плацдарм, нависал над тылом врага и сковывал оперативную свободу Врангеля. Плацдарм этот должен был стать исходным пунктом наступления на врага с целью разгрома его в Северной Таврии.

Готовясь к наступлению на Врангеля, командование Юго-Западного фронта в ориентировке, подписанной товарищем Сталиным 1 августа 1920 года, предложило главкому свои соображения об оперативных возможностях наступления:

«Принимая во внимание общую военно-политическую ситуацию,

особенно в отношении Врангеля, которому нельзя уступить в данный момент ни одного клочка территории, считаем необходимым, не теряя времени, предпринять контрудар существующей уже группировкой сил, при этом четырьмя стрелковыми дивизиями не позднее 5—6 августа с правого берега р. Днепра нанести удар в направлении на Перекоп и в тыл главным силам противника; остальными силами левобережной группы изматывать противника и по сосредоточении подвозимых частей перейти в решительное наступление, стремясь совместно с частями правобережной группы сбить противника с укрепленных мелитопольских позиций и отрезать ему путь на Перекоп»^[24].

В плане товарища Сталина четко поставлена задача двойного охвата противника от Каховки и Александровска и окружения врангелевских войск в районе к северу от перешейков, дабы не дать им уйти через Перекоп и Чонгар в Крым.

Чтобы остановить начатое Врангелем наступление, товарищ Сталин, дает следующую директиву;

«Ст. Лозовая. 6 августа 1920 г. 1 час 25 мин.

Карта 10 дюйме.

Обстановка требует, не теряя времени, нанести Врангелю общий контрудар существующей группировкой сил, для чего приказываю:

1) Правобережной группой в составе четырех стрелковых дивизий в ночь с 6 на 7 августа форсировать Днепр главными силами на участке Тягинка — Бериславль и нанести решительный удар на Перекоп и в тыл главным силам противника в. общем направлении Каховка — Калга...»^[25]

В указанное приказом время красные части 13-й армии перешли в наступление, форсировали Днепр и, отбросив белый корпус Слащева, захватили район Каховки. С захватом Каховского плацдарма наступление Врангеля на донбасском направлении было приостановлено.

Еще 2 августа Центральный Комитет партии, учитывая серьезность положения на врангелевском фронте, принял решение:

«Ввиду успеха Врангеля и. тревоги на Кубани, необходимо признать врангелевский фронт имеющим огромное, вполне самостоятельное значение, выделив его, как самостоятельный фронт. Поручить товарищу Сталину сформировать Реввоенсовет»^[26].

В тот же день, 2 августа, В. И. Ленин телеграфировал И. В. Сталину:

«Только что провели Политбюро разделение фронтов, чтобы вы исключительно занялись Врангелем...»^[26]

Однако ставленники предателя Троцкого тормозили формирование

фронта. Товарищу Сталину приходилось руководить двумя фронтами одновременно. Болезнь помешала ему довести до конца осуществление плана по разгрому Врангеля. Эту задачу выполнил верный соратник Сталина — Фрунзе.

Михаил Васильевич из Туркестана был вызван в Москву.

13 сентября 1920 года он явился к Ленину.

Фрунзе докладывал о положении в Средней Азии. Владимир Ильич слушал с обычной внимательностью, подперев левой рукой голову и делая правой рукой отметки на бумаге.

Когда Фрунзе кончил, Владимир Ильич отложил в сторону карандаш и, внимательно смотря в глаза собеседнику, сказал:

— А теперь, товарищ Фрунзе, вам надлежит отправиться на Южный фронт.

— Слушаюсь, Владимир Ильич.

Решение ответственной задачи, которую возлагала на Фрунзе партия, облегчалось тем, что, приступая к операции, он мог опираться на громадную военную и политическую базу, подготовленную товарищем Сталиным в бытность его членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Подобранные и воспитанные Сталиным кадры коммунистов и комсомольцев являлись цементом, который спаял единство армии.

В разговоре с Лениным Фрунзе высказал сожаление, что время не позволило подготовить надежные кадры своих военных специалистов, а старые военные специалисты, даже при их лояльности, с трудом проникаются сознанием, что Красная армия принципиально отлична от старой армии. Гражданская война совсем не похожа на прошлую позиционную войну.

В. И. Ленин сказал Фрунзе:

— Наши товарищи или совершенно попадают к ним в плен, или же их давят и душат. А вот вы, я знаю, сами умеете делать и другим даете работать...

Беседа вернулась к основной теме — врангелевскому фронту.

— Затяжка войны еще на год означает неминуемую гибель революции, — сказал Владимир Ильич. — С Врангелем должно быть покончено к зиме. Такова директива партии. Как вы думаете, в какой срок можно будет его ликвидировать?

— К декабрю, Владимир Ильич, Крым будет советским.

27 сентября Фрунзе прибыл в Харьков и вступил в командование фронтом.

Обстановка на фронте была весьма сложной. Сосредоточение ударной

группы на правом берегу еще не было закончено. На левобережном участке фронта части 13-й армии отходили под натиском противника. Врангель занял Александровск (ныне Запорожье) и развивал наступление на Волноваха — Мариуполь. Белопольяки явно выжидали результатов наступления Врангеля и медлили с мирными переговорами. На тылах наших армий орудовали банды Махно. Несмотря на то, что товарищем Сталиным была уже проведена огромная работа по укреплению наших частей и поднятию их боеспособности, предстояло организовать управление фронтом. М. В. Фрунзе уверенно взялся за выполнение этой грандиозной задачи, имея постоянную помощь лично товарищей Ленина и Сталина. Партия направила на фронт более 13 тысяч коммунистов.

«Товарищи, — говорится в обращении Фрунзе к красноармейцам и всему составу фронта, — вся рабоче-крестьянская Россия, затаив дыхание, следит сейчас за ходом вашей борьбы здесь, на врангелевском фронте. Наша измученная, исстрадавшаяся и изголодавшаяся, но попрежнему крепкая духом сермяжная Русь жаждет мира, чтобы скорее взяться за лечение нанесенных войной ран, скорее дать возможность народу забыть о муках и лишениях ныне переживаемого периода борьбы. И на пути к этому миру она встречает сильнейшее препятствие в лице крымского разбойника — барона Врангеля».

Фрунзе поставил армиям фронта задачу в кратчайший срок разгромить Врангеля. В своем приказе от 27 сентября он писал:

«Удар должен быть стремительным и молниеносным. Он должен избавить страну от тягот зимней кампании, должен теперь же, в ближайшее время, раз навсегда закончить последние счета труда с капиталом. Командованием фронта все меры, обеспечивающие его успех, приняты. Очередь за вами, товарищи... Врангель должен быть разгромлен, и это сделают армии Южного фронта».

После тщательного изучения обстановки Фрунзе разрабатывает план разгрома Врангеля в Северной Таврии, положив в основу идею Сталина. Главный удар должна была нанести правобережная группа (6-я армия, 1-я и 2-я Конные), отрезав Врангеля от Крыма. Левобережная группа армий в первый момент притягивает на себя как можно более сил противника, а затем уничтожает его совместно с ударной группой.

План М. В. Фрунзе был обсужден с главным командованием в присутствии товарища Ворошилова.

К. Е. Ворошилов рассказывает:

«Получается приказ нового командующего т. Фрунзе об ускорении марша армии (Первой Конной. — С. Б.). В конце сентября он вызывает

либо меня, либо т. Буденного на совещание в Харьков. Тов. Буденный не может оторваться от армии, и я спешно на паровозе мчусь в Харьков.

Вагон главкома. За столом главком. Начштаба т. Лебедев и... кто это? Фрунзе? Глазам не верю. Радостная встреча — Арсений и Володя, «перекрещенные» революцией в их собственные имена и фамилии. Пожимаем друг другу руки. Оба возбуждены, рады неожиданной встрече.

Так вот он кто — Фрунзе-Михайлов, о котором так много славных, граничащих с легендами, вестей и слухов! Вот он, большевистский воспитанник иваново-вознесенских и шуйских ткачей!

На столе огромная карта, на которой видно, что враг, последний враг русской революции, с удесятеренной наглостью пытается расширить район своих действий.

Мы начинаем обсуждать стратегический план нанесения решительного и последнего удара барону Врангелю.

И вчерашний подпольщик, большевик Арсений, с изумительной ясностью и поражающим авторитетом истинного полководца развивает в деталях предстоящие решительные операции Красной армии.

...Незначительные замечания, краткий обмен мнений — и план, оперативный план большевика Арсения-Фрунзе утвержден.

Судьба Врангеля предрешена!»^[27]

Фрунзе внимательно следит за действиями Врангеля. Он спокоен за судьбу кампании: на фронт шли подкрепления. За положением на Южном фронте неослабно следил Владимир Ильич Ленин.

4 октября Владимир Ильич вызвал по прямому проводу товарищей Ворошилова и Буденного и передал Первой Конной:

«Крайне важно из всех сил ускорить передвижения вашей армии на Южный фронт. Прошу принять для этого все меры, не останавливаясь перед героическими. Телеграфируйте, что именно делаете»^[28].

Перед началом операций против Врангеля Фрунзе получил практические указания Ленина, которые очень помогли при разработке оперативного плана.

В. И. Ленин писал:

«Помните, что надо, во что бы то ни стало, на плечах противника войти в Крым; приготовьтесь обстоятельнее. Проверьте, изучены ли все переходы вброд для взятия Крыма»^[29].

Армии фронта должны были впредь до того, как будет закончено сосредоточение сил для решающего удара, удерживать занимаемые позиции. Это была трудная задача, так как Врангель, напрягая последние

усилия, стремился сорвать группировку наших сил и выйти в Правобережную Украину, где он рассчитывал соединиться с белополяками.

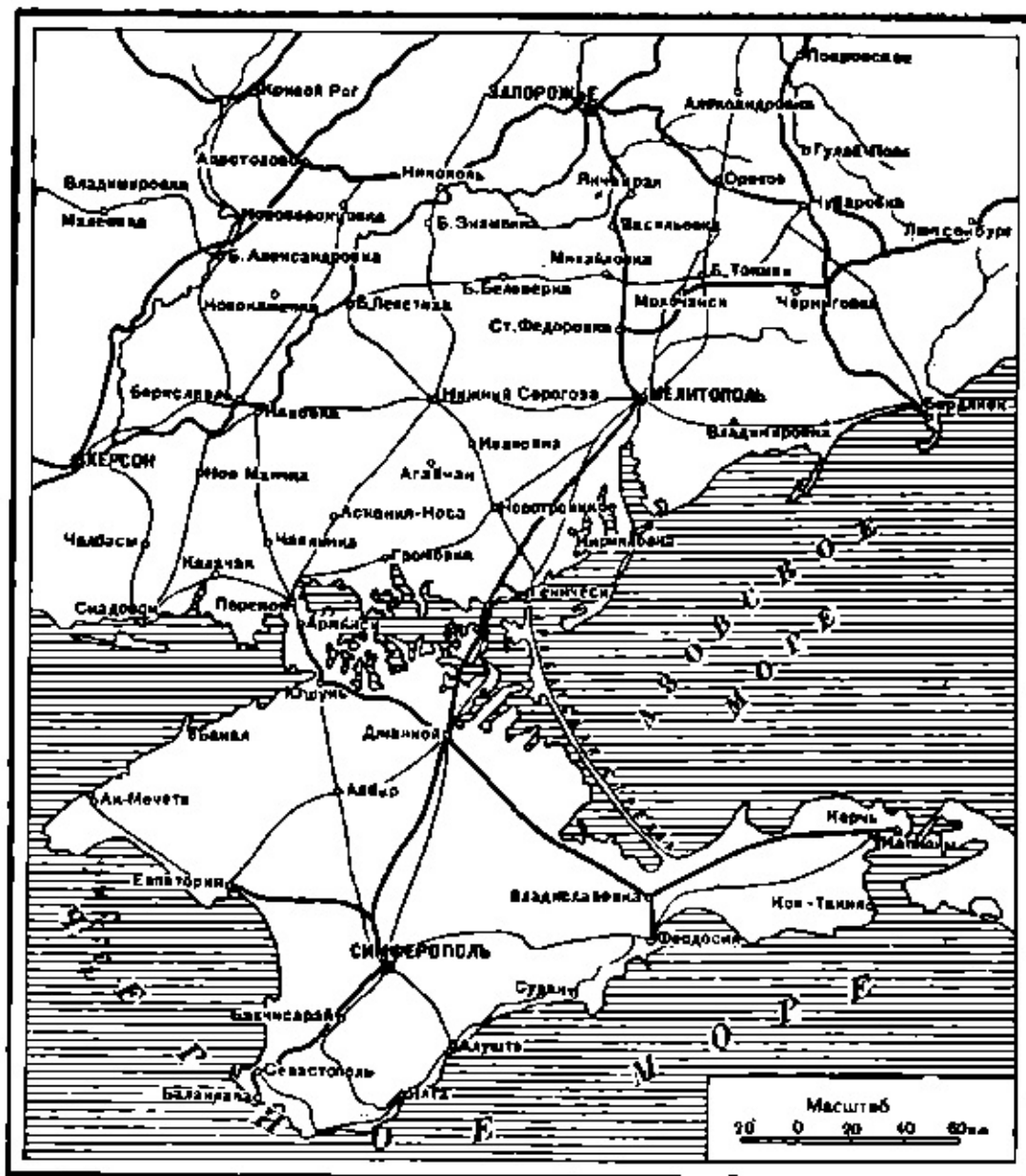
С 14 сентября по 5 октября шли ожесточенные бои на северо-восточном крыле фронта. Врангель стремился разбить нашу 13-ю армию и нарушить группировку красных за Днепром.

Фрунзе раскрыл замысел противника. Докладывая главному командованию обстановку на фронте, он делает такой вывод: «В общем особого беспокойства по поводу волновахской операции противника не испытываю; это все то же стремление ударами по нашим ближайшим тылам спутать планы и группировку».

В телеграмме Ленину Фрунзе указывал: «Наша задача — во что бы то ни стало продержаться на левобережном участке и прикрыть Донбасс, не вводя в бой пока не готовой правобережной группы».

Эту задачу Фрунзе разрешил блестяще. Сорвать нашу группировку Врангелю не удалось.

Фрунзе предвидел и дальнейшее развитие событий на фронте. Изучая обстановку, Михаил Васильевич 4 октября делает для себя следующую заметку: «Меня тревожат опасения возможности переправы через Днепр и удар в левый фланг нашей правобережной группы с одновременным фронтальным ударом на Каховский плацдарм». Фрунзе оказался прав в своих предположениях: невзирая на оперативную неудачу наступления против 13-й армии, Врангель решил прорваться за Днепр.

Театр боевых действий.

7 октября Врангель приступил к выполнению своей Заднепровской операции. Он намеревался окружить и разбить 2-ю Конную армию в районе Никополь, а затем обрушиться на 6-ю армию, удерживавшую Каховский плацдарм. С этой целью 1-й армейский корпус и сводная кавдивизия генерала Бабиева переправляются у Александровска и наступают с востока на Никополь — Апостолово. 3-й армейский и конный корпуса врага переправляются у Бабина — Ушкалка — Грушовка и, закрывшись заслоном от нашей 6-й армии, наступают на Шолохово —

Никополь навстречу группе генерала Бабиева. Рассчитывая нанести поражение 2-й Конной армии, Врангель обрушивает всю конницу и пехоту на тыл и левый фланг 6-й армии.

Предвидя переправу врангелевцев за Днепр, Фрунзе принимает решение разбить группировку противника по частям. 2-я Конная армия при поддержке частей 6-й армии разгромила под Шолоховым конницу противника, а 46-я дивизия и курсантская бригада сбросили с правого берега Марковскую дивизию белых у Александровска. Вторжение Врангеля за Днепр окончилось полным провалом.

Тогда Врангель предпринимает атаку на Каховский плацдарм, который защищала 51-я дивизия^[30]. Для атаки на Каховку враг сосредоточил две дивизии, массу артиллерии, бронемашину, самолеты. Атака должна была последовать на рассвете внезапным появлением танков. Многие красные бойцы никогда еще не видели этого нового оружия современной войны.

Каховка...

Ровная, открытая степь с небольшими холмами и неглубокими балками. Вдоль фронта плацдарм растянулся на 40 километров и в глубину на 12 километров. На флангах редкие деревеньки, кое-где хутора и курганы — древние могильники. Жесткая, выжженная солнцем трава. Плацдарм был укреплен окопами у переправ через Днепр, у могильников, но с разрывами по всей линии фронта плацдарма.

13 октября над расположением 51-й дивизии пронеслись врангелевские самолеты и сбросили прокламации:

«Красноармейцы, сдавайтесь в плен, бросайте оружие...»

14 октября на рассвете началась атака Каховки. Из предрассветной мглы со страшным скрежетом ползли тяжелые танки. Белая артиллерия прикрывала огнем движение танков, за которыми шли бронемашину и в третьем ряду пехота. С воздуха позиции красных бомбили самолеты. Восход солнца был встречен грохотом битвы. Танки прорвали первую линию обороны.

Пехота пропустила вражеские танки; они уже двигались в тылу красных цепей, изрыгая огонь пулеметов. Четырнадцать огромных танков, управляемых лучшими боевыми офицерами Врангеля, двигались к переправам.

Красная артиллерия начала бить по танкам. Каждое мгновение возникали фонтаны огня и земли. Воздух дрожал от пролетающих снарядов. Весь плацдарм был во власти огня и стали.

К 7 часам утра вражеские танки прорвались через основную линию. Сломив сопротивление защитников внешней линии обороны,

врангелевская пехота и кавалерия также устремились к основной линии. Но, встретив энергичный отпор, кавалерия повернула обратно, а пехота залегла и начала перестрелку с защитниками основной линии. Наша артиллерия, подбив восемь танков, перенесла огонь на батареи противника.

На основе первых донесений Фрунзе приходит к следующему выводу:

«Если чутье меня не обманывает, то противник под Каховкою уже захлебывается в своих атаках. Теперь необходимо энергичное контрнаступление с нашей стороны».

Во время боя Фрунзе запросил командование:

«Каково положение на плацдарме?»

«Бой идет чрезвычайно ожесточенно. Красноармейцы дерутся великолепно...»

Командование сообщило подробности развертывающейся операции:

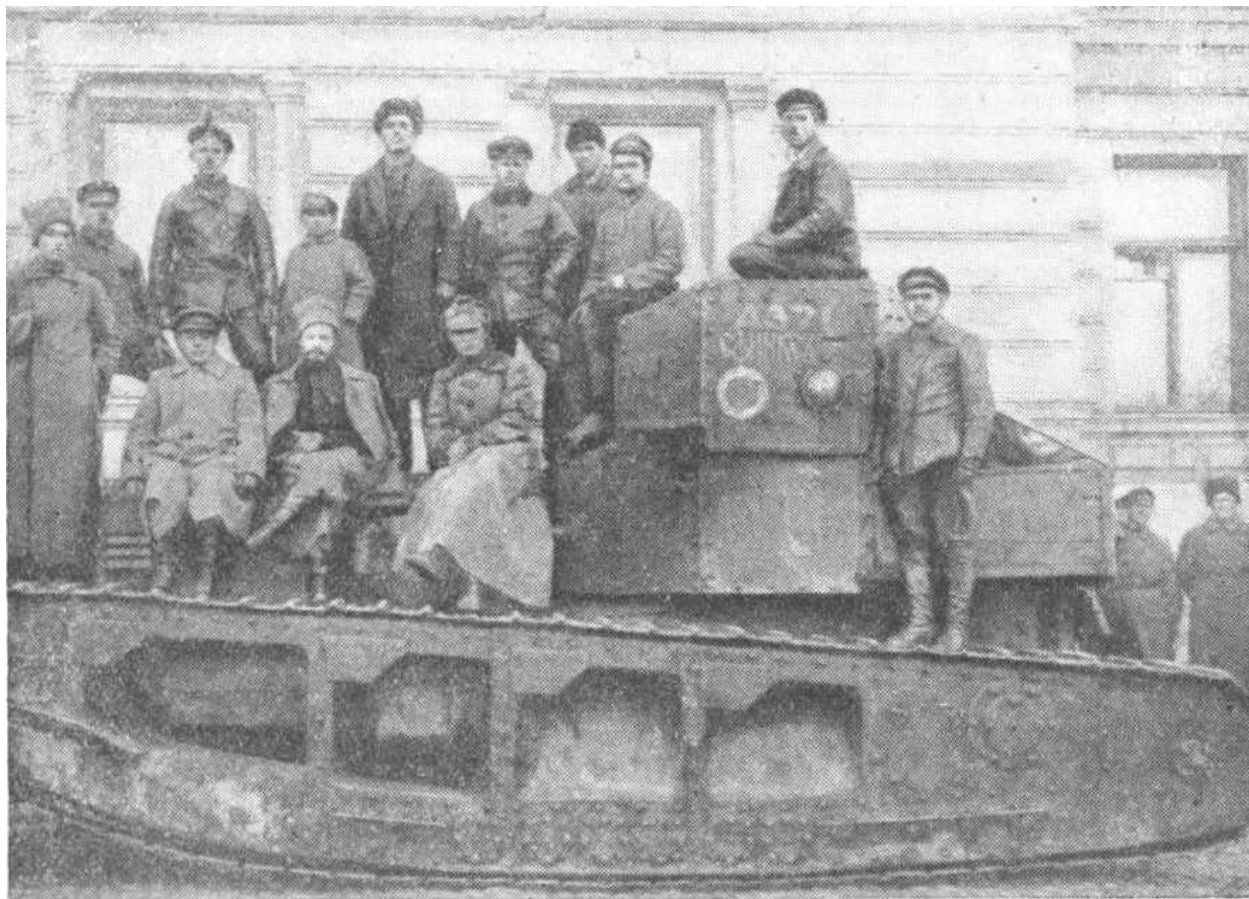
«Противник ввел большое количество танков и бронемашин... Это первый случай в трехлетней гражданской войне».

Михаил Васильевич ответил:

«Привет славным войскам. Они сейчас решают судьбу кампании...»

Командарм 6 получил от Фрунзе приказ перейти утром 15 октября в наступление, разгромить 2-й корпус врага и прочно закрепить за собой плацдарм. Приказ был выполнен. Отброшенный далеко за границы плацдарма, противник понес жестокие потери. Таким образом, попытка врага захватить Каховский плацдарм, значение которого он правильно расценивал, превратилась в поражение, которое нанес Врангелю пролетарский полководец Фрунзе. Красные захватили девять танков, несколько орудий и много пленных.

Не ожидавший такого сопротивления, враг вынужден был от наступления перейти к обороне в Северной Таврии, опираясь в северо-западном направлении на Днепр, а в северо-восточном на созданные за лето мелитопольские позиции. Образовав в районе Серагоз сильную ударную группу из конницы и пехоты, Врангель предполагал бить наши армии по частям.

М. В. Фрунзе на танке, захваченном под Каховкой.

18 октября в приказе по войскам Южного фронта Фрунзе писал:
«Инициатива у врага вырвана, ему нанесен крупный ущерб. Обеспечена возможность нанесения нашего ответного и решающего удара. Начало разгрома положено, теперь остается его довершить».

Победа под Каховкой и за Днпром под Шолоховым обеспечила войскам Южного фронта переход в общее наступление, помешала Врангелю войти в соприкосновение с правым флангом польских войск и сорвать переговоры между Польшей и Советской Россией.

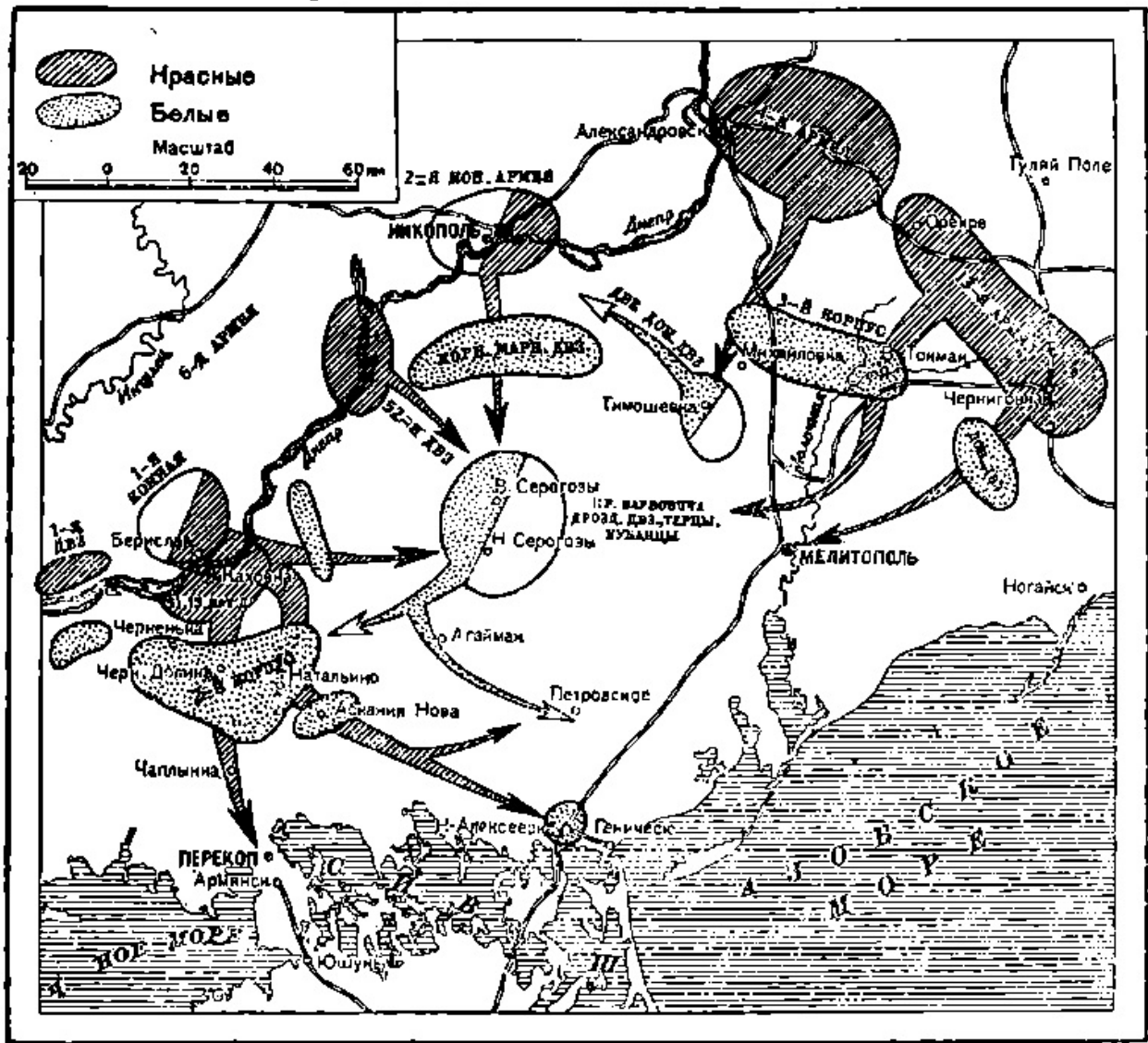
Теперь Фрунзе мог начать осуществление августовского плана товарища Сталина: разбить армию Врангеля в Таврии, севернее перешейков, не дав ей возможности отступить на Крымский полуостров, и захватить перешейки.

План разгрома Врангеля получил оформление в приказе Фрунзе от 19 октября, который давал командирам общие соображения по подготовке и проведению операции.

Правобережные армии, наступая на восток, должны отрезать путь

отступления Врангеля и уничтожить его резервы в районе Мелитополя. Левобережные армии, оттянув на себя значительные силы врага и связав его боями, должны помешать ему ударить в тыл нашей правобережной группе. Первой Конной (которая еще шла к Днепру) ставилась задача — отрезав путь отступления врагу, преследовать его до полного уничтожения. Чтобы эффективнее использовать всю мощь нашей конницы, Фрунзе ставил 13-й армии задачу — опрокинуть врангелевцев на клинки Ворошилова и Буденного.

Зажатый красными в клещи, раскрытые концы которых начинались, с одной стороны, у Херсона (6-я армия) и, с другой — у Бердянска (13-я армия), враг оказывался отрезанным от перешейков, а в лоб ему били конные части и 4-я армия.

План М. В. Фрунзе по разгрому Врангеля.

Обстановка на врангелевском фронте позволяла Фрунзе следовать уже испытанному им приему — охват флангов, окружение и фронтальный удар в центре по группировке врага.

Осуществление плана Фрунзе, отличавшегося обычной для него ясностью оперативного замысла, требовало от командиров частей точных действий в пределах указанных им директив и соблюдения сроков.

К началу реализации плана Фрунзе, к 26 октября, армии Южного фронта занимали следующее положение:

6-я армия на правом берегу Днепра упиралась своими флангами в Херсон и Каховку. Туда же двигалась Первая Конная. Против 6-й армии находились 2-й армейский корпус, отряд генерала Черепова и в резерве части конного корпуса Барбовича.

2-я Конная армия находилась в районе Никополя и на левом берегу Днепра. Своим противником она имела 1-й армейский корпус, Кубанскую дивизию и Терско-Астраханскую бригаду.

4-я армия только что закончила формирование и держала фронт в районе Александровска. 13-я армия наступала на фронте Орехов — Бердянск. Против этих двух армий действовали, Дроздовская пехотная дивизия, 3-й армейский корпус и Донской корпус.

Врангелевцы продолжали отход на линию мелитопольских укрепленных позиций.

Командующие красными армиями и члены Реввоенсовета были созваны Фрунзе на совещание, которое состоялось 26 октября на станции Апостолово. На этом совещании Фрунзе, Ворошилов и Буденный совместно с высшим командованием обсудили детали предстоящей большой операции. Обращаясь к командованию 6-й армии, 1-й и 2-й Конных армий, Фрунзе указал, что их части в предстоящей битве должны решить ударную задачу. Михаил Васильевич, неослабно следивший за действиями врага, допускал, что под прикрытием маневренных арьергардов он начнет отход в Крым. Впоследствии это предвидение Фрунзе оказалось правильным.

В этот же день Фрунзе ставит войскам фронта задачу;

«Во что бы то ни стало не допустить отхода противника в Крым и согласованным концентрическим наступлением всех армий уничтожить его главные силы, группирующиеся к северу и северо-востоку от перешейков, отрезать пути его отхода в Крым и стремиться на плечах бегущих овладеть перешейками».

«Сейчас отдал окончательный приказ об общем наступлении, —

доложил Фрунзе по телеграфу В. И. Ленину. — Решающими днями будут 30—31 (октября) и 1 ноября. В разгроме главных сил противника не сомневаюсь. Отойти за перешейки к моменту нашего удара он не успеет. На немедленный захват перешейков считаю не более 1 шанса из 100...»

Конкретно план операций в Северной Таврии ставил армиям Южного фронта следующие задачи:

6-й армии, оставив одну дивизию у Каховки для обеспечения переправы Первой Конной, перейти утром 28 октября главными силами в наступление на юг и, разгромив стоящий перед ней 2-й корпус врангелевцев, ворваться конницей в Перекоп. Своим левым флангом 6-я армия должна теснить врага в направлении Рубановка — Серагозы, имея задачей содействовать операциям 2-й Конной армии.

2-й Конной армии, перейдя в наступление 29 октября на Серагозы — Калашинская, ставилась задача уничтожить совместно с частями 6-й армии и Первой Конной главные силы Врангеля: 1-й армейский корпус, Кубанскую дивизию и Терско-Астраханскую бригаду.

13-й армии надлежало перейти в наступление по всему занимаемому ей фронту Орехов — Нельговка на Мелитополь.

4-я армия должна была наступать также на Мелитополь с севера. 13-я и 4-я армии, сковывая своим наступлением врага, обеспечивали Первой Конной выполнение задачи по уничтожению основной группы врангелевской армии.

Решающая роль в предстоящей битве отводилась героической Первой Конной армии — детищу товарища Сталина, — которая пришла с польского фронта, походным порядком проделав шестисоткилометровый марш.

26 октября Первая Конная армия получила приказ Фрунзе:

«...закончить в ночь с 27 на 28 октября переправу через Днепр у Каховки, стремительным маршем выйти 29 октября на фронт Аскания-Нова — Громовка, отрезать противника от перешейков и решительным наступлением с юга на Агайман — Серагозы совместно с 6-й армией и 2-й Конной окружить и уничтожить главные силы противника».

Не останавливаясь, не отдыхая, шли полки славной конницы и, миновав Каховский плацдарм, переправились 28 октября через Днепр по понтонному мосту. Уже появился первый лед. На берегу стояли товарищи Ворошилов и Буденный, руководя переправой большой массы конницы, артиллерии.

Во всех частях читали приказ Фрунзе:

«Противник, потерпев ряд жестоких неудач в последних боях,

надломлен и вновь готов забраться в Крым, чувствуя надвигающуюся гибель.

Наша задача — предупредить этот отход. Дружным, стремительным ударом всех армий фронта надо разгромить его живые силы и на плечах бегущих белогвардейцев ворваться в Крым. Кампанию можно окончить одним ударом, и выполнить это — наш долг перед страной и перед нами самими.

Зимней кампании не допустить ни в коем случае».

Бериславль. Место переправы Первой Конной армии.

На рассвете 28 октября началось наступление армий Южного фронта. По мерзлой пустынной степи шли в бой красные полки.

51-я красная дивизия 6-й армии, разбившая войска генерала Витковского у Каховки, подходила к Перекопу.

— Вот оно море! — возбужденно говорили бойцы 51-й дивизии, которая пришла на юг из Иркутска через Урал.

Сумерки сгущались, и пустынная осенняя степь сливалась с морем. Как ровно посаженный кустарник, невысокой стеной чернело проволочное заграждение. Дальше, перед вздымавшимися над степью строениями города, шли, как застывшие волны, три гряды окопов. Еще дальше

возвышался Турецкий вал.

В этот же день, 28 октября, на основании донесения о разгроме врага под Никополем, учитывая обход левого фланга его укрепленных мелитопольских позиций, Фрунзе приходит к выводу, что врангелевцы начнут стремительный отход к перешейкам.

Михаил Васильевич приказывает командирам 13-й и 4-й армий развить стремительное наступление, не считаясь со сроками и рубежами. 29 октября Фрунзе доносит В. И. Ленину о ходе наступления и уже в этой телеграмме предусматривает возможность «переправ бродом или на плотках через Сиваш». В тот же день Фрунзе отдает приказ Первой Конной — движением на восток овладеть районом Геническ — Сальково и 6-й армии атаковать Перекоп.

30 октября Фрунзе обращает внимание командарма 2-й Конной на непростительно медленное продвижение армии, ставящее в тяжелое положение Первую Конную. Пассивно отражая атаки двух конных полков противника, командование 2-й Конной не разгадало, что эти полки имеют задачу прикрыть отход главных сил. Михаил Васильевич вновь подчеркивает командармам 4-й и 13-й, что от успешности «выполнения ими данного задания зависит разрешение основных задач...» Первой Конной Фрунзе подтверждает приказ перерезать пути отступления Врангеля.

Ночью 30 октября началась атака Перекопа.

В свете вражеских прожекторов двинулись наступающие цепи красных бойцов. Лихорадочно бьет артиллерия врага, неумолчно трещат пулеметы — знакомые картины боя, но всегда волнующие и возбуждающие бойцов. Падают убитые, раненые. Нами взяты две линии укреплений. Белые бегут под защиту Турецкого вала.

На рассвете наступление возобновляется.

Атака Турецкого вала оказалась неудачной. Она требовала большой предварительной подготовки. Получив донесение об этом, Фрунзе приказывает подготовить обход укреплений противника по Сивашу.

Ожесточенные бои шли на фронте Первой Конной.

Руководимые К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным, части выполнили 30 октября приказ Фрунзе и отрезали Врангелю пути отхода в Крым. 6-я и 11-я кавдивизии Первой Конной встретились с основной ударной группой Врангеля у Агаймана. Белые нацеливали свой удар во фланг и тыл нашей Перекопской группы, но встретились с героическими красными дивизиями. Весь день не прекращался упорный бой. Белогвардейцы закрывались от сокрушительных атак буденновцев броневиками и вооруженными

автомобилями. В результате многократных атак наступление белых было отбито, но и наши дивизии не смогли пробиться к основным силам Первой Конной, стоявшим на подступах к Чонгару. Дорогой ценой был достигнут успех: многие бойцы сложили головы за родину в этот день. Среди них были комдив Морозов, военкомдив Бахтуров и комбриг Колпаков.

Выход Первой Конной к Чонгару вызвал панику в штабе Врангеля. Вся армия белых была отрезана от Крыма. В Джанкой из Севастополя был срочно вызван на консультацию «спаситель Крыма» генерал Слащев. Когда Слащев явился, Врангель лихорадочно бегал по салон-вагону.

— Вы знаете, что Буденный у Чонгара?! — обратился он к Слащеву.

— Откуда он — с неба или от Каховки? — спросил Слащев.

— Не время шутить, генерал! — закричал Врангель, теряя самообладание. — Вся армия осталась в Таврии! Что делать?

— Единственный выход — всей армией обратиться на Буденного и утопить его в Сиваше, — посоветовал Слащев.

Тут же была отправлена радиограмма Кутепову — объединить всю армию и пробиваться на Чонгар. На две с половиной дивизии буденновцев ринулась вся армия Врангеля.

Вырваться из охвата и прорваться в Крым стало главной задачей белых. Для этого врагу надо было отбросить стоявшие на его пути дивизии Первой Конной. Назревало решительное сражение. Врангель использовал положение, создавшееся во время предшествовавшего боя. Первая Конная разделилась на две группы, и связь между ними еще не была восстановлена. Бои начались на рассвете 31 октября.

Густые колонны конницы и пехоты Врангеля обрушились на 14-ю кавдивизию товарища Пархоменко у села Рождественского, на Особую кавбригаду и штаб Первой Конной — у села Отрады. Против 4-й кавдивизии у Геническа и Ново-Алексеевки шли 7-я и 3-я пехотные дивизии белых. Особенно жаркая сеча была у Отрады, когда врангелевцы попытались окружить штаб Первой Конной. В рукопашной схватке рубились Буденный и Ворошилов. Какой-то текинец с пикой бросился на Ворошилова. Пика запуталась в бурке, а белогвардейца сразила меткая ворошиловская пуля.

Сдерживая врангелевцев, Первая Конная рассчитывала, что с севера и востока на врага двинутся части 2-й Конной, 4-й и 13-й армий, как это было предусмотрено планом Фрунзе, но командование этих армий опоздало с выполнением приказа.

Не чувствуя нажима с севера и востока, Врангель сосредоточил многочисленную конницу, артиллерию, бронемашину и авиацию, стремясь

преодолеть стойкое сопротивление Первой Конной, которая приняла на себя удар главной массы войск противника. К. Е. Ворошилов и С. М. Буденный, видя, что враг ускользает за перешейки, делают все, чтобы нанести ему поражение. 2 ноября Ворошилов и Буденный докладывают Фрунзе:

«Первая Конармия выполняет вашу директиву в тяжелых условиях отсутствия в армии автоброневиков и авиации. Несмотря на все усилия, просьбы, техника не была доставлена до сих пор, и борьба проходит в неравных схватках. Теперь у противника огромное количество автоброневиков и аэропланов. Топографические условия и погода благоприятствуют для пользования Авточастями. Бесперывное курсирование автоброневиков противника лишает кавдивизии возможности выполнять боезадачи; бомбометание с аэропланов группами, летающими над конными мае-сами, ничем не парализуется с нашей стороны. За всю операцию над нашим расположением не появился ни один наш аэроплан».

Врагу было нанесено большое поражение, но он не был уничтожен. 2 ноября Врангель увел недобитые остатки своей армии через Чонгар в Крым.

На Чонгарский полуостров ворвалась 6-я кавдивизия под командой О. И. Городовикова. Буденновские конники, сметая со своего пути врага, устремились к Чонгарскому мосту, стремясь на плечах отступающих врангелевцев ворваться в Крым. Белые зажгли Чонгарский мост. По пылающему мосту эскадроны Городовикова неслись в Крым, но, встретив мощные укрепления врага, вынуждены были отойти. После этого боя 6-я кавдивизия получила название Чонгарской.

Отдавая должное врагу, Михаил Васильевич в беседе с командирами сказал:

— Поражаюсь величайшей энергии сопротивления, оказанной противником. Он дрался так яростно и так упорно, как, несомненно, не могла бы драться никакая другая армия. Только этим можно об'яснить, что хотя и с большими потерями, а все-таки из наших тисков выбраться он смог...

Почему Врангелю удалось избежать полного уничтожения? Несмотря на весь героизм, с которым дралась Первая Конная, другие армии (2-я Конная, 4-я и 13-я) не проявили, как требовал Фрунзе, достаточной активности, запоздали на сутки, между тем как, выдвинувшись вперед, они могли бы помочь Первой Конной уничтожить врага.

Турецкий вал и ров.

Все же противник понес огромные потери. Нами было захвачено до 20 тысяч пленных, свыше 100 орудий, много пулеметов, до 100 паровозов, почти все обозы и огромные запасы снабжения с десятками тысяч снарядов и миллионами патронов. Все северное побережье Сиваша было занято нами...

2 ноября к белым, все еще удерживавшим Турецкий вал, из 51-й дивизии был послан политрук в качестве парламентаря с приказом о капитуляции.

Отправляясь к валу, политрук спросил командира:

— До белых мне удастся дойти?

— Вряд ли, скорее вас убьют, как только покажетесь перед валом.

Политрук повернулся и направился к валу. Белые, однако, огня не открывали, а выслали своего офицера для переговоров.

Произошел следующий разговор:

— Кто вы такой?

— Я политрук. Вот вам приказ для гарнизона Перекопа о сдаче.

— Я не уполномочен решать вопрос о сдаче, — заявил офицер, прочитав приказ. — Перекоп вам не взять.

- За что вы воюете?
— А вы за что? — спросил в свою очередь офицер.
— За освобождение рабочих и крестьян от тирании капиталистов. Вы же за что воюете?
— Мы сами толком не знаем. Но Перекоп вам не взять. Парламентеры разошлись. Перестрелка возобновилась.

После разгрома Красной армией Колчака и Деникина (с Польшей уже начались переговоры о мире) Врангель явился для империалистов последним заслоном, который должен был, как выразился один из организаторов интервенции, Черчилль, «закрыть от взоров человечества перспективы сияющего нового мира».

Антанта усиленно снабжала Врангеля оружием и военными припасами. Грузинские меньшевики отправляют ему пароходы с углем, нефтью и тысячные отряды, сформированные из интернированных на Кавказе деникинцев.

Для охраны действующих белых корпусов в портах Черного моря стояли дредноут «Генерал Алексеев», крейсера «Генерал Корнилов», «Алмаз» и «Георгий». В Севастополь прибыли французские военные корабли во главе с флагманским дредноутом «Мальборо» и английский сверхдредноут «Рамилье».

«Я осмотрел укрепления Перекопа и нашел, что для защиты Крыма сделано все, что только в силах человеческих», писал Врангель в своем приказе.

Белая печать, захлебываясь от восторга, кричала:

«Это почти второй Верден... Непроходимая сеть проволочных заграждений... Глубокие окопы... Бетонированные блиндажи... Тяжелая артиллерия... Под'ездные пути...»

В этих сообщениях нет преувеличений. Дорога в Крым была защищена прочно. Части врангелевской армии — Дроздовская, Корниловская и Марковская дивизии, кубанская и терско-астраханская конница, конный корпус генерала Барбовича — имели сильный кадровый офицерский состав. Белые были полны решимости защищать Крым. В их руках оставалась последняя русская территория. С ее потерей погибала «белая идея». Потерять Крым значило или с покаянной головой обратиться к большевикам, просить прощения у родины, или бежать за границу, на содержание к своим покровителям из лагеря Антанты. Последнее было, конечно, более по сердцу представителям паразитических классов. Удержав Крым, белые, с их точки зрения, могли еще строить какие-либо планы на

будущее. Белое командование знало, что красные войска терпят большие лишения, что в Советской России голод, разруха. Продержавшись, думали враги, они могли бы рассчитывать на союзников не только извне, но и внутри Советской России: на кулаков в деревне и буржуазию в городе.

Враг знал свои силы. При более или менее значительном успехе Антанта могла бы активизировать борьбу с советской властью.

Но чувство неуверенности в успехе уже господствовало среди самого офицерства. Это подтверждают мемуары, появившиеся в белоэмигрантской печати после гражданской войны, где очень много места отводится разложению белого офицерства — пьянство среди командного состава, идея «обреченности» и т. д. В этом они видели главную причину своего поражения в борьбе с Красной армией. На самом деле пьянство и разложение белого офицерства были только следствием разгрома врага Красной армией.

Гораздо большее значение в развале белого тыла имела работа крымских большевиков, находившихся в подполье, и перебрасываемых к ним из Советской России товарищей. И самые суровые репрессии, жесточайший террор не могли приостановить этого развала.

Один корреспондент севастопольской белогвардейской газеты писал:

«Всюду красные газеты читаются, везде встречаются группы солдат, читающих самые различные советские газеты. Здесь и «Красный стрелок», и «Дело победы», и газета «На Крым», а также «Беднота» и всевозможнейшие «Известия Советов», не считая многочисленных прокламаций: «К солдатам армии Врангеля», «К белым солдатам», «Кто ваш враг» и т. д. Читают их вслух. Смотришь — ходит солдат, а в душу его, видно, закралось сомнение».

В белой армии росло дезертирство. Создавались боевые отряды партизан, которые взрывали мосты, нападали надвигающиеся к фронту эшелоны с продовольствием и снаряжением, пускали под откос паровозы.

Одним из организаторов партизанских отрядов был И. Д. Папанин. Э. Кренкель в книге «Четыре товарища» приводит следующий эпизод: «Папанин рассказывал о грозных годах гражданской войны, о Севастополе, о боях красной повстанческой армии в тылу последнего белого барона, о том, как темной осенней ночью, укрывшись в мешке из-под муки, на фелюге контрабандистов пробирался он через Черное море, а затем, переодевшись нищим, шел через Турцию, чтобы доставить товарищу Фрунзе донесение о действиях красных партизан...»

Героическая борьба партизан подрывала тыл белой армии.

М. В. Фрунзе в автомобиле отправился к месту расположения частей.

Чем ближе к фронту, тем чаще встречались красноармейские части, артиллерия, обозы. Командующий пылливо вглядывался в лица красноармейцев — осунувшиеся, изможденные, но полные суровой решимости. Большинство бойцов были в рваных шинелях, в изодранной обуви. Они переносили тяжкие лишения, давно не получали горячей пищи.

Путь, по которому следовал Фрунзе, был опустошен отступающими белогвардейцами.

«Все проселочные дороги, — вспоминал потом Михаил Васильевич, — шедшие в направлении с Севера на юг, полны следов только что разыгравшихся кровавых событий. Прежде всего бросалось в глаза огромное количество павших лошадей. Вся степь, и особенно вблизи дороги, буквально была покрыта конскими трупами. Я, помню, несколько раз принимался считать, сколько трупов проедем мы в течение двух-трех минут, — и всякий раз получал цифры, начинавшиеся десятками. При виде этих кладбищ ближайших друзей нашего пахаря как-то особенно больно становилось на душе, и перед сознанием вставал вопрос: каково-то будет впоследствии и как будем справляться мы с фактом такой колоссальной убыли конского состава?..»

Стояли ясные ноябрьские дни. Легкий, бодрящий морозец подсушил грязь на дорогах и посеребрил завядшую траву на полях. Мысль Фрунзе продолжала работать над планом операции по разгрому Врангеля.

«...мною намечался, — вспоминал М. В. Фрунзе, — обход по Арабатской стрелке Чонгарских позиций с переправой в устье реки Салпира, что километрах в тридцати от Геническа. Этот маневр в сторону в 1732 году был проделан фельдмаршалом Ласси. Армия Ласси, обманув крымского хана, стоявшего с главными своими силами у Перекопа, двинулась по Арабатской стрелке и, переправившись на полуостров в устье Салгира, вышла в тыл войскам хана и быстро овладела Крымом.

Наша предварительная разведка в направлении к югу от Геническа показала, что здесь противник имел лишь слабое охранение из конных частей.

Оставалось обеспечить операции со стороны Азовского моря, где действовала флотилия мелких судов противника, иногда подходившая к Геническу и обстреливавшая там наше расположение. Эта задача была возложена мною на Азовскую флотилию, стоявшую в Таганроге».

Фрунзе об'ехал все побережье и убедился, что Арабатскую стрелку использовать невозможно.

Ему доложили:

— На скорое прибытие судов Азовской флотилии рассчитывать нельзя. Арабатская стрелка находилась под обстрелом судов противника со стороны Азовского моря, а наша Азовская флотилия не могла притти на помощь из-за морозов, сковавших Таганрогскую бухту.

В поисках лучшего решения стратегической задачи Фрунзе приходит к выводу, что уничтожить войска Врангеля следует штурмом Перекопского вала с фронта; вместе с тем форсировать Сиваш и, овладев Литовский полуостровом, ударить во фланг и тыл Перекопской группе противника.

Задача, которая стояла перед Фрунзе, была чрезвычайно сложна. Перекопский перешеек защищала главная масса войск Врангеля (до 12 тысяч), против Чонгарского и Сивашского мостов стоял Донской корпус (до 3 тысяч штыков и сабель), и более 6 тысяч штыков и сабель находилось в резерве. Нашим войскам нужно было атаковать укрепленные позиции врага по открытой местности; артиллерии было недостаточно. Внезапно ударившие морозы увеличили лишения наших бойцов, обмундированных крайне плохо.

Наступления нельзя было откладывать: это дало бы врагу время для передышки. Фрунзе было ясно, что всякая оттяжка наступления только усложнит и затруднит задачу разгрома. Не соглашаясь с доводами главного командования, которое считало, что для овладения Крымом нужна длительная предварительная подготовка, постройка под'ездных путей и т. д., Михаил Васильевич начинает построение оперативной группировки войск с целью создания превосходства сил на решающих участках. Чтобы обеспечить развитие прорыва, Фрунзе на главных направлениях глубоко эшелонирует войска и обеспечивает развитие успеха путем ввода второго эшелона.

Он выезжает на передовые позиции и лично изучает местность. Особенно интересуют его метеорологические условия, направления ветров.

Восточный ветер нагоняет через Генический пролив воду, и Сиваш превращается в полноводное озеро — «Гнилое море», как его Называют местные жители. Только в самые жаркие дни летом у северного берега дно Сиваша становится сухим. Осенью же Сиваш представляет равнину с засасывающей липкой грязью.

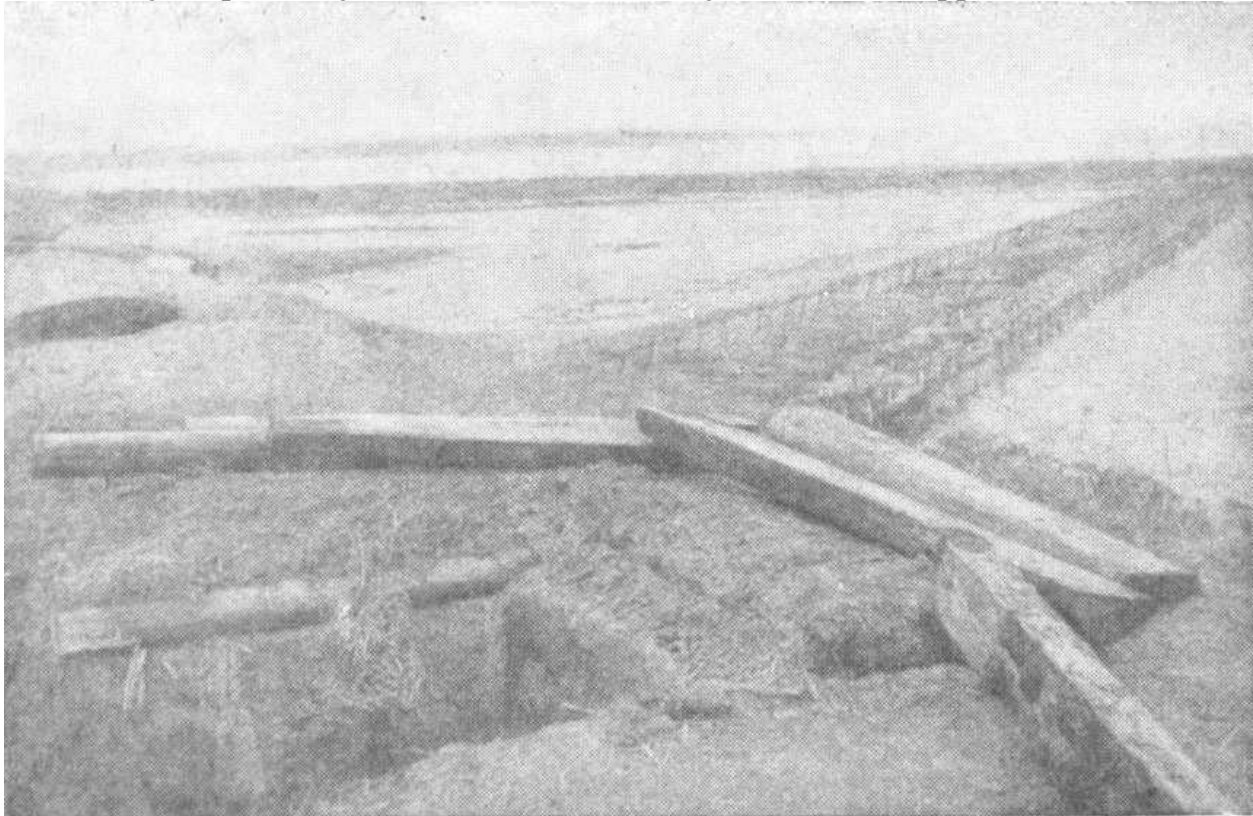
Ветры, дующие с запада, отгоняют воду с Сиваша к Азовскому морю, и Сиваш мелеет. Фрунзе решил воспользоваться этим и обойти перекопские укрепления по Сивашу.

Врангелевцы знали, что западные ветры обнажают некоторые проходы через Сиваш и охраняли эти места, но переправы большой массы войск не ожидали и были уверены, что десятикилометровый Сиваш послужит

надежной преградой на пути красных в Крым.

5 ноября Фрунзе отдает директиву:

«Армиям фронта ставлю задачу: по Крымским перешейкам немедленно ворваться в Крым и энергичным наступлением на юг овладеть всем полуостровом, уничтожив последнее убежище контрреволюции».

Сиваш. Траншеи белых.

Задача штурма перекопских укреплений возлагается на 6-ю армию. Ей приказано, «переправившись не позднее 8 ноября на участке Владимировка, Строгановка, мыс Кугаран, ударить в тыл перекопским позициям, одновременно атаковав их с фронта...» Для развития успеха 6-й армии ей передается в оперативное подчинение 2-я Конная армия. На чонгарском направлении подготавливает удар 4-я армия. Первая Конная нацеливается вслед за пехотой 4-й армии. 13-я армия остается в районе Мелитополя, держа свои дивизии в готовности к движению на помощь 6-й или 4-й армиям. Фрунзе указывал: «Всю операцию по форсированию проводить сосредоточенными силами и с максимальной энергией, доводя атаки, во что бы то ни стало, до успешного конца, ибо при данных условиях открытая атака живой силой является наискорейшим и наилучшим средством решения вопроса».

Чтобы обсудить практические мероприятия, вытекающие из приказа, Фрунзе приехал на станцию Партизаны, где было созвано совещание с товарищами Ворошиловым и Буденным.

К. Е. Ворошилов рассказывает об этом совещании:

«...Захудалая и разрушенная железнодорожная станция, вчера еще кишмя-кишевшая бежавшими в панике врангелевцами.

В небольшой комнатке, в полумраке, собрались все высшие военачальники во главе с Михаилом Васильевичем. Враг разбит, но не добит.

Михаил Васильевич терпеливо и внимательно выслушивает мнение всех своих ближайших соратников и тут же принимает решения о дальнейших действиях...»^[31]

Полураздетые и полуголодные, при пятнадцатиградусном морозе, без тяжелой артиллерии, красные войска готовились к штурму Перекопа.

6 ноября Фрунзе приехал в Чаплинку, где недавно находился со своей свитой и иностранными военными советниками Врангель.

В Чаплинке, в помещении почты, находился штаб 51-й дивизии. Туда же приехал и командующий 6-й армией.

В комнате было так холодно, что шел пар от дыхания. Фрунзе не раздевался, только расстегнул шубу. Выслушав донесения командования и проверив их по карте, он сказал отдельно:

— Итак, по вашим данным отмечена переброска Врангелем отдохнувшей Дроздовской дивизии к району Турецкого вала, Корниловской и Марковской — к Юшуни, конного корпуса генерала Барбовича — тоже поближе сюда. Видимо, тринадцатая и тридцать четвертая дивизии белых должны быть сменены дроздовцами на-днях — 7 или 8 ноября. Литовский полуостров защищается Кубанской бригадой и невыясненными частями, общей численностью не свыше трех тысяч человек, под командой генерала Фостикова.

Сопоставив численность войск врага, у которого был некоторый перевес в артиллерии, Фрунзе сделал следующий вывод:

— Мы превосходим противника только живой силой. Наши войска размещены в голом поле, на морозе... Но медлить нельзя... Атака открытой силой — единственно правильное решение...

И он закончил:

— Атаковать с 7 на 8 ноября через Сиваш на Литовский полуостров и в лоб — Турецкий вал.

Решение Фрунзе свидетельствует об огромной смелости пролетарского полководца, о непоколебимой уверенности его в красных войсках, готовых

самоотверженно выполнить свой долг перед родиной. Достаточно указать, что по уставам армий того времени для успешного наступления на укрепленные районы необходимы следующие условия: двойное-тройное превосходство в силах, длительная подготовка района атаки и проведение этой подготовки в полной тайне. Превосходства у наших войск не было, и тайна подготовки не могла быть достаточно обеспечена. Враг располагал не только данными своей разведки, но и наших радиостанций, которые, передавая директивы и приказы, часто беспечно относились к сохранению военной тайны.

В Чаплинке в тот же день, 6 ноября, Михаилу Васильевичу был доложен план наступления 6-й армии. Штурм Турецкого вала и обход его по Сивашу возлагался на 51-ю дивизию. Ударная группа армии — 15-я и 52-я дивизии — направилась на Литовский полуостров и должна была бить по флангу Юшуньских позиций. Командование 51-й дивизии в обход по Сивашу Турецкого вала направляло 153-ю бригаду. Фрунзе утвердил намеченные планы и выехал в полки 51-й дивизии, чтобы поднять боевой дух бойцов.

Накануне операции командирам подразделений 51-й дивизии было приказано найти брод через Сиваш.

Дно «Гнилого моря» блестело на солнце: огромная равнина с глубокими ямами, наполненными рапой — густым соленым раствором. Командиры отправились в разведку. Увязая по колено в жидкой грязи, с трудом прошли около километра.

— Пехота пройдет.

— А артиллерия?..

Командиры переглянулись.

— Бойцы помогут..

Одна из частей 15-й дивизии расположилась перед штурмом в Строгановке, на берегу Сиваша. Бойцы были измучены, голодны, многие уже забыли запах табака. Но больше всего донимали холод и сырость. В этой безлесной местности нельзя было даже хорошего огня развести. С трудом разожгли маленький костер.

Около огня грелись красноармейцы в летних рубашках, обутые вместо сапог в опорки. Плохое снабжение частей явилось результатом вредительства ставленников Троцкого. Они тормозили отправку снаряжения на фронт, и многие дивизии шли в наступление в старом летнем обмундировании. Артиллерия имела ограниченный запас снарядов, тяжелые батареи застряли в Кременчуге.

Начальник 15-й дивизии собрал строгановских крестьян-стариков.

Когда им об’явили, в чем дело, старики выделили в качестве проводников столяра Оленчука и пастуха Ткаченко.

— Они лучше всех знают броды Сиваша. Им можно довериться. Они проведут полки... Только бы ветер дул с запада.

Словоохотливый Оленчук об’яснял командирам:

— Прогноин бойтесь — такие грязные жилы, их тут на Сиваше много. Эти самые прогноины от сырой погоды растворяются, и попадись в них человек — моментально затянут его. Оттуда уж не вырвешься.

Крестьяне с саперами отправились на Сиваш ставить вежи. Топкие места мостились фашинами, снопами соломы. Так дошли до проволочных заграждений противника. Начали резать проволоку. Враг услышал и открыл артиллерийский огонь.

Саперы сказали Оленчуку:

— Иди, дед, назад... Неровен час...

— Я сказал: доведу до краю. Молодые себя не жалеют, я ж, старый, кому нужен? — И начал рубить проволоку топором.

Весь день 7 ноября прошел в приготовлениях. Красноармейцы чинили снаряжение, приводили в порядок оружие. Части ждали последнего приказа.

Красноармейцы поздравляли друг друга с третьей годовщиной Октября. На летучих митингах повторяли слова Ленина и Сталина о необходимости немедленно покончить с Врангелем.

— Даешь Крым! — кричали бойцы.

Политотдел Южного фронта призывал: «К моменту наступления ни один боеспособный коммунист не должен оставаться в тылу. В передних рядах коммунист должен воодушевлять красноармейцев своей решимостью, отвагой и примером».

Со своей стороны Врангель отдал приказ: «Безжалостно расстреливать всех комиссаров и других активных коммунистов, захваченных на поле сражения».

Разведка изучала подступы к Турецкому валу. Его грозная стена замыкала вход в Крым с севера. Перед валом, высотой в 20 метров, тянется ров глубиной в 15 метров и шириной в 40 метров. Весь вал был опутан колючей проволокой, местами в семнадцать рядов. Высоты Турецкого вала — удобнейший пункт для обозрения местности.

Врангелевские артиллеристы изучили каждый метр степи и, разбив ее на квадраты, пристреляли всю площадь перед валом. Спуск в ров и под’ем на вал почти отвесные, а в некоторых местах от дна до вершины висит гладкая каменная стена. Эти естественные препятствия были дополнены

Врангелем сложной системой долговременных сооружений, растянувшихся в глубину от Перекопа до Юшуни на 25—30 километров и включавших семь взаимно связанных линий укреплений. Красные летчики на старых, истрепанных самолетах ежедневно кружились над позициями противника, фотографировали их, выясняя и уточняя состав частей белых, расположение их батарей и резервов.

Фрунзе приехал в расположение полков 51-й дивизии, готовившихся к штурму Турецкого вала.

В беседе с командирами частей Михаил Васильевич сказал:

— Я увижу вас на валу или не увижу совсем...

Один из командиров ответил за всех:

— Мы будем на валу!..

В районе Владимировки и Строгановки заканчивались последние приготовления к переходу через Сиваш.

Заходящее солнце бросало кровавый отблеск на воды залива. Ветер гнал их от берега. Поблескивала мокрая земля, кое-где синели лужи воды. За Строгановкой строилась бригада, которая должна была первой пойти в наступление. Командир бригады обратился к выстроившимся частям с напутственным словом:

— Товарищи, поздравляю вас с великим праздником Октября... Мы должны победить или умереть. Середины нет...

Гул одобрения покрыл слова командира.

Сгущались сумерки, и скоро берега Сиваша потонули в тумане. Пошли... Липкая грязь засасывала, соленая вода пробиралась сквозь рваную обувь и раз'едала ноги... В темноте бойцы проваливались в ямы и гибли. Со стороны противника взметнулась ракета. Белый сноп прожектора начал шарить по воде. Загремела артиллерия. Снаряды, падая в Сиваш, поднимали фонтаны огня и воды. С визгом проносилась шрапнель. Озаряемые вспышками разрывающихся снарядов, красные полки молча двигались к невидимому врагу. Раненые и убитые падали в воду. Неожиданно ⁴ переменился ветер. Он гнал воду к берегу, угрожая затопить наступающие части.

— Вода... вода...

Тревожная весть передавалась по рядам. Но проводники-крестьяне успокаивали бойцов:

— Высоко вода не пойдет.

Вступив на твердую почву Литовского полуострова, красные части бросились в атаку на Кубанскую бригаду генерала Фостикова. Белые дрались отчаянно. Генерал Фостиков доносил Врангелю:

«Неизвестными, но крупными силами красные перешли вброд Сиваш... Стремятся выйти к Караджанаю, Армянску— в тыл Турецкому валу».

Весть о появлении наших частей быстро облетела белые штабы, и жерла орудий повернулись к Сивашу. Поднимая столбы грязи, со страшным грохотом рвались тяжелые снаряды.

Белые направляют резерв Дроздовской дивизии от Армянска на Караджанай против полков 153-й бригады. Под натиском противника бригада начинает осаживать на Литовский полуостров. На помощь ей направляется резервная бригада 52-й дивизии. Совместными усилиями бригады разгромили дроздовцев и взяли 300 человек в плен. В это время 15-я дивизия, занимавшая позиции против Юшуни, подверглась атаке всех сил 2-го армейского корпуса и отошла на полуостров, потянув за собой и фланги 52-й дивизии.

На Сиваше продолжался под'ем воды. Броды были затоплены. Положение наших дивизий оказалось весьма сложным. Не было успеха и на Турецком валу.

Рано утром, 8 ноября, полки 51-й дивизии под прикрытием тумана заняли исходное положение — от Черного моря до Перекопского тракта.

Пелена тумана нависла над Турецким валом.

Заговорила наша артиллерия. После трехчасовой подготовки полки бросились на штурм. Их встретил убийственный заградительный огонь.

Начали поступать донесения:

— Первая волна^[32] залегла в четырехстах метрах от вала...

— Вторая перебегает...

В атаке вместе с пехотой участвовали восемнадцать бронемашин. Артиллерия врага и пулеметы заливали наступающие части потоками стали и свинца. В середине дня огонь нашей артиллерии стал слабеть: снаряды были на исходе.

В 6 часов вечера красные возобновили атаку и с большими потерями достигли рва. На склоне вала — густая сеть проволочных заграждений. Стрелки залегли.

Поредевшие части 51-й дивизии и огневой бригады бросаются на штурм.

Красные бойцы прорвались уже через три ряда проволочных заграждений. Передовые цепи залегли перед самым Турецким валом, готовясь к последнему удару. Где-то горела деревня, и от зловещих багровых отсветов зарева вода казалась кровавой.

Вторая неудачная атака.

Об'езжавший части 6-й армии, Михаил Васильевич с наступлением вечера отправился в Строгановку, в штаб 15-й дивизии. По всем направлениям тянулись провода. На берегу Сиваша установили радиостанцию.

При свете чадящей керосиновой лампы Фрунзе изучал исчерченную цветным карандашом карту.

Мокрые, перепачканные в иле связисты доложили:

— В Сиваше повышается уровень воды!

Михаил Васильевич предвидел эту опасность. Нужны решительные меры. Слепая сила стихии может сорвать весь план операции. В первую очередь надо немедленно спасать переправившиеся части 15-й и 52-й дивизий, которые могли быть отрезаны и сброшены врагом в воду...

Фрунзе решает остаться в штабе 15-й дивизии до разрешения кризиса. Из 51-й дивизии передали о неудаче второй атаки на Турецкий вал и тяжелых потерях. В штабе загудели аппараты; из каждой трубки — просьба о помощи.

— Противник насеждает...

— Наступает от Караджаная.

— Нас оттесняют к Сивашу, а в Сиваше вода...

— Все заливает...

— Сзади вода, спереди — огонь белых.

Фрунзе в своих воспоминаниях рассказывает: «Проверили, оказывается, действительно так. Положение создалось чрезвычайно опасное. Стоило воде подняться еще немного, и тогда полки 15-й и вслед затем 52-й дивизий окажутся отрезанными по ту сторону Сиваша. Надо было немедленно же принимать самые решительные меры, иначе все дело могло погибнуть».

Михаил Васильевич дает приказ мобилизовать население и двинуть тыловые части для предохранительных работ на переправах. Сражающимся частям на Литовском полуострове по распоряжению Фрунзе отправляются патроны, продовольствие.

Развалины гор. Перекопа.

Командованию 51-й дивизии Михаил Васильевич по телефону приказывает:

«Вода заливает Сиваш. Немедленно атаковать и во что бы то ни стало захватить Турецкий вал».

Приказ Фрунзе немедленно приводится в исполнение. С новой силой загрохотала артиллерия по Турецкому валу. Полки готовились к третьей атаке. Из резерва подошли полки 151-й бригады.

Комиссары бригад 51-й дивизии получили приказ военкомдива:

«Принять все меры к тому, чтобы вал был взят в течение ближайших двух-трех часов... Влить в части всех коммунистов как штабных, так и тыловых учреждений».

В 2 часа ночи 9 ноября началась новая атака Турецкого вала.

Всю ночь, не умолкая, гремела стальная буря.

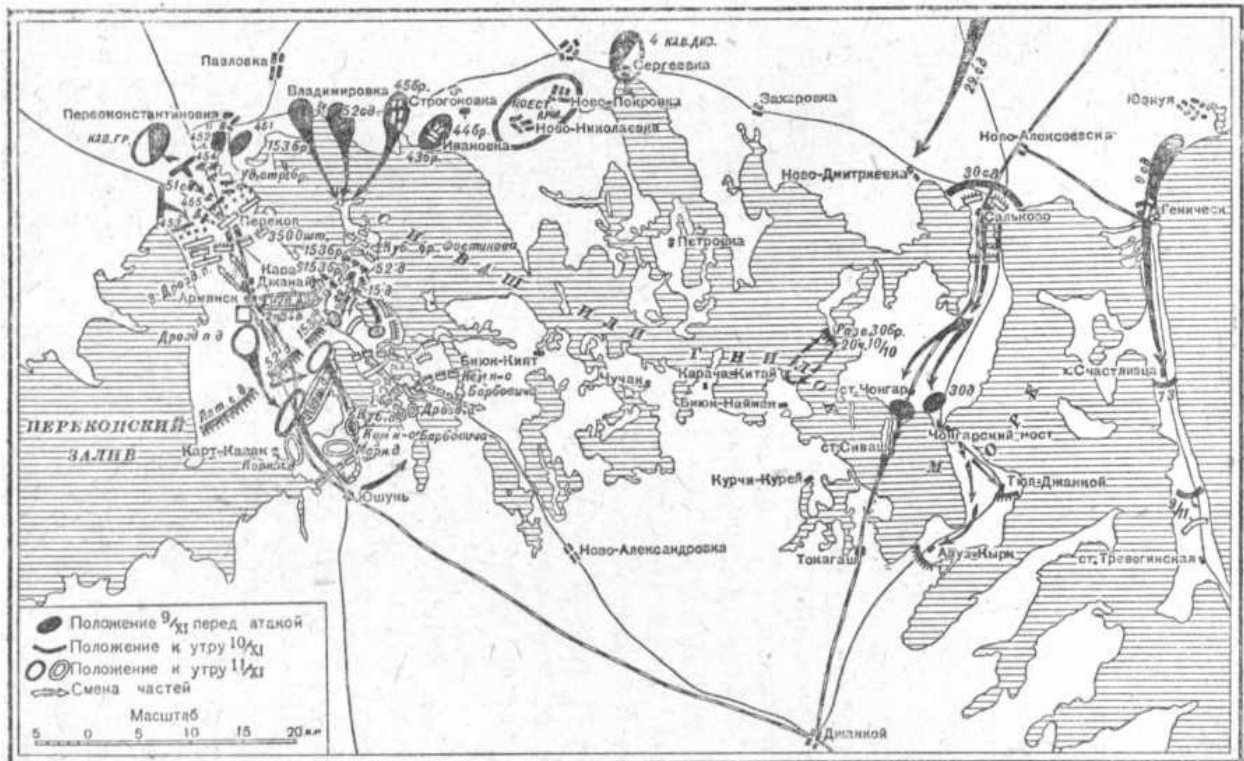
Бывший начальник штаба 51-й дивизии Н. Датюк передает подробности боя после получения ночного приказа Фрунзе:

«...Полки уже «висели» над рвом: пользуясь темнотой, делали проходы в проволоке... Во главе полка (455-го) идет в атаку его любимый комиссар Безбородов. Он бросает на проволоку шинель и по ней перебирается на ту

сторону.

— Товарищи, вперед! — кричит Безбородов. Красноармейцы дружно устремляются за комиссаром. Вражеская пуля выводит его из строя...

Группа наших войск на четвереньках со дна рва лезла по крутому скату вала, забиралась на его вершину; многих оттуда сбрасывали обратно на дно, но это не останавливало потока штурмующих... Со дна рва беспрерывно ползла пехота с пулеметами. Огнем и штыками выбив белогвардейцев из ближайших гнезд, она оседлала вал.

Перекопская операция.

Сзади напирала все новые волны нашей пехоты, двигались бронемашины, меняла свои позиции артиллерия. Смерть косит ряды столкнувшихся в последней схватке...»

9 ноября. Фрунзе проводит уже вторые сутки без сна. Ему доложили, что прибыла 7-я кавдивизия, и он направил ее через Сиваш на помощь ударной группе.

На рассвете пришло донесение, что Турецкий вал взят лобовым ударом: «Перекоп взят. Наступаем на Армянский базар».

Выслушав донесение, Михаил Васильевич облегченно вздохнул и сказал:

— Теперь отпала угроза потерять дивизии на Литовском полуострове,

но это еще не означает окончания операции, ибо дальше путь в Крым преграждают сильные Юшуньские позиции, и главная развязка всей операции должна произойти там.

Юшуньские позиции были расположены между Каркинитским заливом Черного моря и южным берегом Сиваша. Суша здесь изрезана рядом озер. Небольшие дефиле между озерами Врангель перегородил четырьмя линиями укреплений с бетонированными блиндажами и пулеметными гнездами. Укрепления шли с юго-запада на северо-восток, упираясь одним флангом в Черное море, а другим в Сиваш. Эти позиции являлись главными, и Врангель считал их непреодолимыми. Каждая линия укреплений была оплетена густой сетью колючей проволоки до шести рядов. Дальнобойная артиллерия держала под огнем все подступы. Пехоте предстояло идти по ровной местности, лишенной прикрытий, — ни бугров, ни оврагов, ни кустарника.

9 ноября дивизии 6-й армии подошли к юшуньским укреплениям. Утомленных боями бойцов 151-й бригады должны были сменить полки Латышской дивизии. Герои Перекопа не желали сменяться.

— Еще можем драться и просим доверить нам штурм Юшунь, — просили они.

В предрассветной мгле полки 151-й бригады штурмом взяли первую линию укреплений, а к 10 часам дня и вторая линия была уже нашей. В полдень в Каркинитском заливе появились корабли белых и начали жестокий обстрел побережья. Ничто не могло остановить штурмующие цепи красных. К вечеру полки были на подступах к Юшунь. Менее успешно шли бои в междуозерном пространстве у Сиваша. Сюда противник направил конный корпус Барбовича и потеснил части 15-й и 52-й дивизий к Караджанаю. Создалась угроза выхода белой конницы в тыл 51-й и Латышской дивизий, штурмовавших Юшунь.

Фрунзе приказывает 7-й и 16-й кавдивизиям опрокинуть конницу Врангеля. Совместной атакой кавдивизий и частей 15-й и 52-й дивизий конница Врангеля была отброшена за укрепления.

Не желая проливать драгоценную кровь рабочих и крестьян, Фрунзе послал Врангелю ультиматум:

«Ввиду явной бесполезности дальнейшего сопротивления ваших войск, грозящего лишь бессмысленным пролитием новых потоков крови, предлагаю вам немедленно прекратить борьбу и положить оружие со всеми подчиненными вам войсками армии и флота.

В случае принятия означенного предложения, Революционный военный совет Южного фронта, на основании предоставленных ему

центральной советской властью полномочий, гарантирует вам и всем, кладущим оружие, полное прощение по проступкам, связанным с гражданской войной.

Всем, не желающим работать в Советской России, будет обеспечена возможность беспрепятственного выезда за границу при условии отказа под честное слово от всякого участия в дальнейшей борьбе с Советской Россией.

Ответ по радио ожидается не позднее 24 часов 11 ноября по новому стилю».

Врангель не принял великодушного предложения. Он надеялся еще удержаться в Крыму.

Отдав приказ 6-й армии о продолжении штурма и дальнейших действиях в Крыму, Фрунзе выехал на чонгарское направление в район 4-й армии. Прибыв в расположение 30-й дивизии, Фрунзе сообщил бойцам, что 51-я дивизия уже взяла Перекоп и сейчас штурмует Юшунь. Это сообщение воодушевило полки.

— Досидим здесь на Чонгаре до того, что 51-я дивизия лодки пришлет за нами, — говорили бойцы, охваченные боевым энтузиазмом.

По приказу Фрунзе началась подготовка ночного штурма чонгарских переправ.

Чонгарские укрепления были еще более мощными, чем на Перекопе.

«Много сделано, многое предстоит еще сделать, но Крым и отныне уже для врага неприступен», заключил Врангель свой приказ после личного осмотра чонгарских укреплений.

Сама природа создала здесь неприступную крепость. Сиваш был недоступен здесь ни вплавь, ни вброд. Два длинных узких полуострова с крымской стороны, не давая решительно никаких закрытий для наступающих, делали их легкой добычей пулеметов и артиллерии противника, защищенных бетонными бойницами и блиндажами.

Сеть проволочных заграждений начиналась еще в воде и делала невозможной атаку крутого, обрывистого берега. Каждая линия многочисленных укреплений была защищена такой же сетью проволочных заграждений. Кроме того, укрепления были обеспечены тяжелой береговой артиллерией. Между тем с нашей стороны Чонгарский полуостров представлял собой совершенно открытую плоскую равнину, каждая точка которой находилась под наблюдением и огнем противника. .

Тяжело было красным частям 30-й дивизии на пустынном Чонгаре. Взорванные белыми железнодорожные линии затрудняли подвоз продовольствия. Резко усилились холода. Не было топлива, питьевой воды.

К утру 11 ноября саперы закончили пешеходный мостик через Сиваш на сваях сгоревшего Чонгарского моста. По перекладинам, ползком, срываясь в воду, под огнем тяжелых морских орудий врага направлялись бойцы 30-й дивизии.

Штыковой атакой 266-й стрелковый полк выбил врангелевцев из окопов первой линии укреплений и на плечах бегущих ворвался на вторую линию Тюп-Джанкойских позиций.

Против ворвавшихся на Тюп-Джанкойский полуостров полков 30-й дивизии противник направил Донской корпус. Донцы только что выступили из Джан-коя на помощь конному корпусу Барбовича под Юшунь, но угроза прорыва на Чонгаре заставила их вернуться обратно. В этом сказалось замечательное руководство боем со стороны М. В. Фрунзе, своевременно ускорившего штурм на Чонгаре.

Утром 11 ноября в районе почтовой станции Юшунь полки 51-й и Латышской дивизий встретились с врагом...

Противник не выдержал атаки, его части дрогнули и начали откатываться. Красные овладели Юшунью, охваченной пожаром: горели танки, склады продовольствия, станционные постройки. Удушливый дым горячей муки стлался по земле, покрытой трупами.

Еще одно усилие, и полки пойдут по равнинам Крыма.

Но борьба не кончена.

Стремясь ликвидировать прорыв у Юшуня, Врангель бросил против наших частей корпус генерала Барбовича. Противник пытался взять инициативу в свои руки. Положение наших дивизий стало угрожающим. На левом фланге 51-й дивизии повисла грозная лавина конницы. Но боевой дух белой конницы пал.

Дружный отпор нашей пехоты вынудил противника повернуть обратно.

11 ноября, в 12 часов дня, Фрунзе получил донесение:

«Срочно, всем, всем. Доблестные части 51-й Московской дивизии в 9 часов прорвали последние Юшуньские позиции белых и твердой ногой вступили в чистое поле Крыма. Противник в панике бежит. Захвачено много пленных, артиллерии, морских дальнобойных орудий, пулеметы и прочие трофеи, кои выясняются. Преследование продолжается».

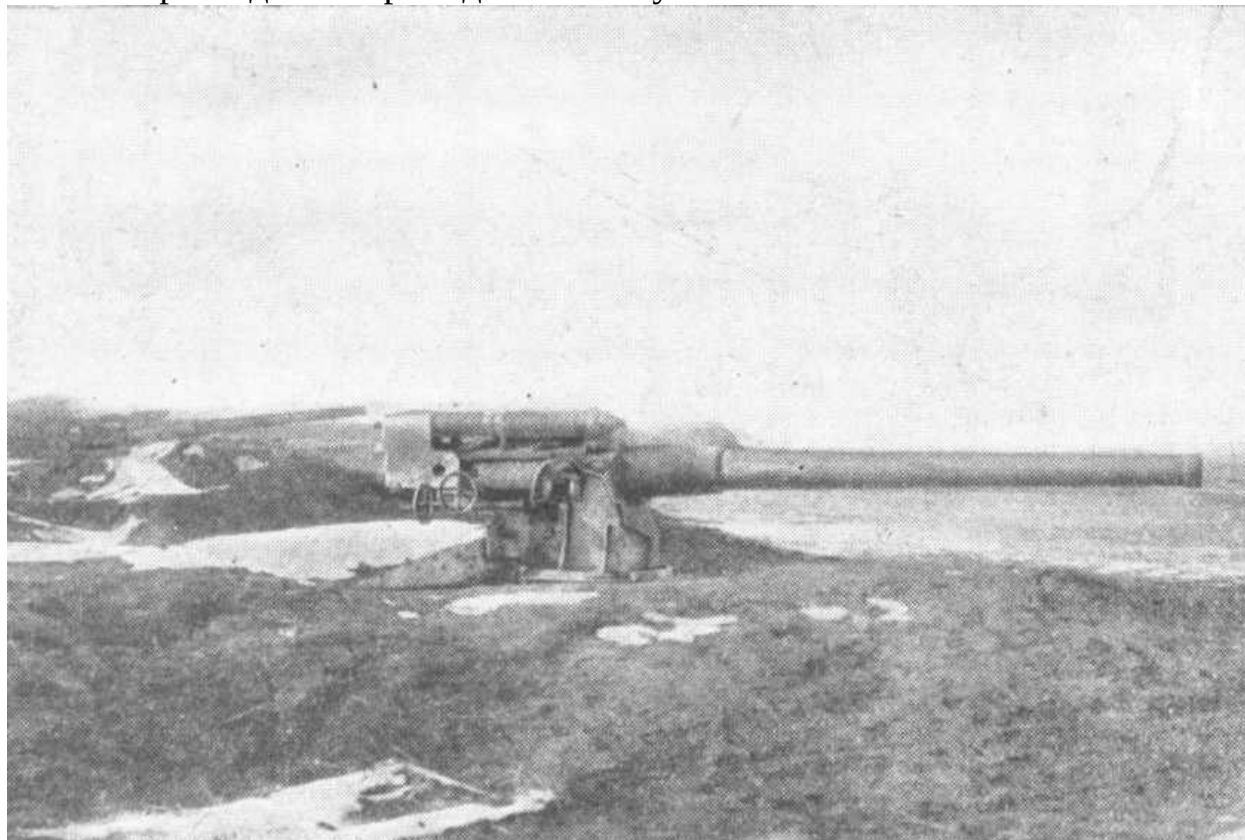
К 10 часам утра 11 ноября белые были выбиты из всех линий Тюп-Джанкойских позиций. На следующий день были взяты таганашские укрепления. Со стороны Чонгарского полуострова вход в Крым был открыт.

Участь армии Врангеля решена. Началось паническое бегство

белогвардейцев. Устав Крымский полуостров трупами своих обманутых солдат, Врангель издал последний приказ: «У нас нет ни казны, ни денег, ни родины. Кто не чувствует за собой вины перед красными, пусть останется до лучших времен».

Фрунзе приказал:

— Преследовать врага до полного уничтожения!

Орудия белых на Чонгаре.

Без отдыха от боевой страды, поредевшие красные части двинулись к берегу моря: 6-я армия — в направлении Евпатория — Севастополь, 4-я и 2-я Конная армии — в направлении Феодосия — Керчь и Первая Конная — на Севастополь.

Врангелевцы рвались к портам, чтобы погрузиться на суда и уйти в море. Но на пути белогвардейцев встречали партизаны, и тогда возникал жестокий, упорный бой. Летели в пропасти обозы белых, орудия, автомобили. Офицеры стрелялись...

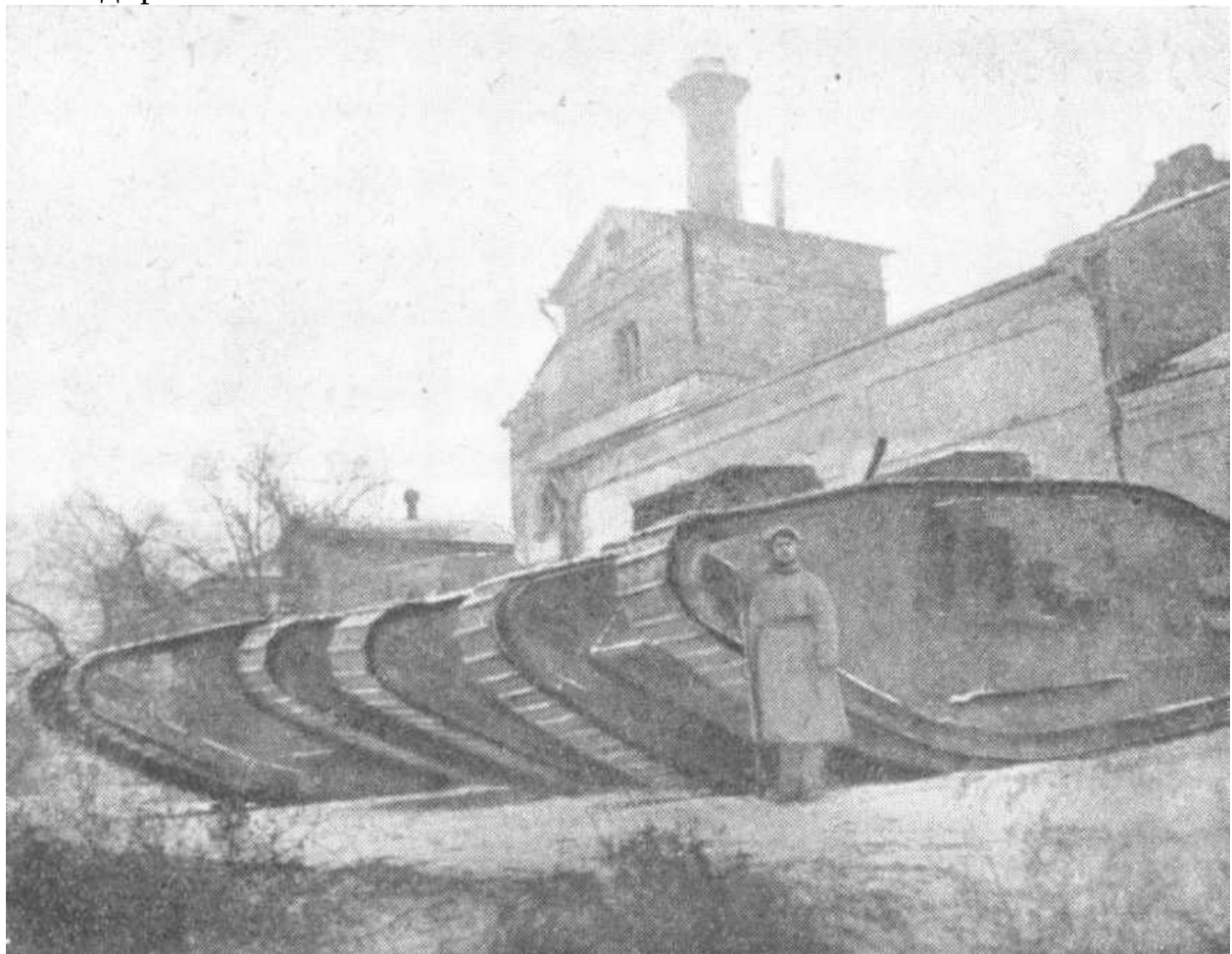
«Свидетельствую о величайшей доблести, — доносил 12 ноября Фрунзе В. И. Ленину, — проявленной героической пехотой при штурмах Сиваша и Перекопа. Части шли по узким проходам под убийственным огнем на проволоку противника. Наши потери чрезвычайно велики.

Некоторые дивизии потеряли % своего состава. Общая убыль убитыми и ранеными — не менее 10 тысяч человек. Армии фронта свой долг перед Республикой выполнили. Последнее гнездо российской контрреволюции разорено, и Крым вновь станет Советским».

12 ноября красное знамя взвилось над Джанкоем, 13-го наши части заняли Симферополь, Феодосию и Судак, 15-го — Севастополь и 16-го — Керчь.

16 ноября со станции Джанкой Фрунзе рапортовал вождю партии В. И. Ленину:

«Сегодня нашей конницей занята Керчь. Южный фронт ликвидирован».

Танки, захваченные у Врангеля.

Во всех ротах, командах, эскадронах и батареях прочли приказ Фрунзе «О доблестных победах, совершенных войсками Южного фронта»:

«Боевые товарищи, красноармейцы, командиры и комиссары! Ценой ваших героических усилий, ценой дорогой крови рабочего и крестьянина

взят Крым.

Уничтожен последний оплот и надежда русских буржуа и их пособников, заграничных капиталистов. Отныне красное знамя — знамя борьбы и побед — реет в долинах и на высотах Крыма и грозным призраком преследует остатки врагов, ищущих спасения на кораблях. 50 дней прошло с момента образования Южного фронта; за этот короткий срок, благодаря вашей стойкости и энергии, была ликвидирована угроза врага Донбассейну, очищено все Приднепровье и занят весь Крым. Честь и слава погибшим в борьбе за свободу, вечная слава творцам революции и освободителям трудового народа».

За победу над Врангелем правительство наградило М. В. Фрунзе почетным революционным оружием.

Ленин так оценил эпопею борьбы с Врангелем: «...какой необыкновенный героизм проявила Красная армия, одолев такие препятствия и такие укрепления, которые даже военные специалисты и авторитеты считали неприступными. Одна из самых блестящих страниц в истории Красной армии — есть та полная, решительная и замечательно быстрая победа, которая одержана над Врангелем»^[33].

Даже наши враги должны были признать высокие боевые качества частей Красной армии и полководческое искусство Фрунзе. Английская газета «Таймс» в ноябре 1920 года писала: «Взятие Перекопа является блестящей победой советской армии. По техническим трудностям взятие Перекопа можно сравнить разве только с операциями у Дарданелл весной и летом 1915 г.»^[34].

Никогда не померкнет слава героической борьбы на подступах к Крыму.

Х. ГОДЫ ПОСЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Несмотря на ликвидацию основных фронтов гражданской войны, враждебные нашей родине силы не сложили оружия. Советская республика, экономически ослабленная гражданской войной и интервенцией, привлекала алчные взоры капиталистического мира, особенно зарились международные хищники на обильную природными богатствами Советскую Украину, стремясь прибрать ее к рукам, сделать своей колонией. Буржуазия оказывала поддержку всякого рода бандитам, окопавшимся на Украине, продолжая готовить новую интервенцию.

Советскую Украину необходимо было превратить в неприступный форпост советской власти.

Во главе вооруженных сил, расположенных на Украине и Крыму, партия поставила Фрунзе. На его долю выпала почетная задача — укрепить оборону Советской Украины и покончить с бандами. По стране, как стая хищных, волков, бродили разбойничьи шайки. Махно, Тютюника и других бандитов. Они грабили и сжигали села и города, зверски расправлялись с партийными и советскими работниками, создавали в стране полыхающие очаги контрреволюционных мятежей. Особенно усилился бандитизм в начале 1921 года.

Советское правительство поручило Фрунзе в кратчайший срок ликвидировать бандитизм на Украине, принимавший огромные размеры. В первую очередь нужно было уничтожить махновские банды.

Махно рвался к Полтаве. Он казался неуловимым: шел без дорог, балками, буераками, перелесками. Его банды из дезертиров, уголовных преступников, кулаков, ненавидевших советскую власть, были полны отчаянной решимости.

Используя свой богатейший опыт борьбы с басмачами в Средней Азии, Фрунзе приступает к планомерному очищению Украины от разбойничьих шаек Махно и Тютюника. Наряду с широкой политической работой на селе, организацией вооруженных отрядов из незаможных селян, укрепляются местные гарнизоны и создаются летучие бригады пехоты и конницы. На первом этапе борьбы наши отряды ограничивались тем, что оттесняли банды Махно от занимаемых ими пунктов и сосредоточивали

внимание на важнейших трактах. Фрунзе изменил этот порядок и поставил отрядам задачу полностью уничтожить банды: широко вести разведку и заниматься не только преследованием махновцев, а выходить им наперерез, обходить и охватывать. Усилил связь между отрядами, систематически обследовать боковые пути, гати, балки.

По приказу Фрунзе был сформирован «летучий корпус», в который входило несколько отрядов. Преследовать Махно приходилось в невероятно тяжелых условиях. Был февраль 1921 года. Плохо обмундированные части шли через голодный край, опустошенный гражданской войной, под дождем и снегом, в метели, по размытым дорогам.

Под Недригайловым, после долгого и мучительного перехода, красные бойцы настигли одну из банд Махно. Конные махновцы дрались с редким остервенением, но все же были разбиты. Взятые в плен махновцы рассказывали в штабе:

— Никогда не было, чтобы против нас так дралась пехота, которая бьет наших и дуrom лезет вперед, нисколько не боясь шашки скачущего конника... Это какая-то черная танка...

— Почему «черная танка»?

Махновец указал на бойцов, у которых на голове были черные каракулевые шапки — подарок Московского совета.

«Летучий корпус» продолжал преследование. Командование доносило Фрунзе, что пехота сильно переутомлена большими переходами и ежедневными боями. Средняя величина переходов достигала восьмидесяти верст, средняя продолжительность отдыха в сутки равнялась трем-четырем часам. Командование доносило о голоде — в частях иногда по три-четыре дня бойцы не получали горячей пищи.

Забота о положении бойцов была у Михаила Васильевича одной из первых. Фрунзе выехал в распоряжение частей ознакомиться с их состоянием. Одновременно было отдано распоряжение о подготовке смены.

Фрунзе прибыл на станцию Решетилровку (около Полтавы) и выехал в сопровождении ад'ютанта и двух ординарцев в село Решетилровку. Туда должна была притти одна из красных частей, и в ожидании ее Михаил Васильевич беседовал с крестьянами. Вдали, по дороге, в вечерней полумгле двигалась колонна. Не дойдя до села, отряд остановился. Фрунзе выехал навстречу и крикнул:

— Выйдите кто-нибудь вперед и доложите!

Ответа не последовало.

Ординарец Фрунзе прищипил коня и, подскакав к неизвестному

отряду, крикнул:

— Командующий войсками товарищ Фрунзе приказывает...

Раздались выстрелы. Ординарец свалился мертвым. Стоявшая впереди часть оказалась шайкой махновцев. Узнав, что перед ними Фрунзе, бандиты бросились к нему.

Михаил Васильевич крикнул своим спутникам:

— Мчитесь в разные стороны! — и повернул в поле.

Махновцы бросились в погоню. Над головой Фрунзе завизжали пули. Неожиданно стала сдавать лошадь — она была легко ранена. Михаил Васильевич обернулся и выстрелом из карабина свалил одного махновца. Но их было много. Фрунзе спешил и открыл огонь по преследователям. Еще два махновца были сбиты... Фрунзе снова вскочил на лошадь, и она из последних сил понесла всадника. Одна из вражеских пуль все же настигла его — он был ранен в бок навывлет.

Уйдя от погони, Михаил Васильевич выехал к реке и стал промывать рану. Случайно он увидел, как с противоположного берега в него прицеливается из винтовки стрелок. На груди стрелка был красный значок. Фрунзе крикнул:

— Это я, Фрунзе!..

В. В. Куйбышев, подробно рассказывавший об этом эпизоде, добавил: «Об этом случае стало известно в Политбюро. С одной стороны, Фрунзе проявил величайшую отвагу, решительность, находчивость. С другой стороны, он не должен был, как командующий войсками, сам ходить на разведку. Все это было соответствующим образом отмечено».

В конце июня 1921 года части Красной армии нанесли решительное поражение махновским отрядам под Недригайловым. Отдельные группы махновцев еще продолжали грабить и убивать мирное население, но к августу они окончательно распались, а сам Махно бежал в Румынию.

Дни героической борьбы Красной армии сменились буднями демобилизации. Редели ряды командного состава — много командиров и политработников ушло на хозяйственную и советскую работу. Оставшиеся кадры находились в невероятно трудных материальных условиях, казармы имели нежилой вид, командиры и бойцы не были достаточно обеспечены ни продовольствием, ни обмундированием. Экономическая разруха легла тяжелым бременем на всю страну. Многие города и села были разорены. Шахты и рудники затоплены водой. Фабрики и заводы стояли в бездействии. Железнодорожный транспорт был парализован — развороченные пути, взорванные мосты, сваленные под откосы вагоны и

паровозы, сожженные депо, подорванные водокачки. На селе — запущенные, поросшие сорняками поля, почти поголовная гибель скота. В условиях послевоенной разрухи демобилизация армии, к концу 1920 года достигшей численности в 5 300 тысяч, проходила медленно, с большими трудностями. Демобилизуя армию, нужно было учитывать указания Ленина и Сталина о капиталистическом окружении. Фрунзе писал: «Наша страна попрежнему находится в положении осаждаемой крепости... энергия и воля страны должны быть направлены попрежнему на создание и укрепление нашей военной мощи».

Красная армия тяжело переживала полосу реформирований и реорганизации при отсутствии планов и твердых организационных схем. «Лениво и вяло шевелятся колеса военной машины, — писал Михаил Васильевич, — и так же лениво и вяло шевелится и современная военная мысль».

Нужно было во что бы то ни стало разработать организационную схему строительства вооруженных сил, не ожидая конца затянувшейся на весь 1921 год демобилизации. Фрунзе вызывал к себе крупнейших представителей старого генерального штаба и вел с ними продолжительные беседы, стараясь выяснить, какими идеями они руководствовались в строительстве вооруженных сил. Одновременно Фрунзе изучал старую военную литературу и печать: «Русский инвалид», «Разведчик». В итоге Михаил Васильевич пришел к неутешительному выводу: «У нашего старого Генерального штаба не существует никаких определенных взглядов по этому основному вопросу военной теории, и даже более того — нет ясного представления, в чем, собственно, состоит самый вопрос, нет умения правильно поставить его».

Фрунзе обратился к изучению литературы и уставов германской, французской и английской армий. Под руководством Михаила Васильевича работниками штаба был целиком переработан кавалерийский устав, перерабатывался устав строевой пехотной службы и др. Кроме того, был составлен проект наставления для авиационных начальников. Это было в то время, когда авиация Красной армии почти не имела летательных аппаратов. Но Фрунзе хорошо умел предвидеть будущее.

Впоследствии опыт по разработке уставов был использован Фрунзе, когда он возглавил вооруженные силы Республики. Под руководством Фрунзе Красная армия получила все уставы.

Лучшая забота о будущем — это строить сегодня. Для того чтобы строить, необходим план. Создать план без руководящей идеи в вопросах военного строительства нельзя. Эта идея заключалась в работах Ленина и

Сталина и в программе коммунистической партии, и ее необходимо было практически разработать. Великая заслуга Фрунзе в том, что он разработал эту идею детально, обосновав ее экономически. Вопросы военного строительства Фрунзе не отрывал от общей политики советского государства.

«Все военное дело данного государства, — писал М. В. Фрунзе, — вплоть до его учения, на основе которого строятся его вооруженные силы, является отражением его жизни и, в конечном счете, его экономического быта, как первоисточника всех сил и ресурсов».

Наряду с практической работой по воспитанию и боевой подготовке армии, Фрунзе занимается разработкой опыта войн минувшего десятилетия. Нужно было обобщить большой опыт мировой и гражданской войн и на основе его развернуть активное творчество в военном деле. Необходимо отметить, что разработкой вопросов военной теории Михаил Васильевич занимался и тогда, когда ему приходилось быть практиком военного дела: на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах он устраивал беседы и выступал с докладами. И на Украине Фрунзе выступает с докладами, статьями, которые оплодотворяют военную мысль, дают ей руководящую нить для разработки основных вопросов военного строительства. Его доклады и статьи на теоретические темы изложены чрезвычайно просто. При глубоком разборе вопроса они были доступны и рядовому читателю и слушателю благодаря конкретности и практической установке.

Привлечь научную мысль, развязать творческую инициативу, возбудить интерес к военным проблемам — таковы были цели Фрунзе. В Харькове, при своем штабе, Михаил Васильевич организовал «Общество ревнителей военных знаний», в которое, помимо военных работников, привлек представителей науки, техников, химиков и т. д. Это была научная общественная организация, которая получала лишь некоторую помощь от командования.

В разговоре с одним из членом общества Михаил Васильевич спросил: — А вы будете просить у меня денег? Если вы будете просить денег, тогда я считаю заранее, что ничего из вашей работы не выйдет. Будет та же самая казенщина, которая была и раньше.

Фрунзе добивался также создания кружков в корпусах, бригадах, полках и, зная, какие творческие силы таятся в народной массе, указывал на необходимость привлечения в эти кружки рядовых красноармейцев.

В том же 1921 году Фрунзе выдвигает ряд предложений, которые получили затем свое осуществление. Первое из них — учреждение

военных факультетов при высших учебных заведениях, второе — организация комитета по развитию воздушного флота. По инициативе Фрунзе на Украине создается «Всеукраинское общество авиации и воздухоплавания».

После большой теоретической подготовки Фрунзе разрабатывает и публикует тезисы «О единой военной доктрине». Появление их в 1921 году отвечало насущной потребности дать правильное освещение вопросам в происходившей тогда дискуссии о строительстве Красной армии, об основах комплектования, воспитания и обучения бойцов армии пролетарской революции.

«Единая военная доктрина» охватывала, по мысли Фрунзе, следующий «примерный круг общих идей и вытекающих из них практических задач».

Современные войны «втягивают в свой круговорот и подчиняют себе решительно все стороны общественного быта, затрагивают все без исключения государственные и общественные интересы.

М. В. Фрунзе и К. Е. Ворошилов.

Театром военных действий теперь являются не узко ограниченные пространства, а громадные территории с десятками и сотнями миллионов жителей; технические средства борьбы бесконечно развиваются и усложняются, создавая все новые и новые категории специальностей, родов оружия и т. д. и т. д.».

В современной войне «государство должно заранее определить характер общей и, в частности, военной политики, наметить соответственно с нею возможные объекты своих военных устремлений, выработать и установить определенный план общегосударственной деятельности, учитывающий будущие столкновения и заранее обеспечивающий их удачу целесообразным использованием народной энергии».

Военный аппарат в современной войне «должен принять наиболее отвечающую общим государственным заданиям организационную форму и дальнейшей работой создать прочное единство всех вооруженных сил, связанных сверху донизу общностью взглядов как на характер самих военных задач, так и на способы их разрешения».

И, наконец, учение о единой военной доктрине «должно прежде всего указать характер тех боевых столкновений, которые нас ожидают. Должны ли мы утвердиться на идее пассивной обороны страны, не ставя и не преследуя никаких активных задач, или же должны иметь в виду эти последние?»

В своих тезисах Фрунзе утверждал, что Рабоче-крестьянская Красная армия, являясь армией нового типа, должна создать и свое новое оперативное искусство и тактику, иметь свою систему классового комплектования, воспитания и обучения. Основные принципы, которые защищал Михаил Васильевич, нашли свое воплощение в строительстве нашей великой и непобедимой Красной армии.

Против этих положений резко ополчился враг народа Троцкий, который хотел передоверить строительство Красной армии буржуазным военным специалистам, отрицал марксистские принципы в деле строительства вооруженных сил, считая ненужным политическое воспитание бойцов. Он всячески стремился дискредитировать, опорочить роль командиров-коммунистов в гражданской войне, героическую борьбу и победы Красной армии.

Необходимо отметить, что клеветнические, контрреволюционные выпады против Красной армии и стремление вызвать в ее рядах разложение подрывом авторитета командиров-коммунистов, вынесших на

себе всю тяжесть гражданской войны, производились Троцким в то время, когда еще шла борьба с японскими интервентами и решалась судьба Дальнего Востока.

«По его [Троцкого] словам, — заявил Михаил Васильевич на совещании военных делегатов XI с'езда РКП(б), — выходит так, как будто мы ничего решительно в области военного дела особенного не сделали, что с точки зрения правильности наших операций у нас дело было из рук вон плохо, что никаких особенных успехов с точки зрения военного искусства мы не имели, не показали, не проявили. Я полагаю, что; эти утверждения прежде всего об'ективно неверны, а психологически по своим последствиям просто вредны...»

Нельзя было успешно строить вооруженные силы страны, не подавив сопротивления троцкистов, «рабочей оппозиции» и других врагов партии, мешавших строительству советского государства и Красной армии. Особенно острая борьба с троцкистами и «рабочей оппозицией» развернулась внутри украинской партийной организации. Разгромом этих антипартийных группировок руководил В. М. Молотов, бывший тогда секретарем ЦК КП(б) Украины. Фрунзе беспощадно разоблачал троцкистов и шляпниковцев. Когда на пленуме ЦК и ЦКК (9 августа 1921 года) по предложению товарища Ленина обсуждался вопрос об исключении из партии лидера «рабочей оппозиции» Шляпникова, Фрунзе выступил с требованием самых суровых мер по отношению к оппозиционерам. Один из оппозиционеров, выступая потом на с'езде, демагогически жаловался:

— Фрунзе нас хочет расстрелять из пулеметов...

Вскоре после августовского пленума ЦК партии Фрунзе был послан с дипломатической миссией в Турцию.

В стране, куда ехал Михаил Васильевич, еще крепко жила издавна установившаяся во всех слоях населения враждебность к царской России. О Советской России турецкий народ знал мало. Лживой информацией, клеветой и всяческими небылицами антантовская и белогвардейская печать стремилась усилить в турецком народе ненависть к Советской России.

На деле в лице Советской России турецкий народ обрел искреннего друга, который помог ему в борьбе за национальную независимость. Эта помощь советского народа сыграла большую роль в вооруженной борьбе с империалистами, пытавшимися задушить национально-освободительное движение в Турции, проходившее под руководством Мустафы-Кемалю.

Известно, что освободительная война турецкого народа, завершившаяся его победой, протекала при активной дружественной поддержке Советской страны.

В поездке по Турции Фрунзе сопровождал почетный конвой. Благодаря знанию киргизского языка, который имеет общие корни с турецким, Фрунзе всю дорогу вел с аскерами оживленную беседу. Как представитель Советской России Фрунзе быстро завоевал симпатию турецкого народа. Один из работников посольства рассказывает:

«...Турки в один голос говорили о Фрунзе, как о замечательном человеке, о его симпатиях к турецкому народу и о том, как он расположил всех к себе... Его называли и генералом, и товарищем, и пашой».

Фрунзе приобрел популярность без всякой официальной шумихи. Ее создал сам турецкий народ. Быстро разнеслась молва, что «паша» Фрунзе всем доступен, запросто беседует с народом. Михаил Васильевич выступал с сообщениями о Советской России не только в городах, но и в маленьких селениях. Он говорил, что Советская Республика — друг угнетенных народов, что прошлая захватническая политика царской России чужда советской власти.

Возвратившись из Турции, Михаил Васильевич приступает к практическим задачам обучения войск. Весной 1922 года, выступая на совещании начальствующего состава Украины и Крыма, Фрунзе дал развернутую программу военно-политической подготовки Красной армии.

«...Воспитание и обучение, — говорил Фрунзе, — должны производиться на основе единых, проникающих всю толщу армии, взглядов по основным вопросам, касающимся задач Красной армии, основ ее строительства и методов ведения боевых операций. Совокупность этих взглядов, сведенных в систему при помощи марксистского метода анализа общественных явлений и преподаваемых Красной армии в уставах, приказах и наставлениях, и дает армии необходимое ей единство воли и мысли».

Командиры и политработники, говорил Фрунзе, должны стремиться:

«1. К полной и наискорейшей ликвидации безграмотности. Первого мая каждый красноармеец должен будет ясно, отчетливо и сознательно прочитать текст торжественного обещания.

2. К превращению каждого красноармейца в сознательного гражданина, знающего свое место в Советской Республике и свои задачи в отношении окружающего нас мира врагов.

3. К достижению максимальной военной квалификации бойца.

4. К закреплению духовной связи командного состава армии с ее низами.

5. К окончательному устранению деления командного состава на спецов и неспецов путем создания единой семьи верных пролетарской

государственности военных работников».

Подытоживая опыт минувших войн и собственную полководческую практику, Фрунзе особо отметил, что тактика Красной армии была и будет пропитана активностью в духе смелых и энергично проводимых наступательных операций. Это вытекает из классовой природы рабоче-крестьянской армии и в то же время совпадает с требованиями военного искусства.

Тезис Фрунзе об активности вызвал у некоторой части военных работников возражения. В своей критике они заявляли:

— Помилуйте, это же идеи Суворова!

Фрунзе признавал, что военный гений Суворова создал много ценного и на сегодняшний день. Свою готовность использовать военное наследие Суворова Фрунзе подтвердил позднее в следующих словах:

— Мы должны добиваться дальнейшего совершенства, дабы в случае необходимости мы новую войну провели с наименьшими потерями и жертвами, с «малой кровью», как говорил один из величайших полководцев старой России — Суворов.

Глубокая человечность Фрунзе, постоянная забота о бойцах и командирах Красной армии находили свое отражение и в его приказах и в соответственных указаниях начальствующим лицам при частых выездах на места. Забота о создании хороших материальных условий жизни армии проявлялась не только в повышении окладов, что тогда играло очень важную роль, но и в изыскании средств на ремонт казарм, на оборудование клубов в частях и т. д. Когда к Фрунзе поступали жалобы, что семьям красноармейцев не предоставляется установленных законом льгот, он заметил;

— Ни одно малейшее заявление красноармейца не должно остаться без внимания.

Через президиум ВУЦИК Фрунзе добился указания местным властям на их обязанность чутко относиться к семьям красноармейцев.

Свою государственную и военную работу Михаил Васильевич тесно связывал с партийной. Участие в партийных с'ездах и конференциях (с 1921 года Фрунзе избирается на всех с'ездах в члены ЦК партии), выступления с докладами на партийных собраниях наглядно показывали глубокую подготовку Фрунзе к решению самых разнообразных вопросов. Его доклады по истории партии, по характеристике текущего момента насыщены глубокой принципиальностью. В огромной борьбе, которую партия под руководством Ленина и Сталина вела с троцкистскими и

бухаринскими предателями, Фрунзе всегда отстаивал чистоту ленинско-сталинских принципов.

Работая на Украине как командующий и организатор вооруженных сил, Михаил Васильевич являлся одним из руководителей Украинской советской республики. Будучи заместителем председателя Совета народных комиссаров УССР, Фрунзе активно участвовал в законодательной и организационной работе по советскому строительству. Руководствуясь указаниями товарища Сталина о необходимости объединения советских республик в единый союз народов, Фрунзе в мае 1923 года принимает участие в разработке предложения к братским республикам приступить к образованию СССР. Такие предложения были сделаны Белоруссии и Закавказской советской федерации. С пропагандой идеи союза советских республик Фрунзе выступает на собраниях рабочих и крестьян, в печати и с докладами в общественных организациях, Фрунзе был ближайшим помощником товарища Сталина в создании первой конституции СССР. По окончании разработки конституции Фрунзе выступил с докладом на VII Всеукраинском съезде советов и активно участвовал в оформлении великого Союза советских народов.

На апрельском пленуме ЦК в 1924 году специальная комиссия, обследовавшая состояние Красной армии, сделала доклад, сущность которого сводилась к следующему:

«Красной армии, как организованной, обученной, политически воспитанной и обеспеченной мобилизационными запасами силы, у нас в настоящее время нет. В настоящем своем виде Красная армия небоеспособна»^[35].

Военный аппарат требовал немедленной реорганизации. По вине Троцкого и его ставленников штаб Красной армии, выполнявший множество сложных и разнообразных функций, превратился в громоздкий бюрократический аппарат и не мог справляться со своей работой. Штаб не был подготовлен к разрешению военных проблем, оторвался от армейских низов и не знал армии. Им даже не был разработан план мобилизации, а оперативные предположения строились без учета материальных ресурсов. Разоблачив Троцкого как врага партии и трудящихся, отстранив его от руководства армией и очистив армейские учреждения от его подлых союзников, партия и правительство решили поручить дело реорганизации Красной армии испытанному большевику и выдающемуся полководцу Михаилу Васильевичу Фрунзе. С начала 1924 года Фрунзе был назначен заместителем председателя Реввоенсовета Союза ССР. Михаил Васильевич

оставил пост командующего войсками Украины и Крыма и переехал из Харькова в Москву вместе с семьей: женой, четырехлетней дочерью Татьяной и сыном Тимуром, родившимся в 1923 году.

Создание правильной структуры центрального военного аппарата должно было стать первым звеном военной реформы. На штаб, по предложению Фрунзе, возлагалась задача разработки планов войны, мобилизации и строительства вооруженных сил в соответствии с экономическими ресурсами страны. Работа по подготовке войск в мирное время (обучение, комплектование, материальное снабжение) должна быть возложена на самостоятельные органы управления.

Вторым звеном военной реформы должна была стать перестройка плана развертывания Красной армии и флота и общая реорганизация войсковых частей и соединений. В связи с этим на учете данных о возможных противниках и театрах будущих столкновений перестраивались планы развертывания и штаты частей. Новый порядок упрощал и ускорял материальное обеспечение частей и в мирное время создавал более благоприятные условия для подготовки войск. Уничтожалась диспропорция в развитии отдельных родов войск, сокращались тыловые учреждения, сеть военно-учебных заведений согласовывалась с общим планом комплектования армии командным составом.

Реорганизации подлежали все без исключения роды войск, но наибольшему изменению подверглась пехота.

— Победа будет решаться тем родом оружия, — говорил Михаил Васильевич, — которое мы считаем и считали основным, главным, а именно — нашей пехотой.

Проведение реформы по-новому ставило проблему материального снабжения армии. Страна тогда уже была на пути к залечиванию ран, нанесенных народному хозяйству войной и интервенцией. Процесс восстановления довоенной промышленности приближался к концу. Делались крупные вложения в капитальное строительство. Однако в те годы Советский Союз продолжал оставаться страной технически отсталой. К разрешению ответственной и трудной задачи перевооружения Красной армии и оснащения ее новой техникой Фрунзе приступил под непосредственным руководством товарища Сталина.

— При нашей экономической отсталости, — говорил Фрунзе, — о многом мечтать не приходится, но кое-что может быть нами сделано и сейчас.

Свою работу Фрунзе начал с изучения. Без ложной скромности он

сказал однажды слушателям Военной академии:

— Лично про себя скажу честно и открыто, что по целому ряду вопросов я постоянно ощущаю свою величайшую отсталость. Чувствую, как много надо работать...

И Фрунзе работал. Он изучает хозяйственные возможности страны, беседует с руководителями трестов и предприятий, выезжает на заводы, конспектирует отчеты о работе различных отраслей промышленности, подсчитывает с карандашом в руках производственную мощность заводов и, пропустив через свой неутомимый мозг огромный материал, прощупывает перспективы дальнейшего развития. Исходя из экономических возможностей, Михаил Васильевич намечает план технического оснащения армии пулеметами, артиллерией, авиацией, химией.

Перевооружать армию Фрунзе начал планомерно, систематически. Высчитав, какое количество пулеметов армия получила в наследство, учтя их техническое состояние, системы, запасы патронов и производственные возможности промышленности, Михаил Васильевич находит возможным дать каждому взводу станковый пулемет. Одновременно он подает мысль изобрести, в дополнение к станковому, легкий ручной пулемет и обязательно под трехлинейный патрон. (Красная армия получила свой ручной пулемет уже после смерти Фрунзе.)

До 1924 года дивизия Красной армии имела двадцать четыре орудия. По инициативе Фрунзе количество артиллерии в дивизии удваивается.

Танков в Красной армии не было, за исключением нескольких трофейных. Мысль Фрунзе обращается к трактору.

«Мы строим заводы, — заявил Михаил Васильевич, — ввозим тракторы, и мы должны тракторостроение поставить так, чтобы тракторы могли выполнять важные функции в деле обороны».

Красной армии нужны самолеты, и Фрунзе добивается организации авиатреста. Он решает создать военно-химическое управление и выступает на президиуме Высшего совета народного хозяйства с докладом о значении развития химической промышленности.

Михаил Васильевич оказывает помощь в развертывании работы ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института), поддерживает инициативу конструктора-изобретателя ручного пулемета Дегтярева, поощряет научное дерзание молодых конструкторов самолетостроения и будит творческую мысль в области собственного моторостроения. Научный работник в кабинете Фрунзе — частый гость. Ученые с мировыми именами

поражаются проникновением Фрунзе в область чистой науки и его умением сочетать ее задачи с вопросами обороны. Михаил Васильевич рисует перед ними перспективы развития научной работы с вдохновением истинного художника. Своим ясным умом, глубоким обаянием он привлекает к себе лучших ученых страны.

Почти одновременно с переходом на работу в Реввоенсовет Республики в начале 1924 года Фрунзе был назначен начальником Военной академии.

Когда-то, в далекой ссылке, Михаил Васильевич руководил маленьким кружком по изучению военного искусства. Сейчас коммунистическая партия самого большого в мире государства поручила ему готовить пролетарских стратегов и полководцев.

С приходом Фрунзе в жизни академии началась новая полоса. До него преподавание там велось по-старинке. Преподаватели, в большинстве переведенные из бывшей Николаевской академии, относились свысока к своим слушателям — боевым командирам гражданской войны.

В тесной связи с реформами в Красной армии Фрунзе ставит перед академией задачу превращения ее в подлинно большевистскую кузницу командных кадров, в центр военно-научной мысли. Академия должна была подняться на высоту самой передовой военной науки, обобщить и использовать богатейший опыт мировой и гражданской войн, сделать великое, всепобеждающее учение Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина основой всей своей творческой работы.

«Нам нужен командир, — говорил Фрунзе, — который был бы не только техником, но и общественником во всем высоком значении этого слова. Классовый состав нашей высшей военной школы сам по себе достаточно красноречиво говорит о том, кому служит наш командный состав, наша Красная армия. Но для того чтобы интересам рабочих и крестьян служить наилучшим образом, еще недостаточно одной принадлежности к пролетариату или крестьянству и даже самой беззаветной преданности трудящимся.

...Наш командир должен уметь ставить работу так, чтобы массы видели в нем не только технического руководителя, но и воспитателя. Но это возможно только в том случае, если наш командир будет иметь достаточно широкий политический кругозор, чтобы он умел разбираться во всем сложном и непрерывно меняющемся переплете классовых и национальных сил, который показывает нам новая действительность. Для этого нужно, чтобы он в совершенстве овладел методом марксизма-

ленинизма».

Перед слушателями академии Фрунзе предстал как большая политическая фигура, как человек, которому можно верить безгранично. Многие знали его по фронтам и уже тогда почитали его как искусного пролетарского полководца, организатора масс и политического руководителя.

Фрунзе был чутким человеком, но требовательным начальником. Михаил Васильевич часто приходил в академию в часы занятий, следил, насколько тщательно подготовлены и слушатели, и преподаватели, иногда сам производил разбор какой-либо тактической задачи, делая необходимые указания. Фрунзе совершенно реорганизовал — беспорядочный в прошлом — учебный процесс, сделал обязательным изучение авиации и химии, иностранных языков.

Умея по-ленински относиться к военным специалистам, Фрунзе пользовался полным доверием со стороны академической профессуры и заставил понять, что со старыми навыками пора покончить. Под его влиянием профессура ознакомилась с целым рядом важнейших операций гражданской войны, о которых до этого не имела ни малейшего представления, начала изучать основы марксистско-ленинской методологии, научилась применять новые знания в преподавательской работе. При Фрунзе академия получила прочную базу, чтобы превратиться в настоящую пролетарскую школу военного искусства.

В январе 1925 года Фрунзе был назначен народным комиссаром по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета Союза ССР.

Как отмечает К. Е. Ворошилов, с назначением М. В. Фрунзе «весь центральный аппарат Красной армии был до основания реорганизован и почти полностью обновлен за счет привлечения боевых командиров-коммунистов и политработников — участников гражданской войны и молодых наших академиков. В этот знаменательный год в истории Красной армии всколыхнулась до самых низов вся армейская общественность, к разработке вопросов военного строительства были по-настоящему привлечены наши молодые коммунистические кадры. После нескольких лет опасного застоя в Красной армии повеяло впервые свежим воздухом»^[36].

Осуществляя сталинский план создания мощной Красной армии и руководя вооруженными силами СССР, Фрунзе вел одновременно и большую работу по подготовке народного хозяйства на случай войны. Общеизвестно, что организация народного хозяйства без учета военного столкновения обрекает страну на разгром. Фрунзе приступает к разработке

мобилизационного плана народного хозяйства, используя все те преимущества, которые давала наша хозяйственная структура; ее плановость, централизованное управление и т. д. Свою работу Фрунзе начинает с изучения сил возможного противника: население, посевная площадь, промышленность (выпуск чугуна и другого сырья для вооружения), пропускная способность транспорта, состав вооруженных сил, военная литература и уставы. Вся эта подготовительная работа позволяла ему конкретизировать поставленные задачи, которые Фрунзе изложил в одной из своих речей:

«Достаточно, чтобы руководители нашей хозяйственной деятельностью, всей нашей промышленности, строя свои планы и предположения, осуществляя свои мирные задания, всегда имели перед собой вопрос о том, как такое-то положение отразится на деле обороны государства, нельзя ли сделать так, чтобы соответствующая промышленность удовлетворяла соответствующим потребностям военного времени, — достаточно того, чтобы наша мирная работа служила в целях обороны».

Конкретно это означало следующее: при постройке новых заводов, элеваторов, холодильников, электростанций, железных дорог надо принимать во внимание задачи обороны. Строить завод надлежит с учетом стратегической безопасности его расположения. А само строительство, начиная от закладки фундамента и кончая расчетами производственной мощности, вести с учетом перехода на военное производство. Каждое хозяйственное предприятие должно иметь мобилизационный план. Свое изучение военной промышленности Фрунзе вел не только в кабинете, но и на предприятиях, лично контролируя качество продукции.

Для военной промышленности нужны специальные командные кадры, и Михаил Васильевич учреждает при Военной академии кафедру военной промышленности и снабженческий факультет. Главной задачей при создании военной промышленности Фрунзе считал полную ликвидацию нашей зависимости от заграницы в области военного производства и потребного для него сырья.

Учитывая, что в будущей войне защищать нашу родину будет весь народ, Фрунзе на первом совещании военно-научного общества заявил:

«Нам нужно покрепче внедрить в сознание всего населения нашего Союза представление о том, что современные войны ведутся не одной армией, а всей страной в целом; что война потребует напряжения всех народных сил и средств, что это будет война не на жизнь, а на смерть, и что поэтому к ней нужна всенародная тщательная подготовка еще в мирное

время».

Изучение основ военного дела надо начинать, по мнению Фрунзе, со школьной скамьи. Курс военных знаний и военного воспитания должен быть включен в программу средних школ и вузов. По настоянию Михаила Васильевича вводилась обязательная допризывная подготовка.

Фрунзе считал необходимым развитие военной общественности (Осоавиахим) и спортивных организаций. Выступая 17 июня 1925 года на конференции РЛКСМ, Михаил Васильевич сказал:

«Комсомол должен взять на себя инициативу создания во всех частях нашего Союза сети военных уголков, военных и спортивных кружков, тех центров военной пропаганды, которые нам подготовят и создадут действительно хорошо удовлетворяющую нас во всех отношениях красноармейскую вооруженную силу».

Более четырех лет М. В. Фрунзе занимался непосредственно делом организации вооруженной мощи нашей страны.

Историческая заслуга Фрунзе в том, что он сумел в переходный период, каким являлись для строительства вооруженных сил 1921—1924 годы, вывести Красную армию на путь планомерного строительства. Было положено начало современной военной мощи Советского Союза. Вопросы мобилизации промышленности были поставлены практически, разработаны основы воспитания и обучения войск, переход к единоначалию и т. д.

«Громадные задачи, — писал К. Е. Ворошилов, — которые ставил для разрешения этот незаурядный человек, открыли новую полосу в военном строительстве»^[37].

Фронты, а затем напряженная работа на Украине, частые выезды в Москву и в части войск оставляли Фрунзе очень мало времени для личной жизни. Свои свободные часы, редко выпадавшие, Михаил Васильевич посвящал семье. Фрунзе поддерживал связь со своими товарищами по подпольной работе в Иванове и Шуе; в его доме часто можно было встретить рабочих-ткачей, приехавших побеседовать со своим другом Арсением.

И в служебном кабинете, и дома Фрунзе был обаятельным, жизнерадостным и чутким человеком. Его дочь, Татьяна Фрунзе, вспоминает;

«С нами отец был всегда очень ласков, нежен. Одно время мы жили в Харькове. Как и всегда, отец работал очень много. Все же он находил время и для своей маленькой дочери.

— А где моя Чинара? — спрашивал он еще с порога и начинал

маршировать, стуча сапогами...»

Фрунзе любил классическую литературу, особенно Чехова, которого читал и на фронте. Он следил также за развитием новой литературной жизни в Советском Союзе. Михаил Васильевич хорошо понимал ту роль, которую играет художественная литература в деле воспитания масс, и как большевик стремился приблизить искусство к задачам социалистического строительства. В то время такие литературные организации, как РАПП^[38] и «Кузница», претендовали на исключительную гегемонию так называемых «пролетарских писателей», пытаясь вытеснить из литературы «попутчиков». Такая политика явно противоречила линии партии в вопросах художественной литературы. На заседании литературной комиссии ЦК ВКП(б)

3 марта 1925 года Фрунзе выступил с резкой критикой РАПП.

«Я считаю, — заявил Михаил Васильевич, — что они занимают такую позицию, которая является политически вредной и опасной».

М. В. Фрунзе среди пионеров.

На том же совещании с трескучей декларацией выступили представители «Кузницы».

«Нэп, — говорилось в декларации, — как этап революции, оказался в окружении искусства, похожего на искусничество горилл... Белинских нет. Над пустыней искусства — сумерки. И мы возвышаем свой голос и поднимаем красный флаг... Класс — монолит... Творить искусство только по своему образу и подобию...»

«Я внимательно прослушал декларацию представителя «Кузницы», — ответил Фрунзе, — и считаю эту декларацию как раз выражением самого

настоящего комчванства. Что в ней было сказано?

Товарищ из «Кузницы» заявил, что молодым пролетарским писателям совершенно нечему учиться у попутчиков и что величайшую ошибку и непонимание сущности литературного дела делает тот, кто смотрит иначе.

Подобную позицию я считаю глубоко ошибочной. Это есть выражение коммунистического чванства. Как нам нечему учиться? Каждый из нас, прочитывая новые книги, перелистывая страницы наших журналов, видит, как мало достижений имеет наша пролетарская литература. Когда есть время почитать, то невольно обращаешься либо к старым классикам, либо как раз к нашим литературным попутчикам...»

Интересно отметить отношение Фрунзе к Маяковскому, на которого обрушились представители РАПП и «Кузницы».

— Течение, возглавляемое Маяковским, — заявил Фрунзе, — я считаю вполне законным оттенком в нашей советской литературе и ничего антикоммунистического в этом направлении не нахожу...

XI. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

М. В. Фрунзе в одной из своих анкет сообщал:
«...специальность — столярное дело и военное;
в тюрьме—11 месяцев;
на каторге —7 лет и 9 месяцев;
в ссылке —1 год»,

и на вопрос о состоянии здоровья ответил: «болен желудком». Что под этим мимоходом брошенным замечанием понималось — мало кто знал. Фрунзе не любил говорить о себе и тем более о своих недугах. Казалось, что его бодрый и веселый ум не вмещал таких понятий, как болезнь, смерть. И если бы какой-нибудь строгий судья стал рассматривать жизнь Фрунзе шаг за шагом и искать совершенных им проступков против революции и рабочего класса, то он нашел бы единственный серьезный проступок: Фрунзе не заботился о своем здоровье, которое было необходимо партии и рабочему классу.

В годы гражданской войны Михаил Васильевич никогда не прибегал к врачебной помощи. Но, замечая признаки усталости и болезни у своих помощников, Фрунзе настойчиво указывал:

— Вам надо лечиться, взять отпуск...

Лично же Фрунзе, когда его донимали боли в желудке, пил соду, которая, конечно, не излечивала, а давала только временное облегчение. При этом он со смущенной улыбкой говорил близким:

— Я ей, соде, верю...

В 1922 году Михаил Васильевич по прямому настоянию окружавших его лиц обратился к врачу. Был созван консилиум, который признал необходимым выезд для лечения за границу, в Карлсбад. Для Фрунзе был даже заготовлен заграничный паспорт, но он отказался ехать и продолжал работать.

Уступая просьбам друзей, Фрунзе выехал в Боржом.

Накануне отъезда, без ведома Михаила Васильевича, была послана грузинскому правительству телеграмма:

«...Вчера, уже после получения всех документов, совершенно отказался от заграничной поездки и 29-го (июня 1922 года. — С. Б.) выезжает в Боржом. Положение здоровья серьезнее, чем он, видимо, думает. Если курс лечения в Боржоме будет неудачен, придется прибегнуть

к хирургии... Крайне необходимо создать в Боржоме условия, сколько-нибудь заменяющие Карлсбад».

Поездка в Боржом оказала благотворное действие на здоровье Фрунзе, и он в течение двух лет не высказывал желания приступить к серьезному лечению.

Осенью 1924 года Михаил Васильевич вместе с Ворошиловым провел месяц своего отпуска в Азербайджане. Ежедневно друзья отправлялись на охоту. К. Е. Ворошилов рассказывает об этих днях: «...Горы, овраги и вообще своеобразная, труднопроходимая местность, где мы охотились, заставляла нас каждую минуту брать «препятствия», и Михаил Васильевич, страстный и хороший охотник, был неутомим. Вставая с рассветом, мы часто лишь с наступлением сумерек возвращались в аул, чтобы на рассвете опять двинуться на новые места — такие же скалистые и овражные. Думать о диете или о сколько-нибудь регулярном питании было совершенно невозможно. Питались «подножным кормом» — пищей местного крестьянства, но, невзирая на такой образ жизни, Михаил Васильевич все же поправился, окреп и чувствовал себя превосходно»^[39].

М. В. Фрунзе с детьми — сыном Тимуром и дочерью Татьяной.

Летом, в 1925 году, Михаил Васильевич должен был отправиться в служебную поездку на Украину — ознакомиться на месте с боевой подготовкой частей Красной армии.

Накануне отъезда близкие обратили внимание на крайне болезненный вид Михаила Васильевича: лицо было воспалено, глаза лихорадочно блестели.

— Вы больны, Михаил Васильевич, вам нельзя сейчас ехать.

— Это пустое...

Фрунзе не любил, чтобы ему напоминали о его болезни. Он избегал и думать о ней. Поглощенный любимой работой, он не хотел замечать разрушительного процесса в своем организме. Сказывались последствия каторги, истязаний палачей, напряженная работа на фронте, ранения.

Окружающие настойчиво указывали на опасность для здоровья поездки в данный момент...

— Я поеду, — заявил Михаил Васильевич и стал готовиться к отъезду.

Тогда обратились в Центральный Комитет партии, к Вячеславу Михайловичу Молотову, и рассказали о состоянии Фрунзе.

— Нужно вынести постановление, отменяющее эту поездку.

Вячеслав Михайлович выполнил свое обещание, и поездка Фрунзе была отложена.

Когда здоровье несколько улучшилось, Михаил Васильевич, получив отпуск, отправился в Крым, в Мухалатку. Там в то время отдыхали товарищи Сталин, Ворошилов и Шкирятов. Необходимо упомянуть, что до поездки в Крым Михаил Васильевич перенес две автомобильные аварии, сопровождавшиеся значительными ушибами. Сталин, Ворошилов и Шкирятов узнали от сопровождавшего Фрунзе врача, что у Михаила Васильевича в течение восьми суток продолжалось внутреннее кровоизлияние, которое, повидимому, не прекратилось и в Крыму. Но Фрунзе пренебрег этим грозным симптомом и стремился скорей на охоту в район Ай-Петри. «...Мы его отговаривали,— рассказывает К. Е. Ворошилов, — так как вид у него был не совсем здоровый, предлагали ему сначала окрепнуть, а затем уже охотиться. Но уговоры не помогли, и мы вчетвером — Михаил Васильевич, т. Шкирятов, доктор Мандрыка и я — несколько часов бродили по каменистым спускам Ай-Петри.

Невзирая на неудачную охоту, Михаил Васильевич буквально переродился, стал опять тем же жизнерадостным, ласковым и веселым.

Все же заявление врача о физическом состоянии Михаила Васильевича заставило нас задуматься о его здоровье. Мы все видели, что Михаилу Васильевичу необходим прежде всего абсолютный покой. Я наотрез

отказался ездить с Михаилом Васильевичем на охоту, чем, конечно, огорчил моего друга. Но сам Михаил Васильевич не унимался, охотился на зайцев, был доволен, возбужден и мечтал о настоящей, большой охоте.

Но очевидно кровоизлияния в желудочно-кишечном тракте давали себя чувствовать. Михаил Васильевич стал недомогать и слег»^[40].

Врачи указывали на необходимость операции. Михаил Васильевич беспрекословно согласился.

— Раз нужно, то прошу сделать скорее.

Фрунзе переехал в Москву и лег в Кремлевскую больницу. Как только Михаил Васильевич немного отдохнул и к нему вернулась прежняя жизнерадостность, палата № 19, где помещался Фрунзе, превратилась в рабочий кабинет. На столах были разложены книги, документы, сотрудники являлись с докладами, часто навещали близкие, друзья. Фрунзе следил за всеми событиями и живо на них откликался.

Свой невольный досуг Михаил Васильевич использовал для чтения военной литературы. Он начал штудировать книгу Фоша «Введение в войну», делал выписки, вносил свои замечания.

— Так много работы впереди, — говорил он посещающим его лицам.

Мысли Фрунзе были целиком поглощены военной реформой, которую он вместе с К. Е. Ворошиловым под руководством товарища Сталина начал проводить в жизнь. Работал Михаил Васильевич, как всегда, углубленно, готовился к решению поставленных задач после большой предварительной черновой работы.

Светлый ум Фрунзе видел то огромное будущее, которое открывалось перед страной и руководимой им армией в осуществлении сталинского плана индустриализации, и его не пугали трудности, которые переживала Красная армия в этот период. Больница оторвала Фрунзе от работы, и он переживал это, пожалуй, острее, чем свою болезнь.

Приближался день операции. 26 октября Михаил Васильевич пишет жене:

«Ну вот... подошел и конец моим испытаниям. Завтра утром я переезжаю в Солдатенковскую больницу, а послезавтра (в четверг) будет операция. Когда ты получишь это письмо, вероятно в твоих руках уже будет телеграмма, извещающая о ее результатах».

После операции положение Михаила Васильевича ухудшилось.

Он стал жаловаться на бессонницу.

В 5 часов вечера 29 октября в больницу приехали Товарищи Сталин и Микоян, но к больному их не пустили.

Товарищ Сталин передал Михаилу Васильевичу записку:

«Дружок! Был сегодня в 5 ч. вечера у т. Розанова (я и Микоян). Хотели к тебе зайти, — не пустил, язва. Мы вынуждены были покориться силе. *Не скучай, голубчик мой*. Привет. Мы еще придем, мы еще придем... Коба»^[41].

Врач принес записку товарища Сталина и наклонился над Фрунзе. Он лежал с открытыми глазами.

— Вы не спите? Вам товарищ Сталин прислал записку.

Глаза Фрунзе оживились, на лице появилась улыбка.

— От Сталина... Прочтите...

Выслушав дружеские, ободряющие слова, Фрунзе благодарно кивнул врачу головой и сказал:

— Коба... Друг...

Друзья Михаила Васильевича были глубоко уверены в благоприятном исходе операции.

День прошел спокойно, не внушая серьезной тревоги наблюдавшим за ним врачам. В час ночи дежурный профессор спросил у Михаила Васильевича:

— Как себя чувствуете?

— Лучше...

Но улучшения в действительности не было. Смерть, от которой много раз уходил Фрунзе, готовилась торжествовать победу.

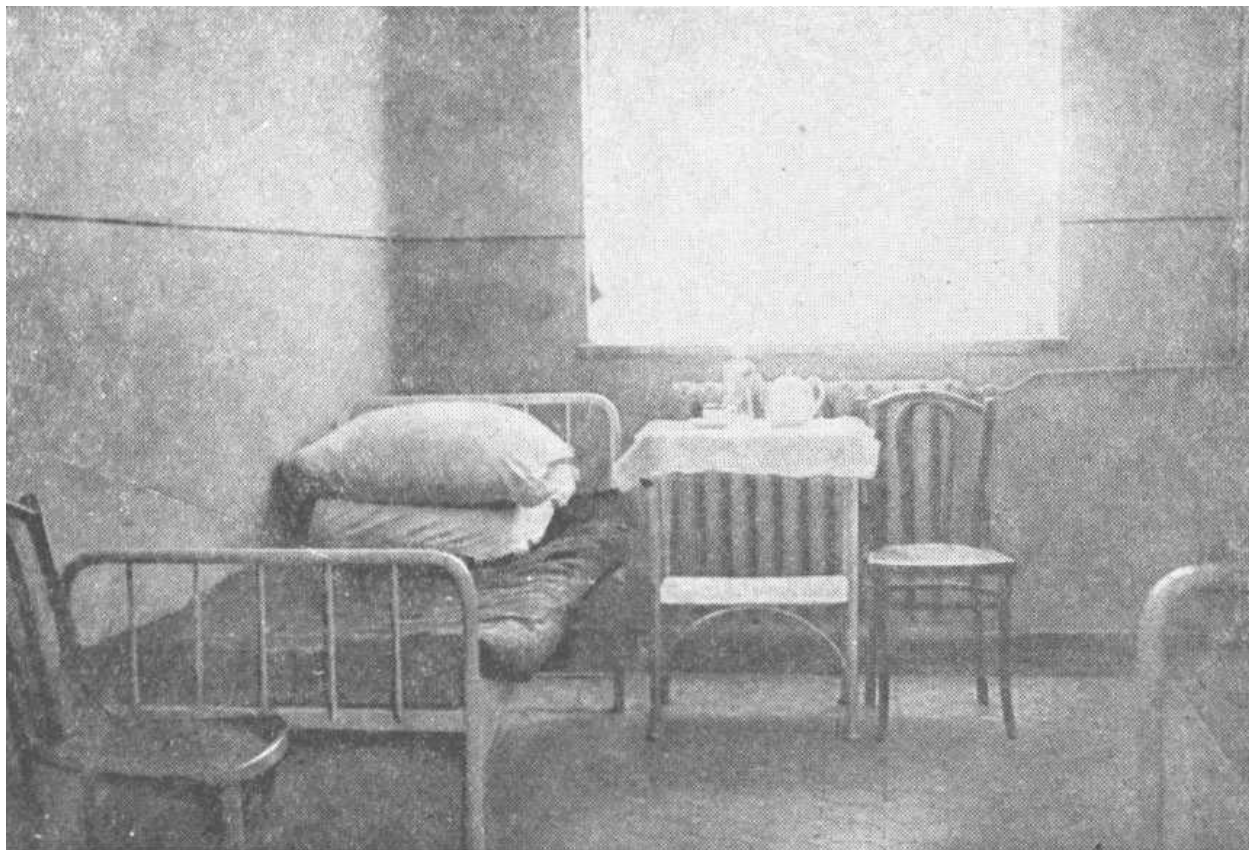
Фрунзе умирал.

Перед операцией он, как-то полусуто, сказал одному из своих друзей:

А помру, похороните меня в Шуе, Там, знаешь, на Осиновой горке...

Он не страшился смерти, как не страшился ее в молодые годы, когда дважды ожидал казни, как не страшился под пулями на Белой, в песках Средней Азии, под Перекопом. Фрунзе знал, что дело, за которое он боролся, бессмертно и непобедимо. Оглядывая свой жизненный путь, он — вернейший солдат революции— мог быть спокоен за судьбу революции: на его глазах поднялась из пролетарской массы мощная и непобедимая большевистская партия, воспитанная Лениным и Сталиным.

В 5 часов 50 минут 31 октября 1925 года благородное сердце большевика и народного героя Фрунзе перестало биться.

Комната в Боткинской больнице, где умер М. В. Фрунзе.

На следующий день газеты вышли в черных рамках, и страна с болью читала обращение партии большевиков:

КО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПАРТИИ!

КО ВСЕМ РАБОЧИМ И КРЕСТЬЯНАМ!

Товарищи!

От паралича сердца умер верный боец нашей партии, один из лучших ее сынов тов. ФРУНЗЕ.

Тов. Фрунзе принадлежал к той славной, стальной гвардии большевиков, которая в глубоком подполье, под бичами и скорпионами царизма подрывала устои проклятого самодержавия; которая среди непроглядного мрака сумела организовать массы, сплотить ряды несокрушимой пролетарской партии, вести в бой революционные миллионы трудящихся; которая сумела руководить победой в битвах, еще невиданных в истории человечества; которая вела и ведет партию, а через нее весь народ, к великому строительству социализма.

Личная история Фрунзе, нашего дорогого, боевого товарища, сердце которого перестало биться в ночь на 31 октября, есть отражение истории

нашей партии, мужественной, беззаветно храброй, до конца преданной пролетариату, сросшейся всеми корнями с рабочими кварталами. Тов. Фрунзе с юных лет был на передовой линии огня. Первые мощные стачки пролетариата, московские баррикады 1905 г., долголетняя каторга, снова и снова подпольная работа, вплоть до взрыва самодержавного режима, — видели Фрунзе как неутомимого и бесстрашного борца.

Баррикады великого Октября, бесчисленные фронты (гражданской войны знали Фрунзе как своего героя, не вышедшего из линии огня, как одного из самых выдающихся организаторов пролетарской победы.

Не раз и не два уходил товарищ Фрунзе от смертельной опасности. Не раз и не два заносила над ним смерть свою косу. Он вышел невредимым из героических битв гражданской войны и всю свою кипучую энергию, весь свой организаторский размах отдал делу нашего строительства, выдвинувшись в качестве вождя нашей победоносной Красной Армии.

И теперь он, поседевший боец, ушел от нас навсегда. Не выдержало его сердце, столько пережившее и бившееся такой пламенной, такой горячей любовью ко всем угнетенным. Умер большой революционер-коммунист. Умер наш славный боевой товарищ. Умер руководитель победоносных боев Красной Армии. Умер выдающийся ее строитель.

От имени всей нашей партии склоняем мы знамя Центрального Комитета перед прахом товарища Фрунзе.

Да здравствует наша партия, сыном которой был Фрунзе!

Да здравствует Красная Армия, которую строил покойный боец!

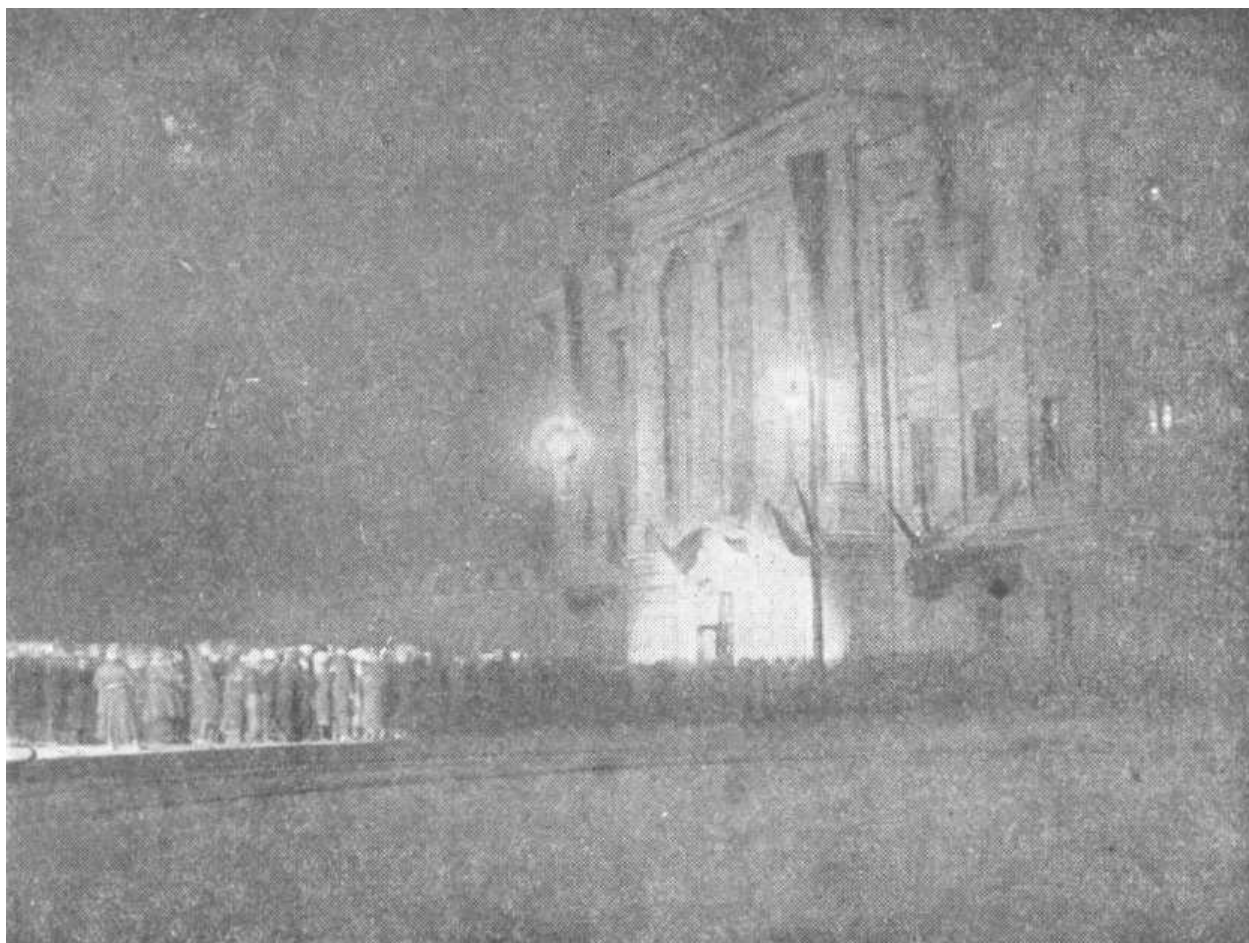
Центральный Комитет РКП(б).

31 октября 1925 года.

М. В. Фрунзе в гробу.

4 ноября 1925 года Москва провожала в последний путь Михаила Васильевича Фрунзе. В этот грустный осенний день за гробом Фрунзе шли три поколения. Тут были старики, которые помнили веселого юношу Арсения, с отвагой бросавшегося в бой за дело партии и рабочего класса, сверстники Фрунзе, делившие с ним дни боевой страды и славы на фронтах в боях за родину, и молодежь, для которой Фрунзе был другом и учителем.

Ночь накануне похорон. Трудящиеся перед Домом союзов идут прощаться с М. В. Фрунзе.

К открытой могиле подошел друг и учитель Фрунзе Иосиф Виссарионович Сталин. Осенний ветер пролетал внезапными порывами над притихшей Красной площадью. Сталин стоял с непокрытой головой. Мужественные черты лица его были скорбны.словно в тяжелом раздумье начал Иосиф Виссарионович свое прощальное слово:

«Товарищи, я не в состоянии говорить долго, мое душевное состояние не располагает к этому. Скажу лишь, что в лице товарища Фрунзе мы потеряли одного из самых чистых, самых честных и самых бесстрашных революционеров нашего времени. Партия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых верных и самых дисциплинированных своих руководителей. Советская власть потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых смелых и самых разумных строителей нашей страны и нашего государства. Армия потеряла в лице товарища Фрунзе одного из самых любимых и уважаемых руководителей и создателей. Вот почему так

скорбит партия по случаю потери товарища Фрунзе.

Товарищи, этот год был для нас проклятием. Он вырвал из нашей среды целый ряд руководящих товарищей. Но этого оказалось недостаточно, и понадобилась еще одна жертва. Может быть, это так именно и нужно, чтобы старые товарищи так легко и так просто спускались в могилу. К сожалению, не так легко и далеко не так просто поднимаются наши молодые товарищи на смену старым.

Будем же верить, будем надеяться, что партия и рабочий класс примут все меры к тому, чтобы облегчить выковку новых товарищей на смену старым.

Центральный Комитет Российской Коммунистической Партии поручил мне выразить скорбь всей партии по случаю потери товарища Фрунзе. Пусть моя короткая речь будет выражением этой скорби, которая безгранична и которая не нуждается в длинных речах»^[42].

Раздается последний орудийный салют...

БИБЛИОГРАФИЯ

Характеристика эпохи, в которую жил М. В. Фрунзе, содержится в «Кратком курсе истории Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)» и в сочинениях классиков марксизма — В. И. Ленина и И. В. Сталина. Непосредственно о деятельности и жизни М. В. Фрунзе имеется множество статей и воспоминаний в нашей периодической печати. Сведения о детстве М. В. Фрунзе получены автором от сестры покойного, Клавдии Васильевны, за что автор приносит ей глубокую благодарность. О дореволюционной деятельности М. В. Фрунзе обширная литература издана в Иваново-Вознесенске, имеются публикации в журнале «Пролетарская революция» и др. При разработке глав, посвященных борьбе Красной армии с Колчаком и Врангелем, автор пользовался консультацией доцента полковника Н. Бушманова.

Из литературы о военной работе М. В. Фрунзе в печатаемом перечне приводятся лишь те труды, которые на основании новейших архивных материалов приближаются к более полному отражению полководческой деятельности М. В. Фрунзе. Приведенные в настоящей книге высказывания и выступления Фрунзе даны с небольшими редакционными изменениями по записям и воспоминаниям современников.

К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия. М., 1937.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи. М., 1937.

М. В. Фрунзе, Собрание сочинений, т. I—III.

В. Кузнецов, Окружной агитатор Арсений. Иваново, 1935.

Дм. Фурманов, Дневниковые записи о М. В. Фрунзе, «Молодая гвардия» № 10—11, 1937.

Иваново-Вознесенская губ. в гражданской войне. Вып. I. Иваново-Вознесенск, 1923.

С. Сиротинский, М. В. Фрунзе. М., 1925.

С. Борисов, М. В. Фрунзе. М., 1940.

Ф. Огородников, Удар по Колчаку. М., 1938.

Документы о разгроме Колчака. «Красный архив» № 2, 1939.

Б. Д. Бобров, Разгром белых под Уфой товарищем М. В. Фрунзе. Труды Академии имени Фрунзе, вып. I, 1939.

Дм. Фурманов, Чапаев, М., 1937.

С. Гусев, Гражданская война и Красная армия. М., 1925.

- В. Ф. Воробьев, Оборона Оренбурга. М., 1938.
- В. Г. Клементьев, М. В. Фрунзе на Туркестанском фронте. Труды Академии имени Фрунзе, вып. I, 1939.
- С. Тимошков, Разгром южной армии Колчака. «Военно-исторический журнал» № 3, 1940.
- С. Сиротинский, С. М. В. Фрунзе по Советскому Туркестану. «Знамя» № 4, 1938.
- Ю. Круковский, М. В. Фрунзе на Туркфронте. Ташкент, 1934.
- Н. Датюк, Штурм Перекопа. М., 1939.
- И. Коротков, Разгром армии Врангеля в 1920 г. «Военная мысль» № 2, 1939.
- Разгром Врангеля. Документы. «Красный архив» № 5—6, 1935.
- Ф. Филиппов, Борьба за Каховку. М., 1938.
- И. Тюленев, Первая Конная в боях за социалистическую родину. М., 1938.
- (Статьи и воспоминания, напечатанные в газетах «Правда», «Известия ЦИК и ВЦИК», «Красная звезда» и др., в журналах «Военный вестник» и «Война и революция» за 1925—1935 годы.)

Примечания

Интересно отметить, что М. В. Фрунзе своего сына, родившегося в 1923 году, назвал Тимуром (Тимур (1337—1405) — восточный полководец, основатель среднеазиатской империи, завоевал Хиву, Герат, Персию. Совершил поход до Волги, Северного Кавказа, в Турцию, Индию, Китай).

«История ВКП(б). Краткий курс», стр. 90.

3

Такова была первая партийная кличка Фрунзе.

4

Ныне город Иваново.

Э. Давид — немецкий социал-демократ, в своей книге «Социализм и сельское хозяйство» выступил с ревизией экономического учения Карла Маркса в области сельского хозяйства и пропагандировал упрочение частной собственности в деревне. В. И. Ленин назвал книгу Давида неуклюжей и громоздкой сводкой ошибочных приемов и рассуждений. В своей знаменитой работе «Аграрный вопрос» Ленин опроверг все доводы Давида.

В. И. Ленин, Соч., т. IX, стр. 223.

Этот паспорт находится сейчас у сестры М. В. Фрунзе — К. В. Гавриловой.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи. стр. 82. Партиздат, 1937 г,

Дивизия Красной армии во время гражданской войны имела три пехотные бригады, по три полка в каждой.

Впоследствии Плясунков показал себя храбрым командиром и был награжден орденом Красного знамени. Плясунков погиб при подавлении антоновского мятежа в Тамбове: он застрелился, не желая попасть в плен.

К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 83. Воениздат, 1937 г.

К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 106—107. Воениздат, 1937.

Ближайшие события показали, что победа войск Южной группы благоприятно отразилась на положении всего Восточного фронта и устранила угрозу к северу от Камы.

К. Е. Ворошилов, Сталин и строительство Красной армии. «Правда» от 21 декабря 1939 г.

«История ВКП(б). Краткий курс», стр. 226.

И. В. Сталин, Об оппозиции, стр. 109—110, Гиз, 1926 г.

Цитируется по «Комсомольской правде» от 10 июня -1939 г.

Там же.

Туркестан до образования на его территории советских республик включал следующие области: Закаспийскую, Самаркандскую, Семиреченскую, Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и ханства — Бухара и Хива.

В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 594.

«История ВКП(б). Краткий курс», стр. 230.

«История ВКП(б). Краткий курс», стр. 230—231.

К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр. 147. Воениздат, 1937 г.

Архив РККА № 29/367.

К. Е. Ворошилов, Сталин и Красная армия, стр, 157—158. Воениздат, 1937 г-

Там же.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 10. Партиздат, 1937 г.

Н. Датюк, Штурм Перекопа, стр. 14. Воениздат, 1939 г.

«Красный архив» № 72, 1935 г.

По составу 51-я дивизия отличалась от остальных. Она состояла из четырех стрелковых бригад, двух кавалерийских полков, четырех легких артиллерийских дивизионов, гаубичного дивизиона, тяжелого пушечно-гаубичного дивизиона, отдельной тяжелой гаубичной батареи и двух автобронеполков.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 11, Партиздат, 1937 г.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 11, Партиздат, 1937 г.

Пехота была построена в четыре эшелона — волны. Каждая волна имела определенную задачу.

Первая волна, так называемые «чистильщики», — это разведчики и саперы, которые должны были проделать проходы в проволочном заграждении. Второй волне ставилась задача преодолеть проволочные заграждения и вплотную подойти к валу. Третья волна должна была пополнить вторую волну и совместной атакой захватить вал. Четвертая волна — закрепить за собой вал и преследовать противника.

В. И. Ленин, Соч., т. XXVI, стр. 25.

Цитируется по «Большевику» № 5, стр. 52, 1938 г.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 563. Партиздат, 1937 г.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 563—564. Партиздат, 1937 г.

«Правда» от 31 октября 1926 г.

«Российская ассоциация пролетарских писателей».

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 7. Партиздат, 1937 г.

К. Е. Ворошилов, Статьи и речи, стр. 8, Партиздат, 1937 г.

«Красная звезда» № 251 (2050) от 31 октября 1930 г.

«Правда» № 253 (3184) от 5 ноября 1925 г.